

Юрий Штаб

16+

ЗАКАТ ПЯТОГО СОЛНЦА

Юрий Штаб
Закат Пятого Солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Штаб Ю. А.

Закат Пятого Солнца / Ю. А. Штаб — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ацтеки и майя верили, что из-за гнева богов гибель уже четыре раза постигала человечество. Они считали, что живут во время Пятого Солнца. И даже мудрейшие не могли предсказать, когда закончится эта эпоха. Но теперь их цивилизации грозил не мор или наводнение, а вторжение белолицых завоевателей... Скука толкнула молодого испанца Фернана Гонсалеса отправиться в недавно открытый Новый Свет. Там, оказавшись в диких, как полагали европейцы, землях, он обнаружит невероятную цивилизацию индейцев майя. Их города и окружающие джунгли полны чудес и опасностей. Фернану придется постараться, чтобы вернуться к испанцам. А впереди его ждут даже более удивительные приключения. Ведь Эрнан Кортес как раз набирает солдат для новой экспедиции, еще не зная, что в Новом Свете есть гигантская империя. И Кортесу суждено будет с ней столкнуться. Перед глазами читателей развернется картина противостояния конкистадоров и ацтеков, которыми правит мудрый и могущественный Монтесума.

Содержание

Первая часть. Фернан Гонсалес.	5
1. Севилья	5
...	8
2. Путешествие на Кубу	14
3. В джунглях Юкатана	22
4. Пленение	34
5. Первые дни в плену	46
6. Знакомство с Чикой	58
7. Жизнь у майя	69
8. Религия	82
9. Планы побега	92
10. Бегство от майя	103
11. Блуждания по Юкатану	115
12. Индейская деревушка	127
13. Город	136
14. Война	144
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Юрий Штаб

Закат Пятого Солнца

Первая часть. Фернан Гонсалес.

1. Севилья

Фернан Гонсалес подошел к окну. Было начало лета, солнце допоздна не желало расставаться с Севильей. Но сейчас густой мрак уже накрыл город. Кое-где тьма оказывалась разрезана яркими пятнами освещенных окон. Куда податься на ночь глядя молодому кабальеро?

На самом деле, податься было куда. Хотя Фернан и отклонил два приглашения в гости, это еще вовсе не обрекало его на одинокий вечер у окна. Он всегда нашел бы себе развлечение на любой вкус. Разве мало в Севилье таверн? Не говоря уж об игральных домах или борделях. Но ему сегодня претило общество. И Гонсалесу было абсолютно все равно, будет ли это компания подвыпивших друзей или же обворожительных, но совершенно беспутных девушек.

Он отошел от окна, взял в руки меч, зачехленный в ножны. Повесил его на левое бедро, добавил еще кинжал на правый бок – выходить из дома безоружным было опрометчиво – затем набросил на плечи плащ. Покрыв голову беретом, молодой человек вышел на улицу и растворился в ночи.

Фернан шел по темной дороге, рассеянно вдыхая аромат цитрусовых деревьев. Он специально выбрал этот путь, где отсутствие света и крайне редко попадавшиеся навстречу прохожие не нарушали его задумчивости. Гонсалес шагал неспешно, не решив еще, куда же ему в итоге направиться. Постепенно он приближался к порту. Бродить там в темное время суток в полном одиночестве было делом рискованным, но молодой кабальеро к опасностям относился с презрительным равнодушием. В восемнадцать лет мало кто верит в собственную возможную гибель. А уж в особенности человек, считающийся одним из лучших фехтовальщиков Севильи. Разумеется, здесь, в портовой части города, ему вряд ли предложат честный бой с соблюдением всех правил. Но Гонсалес мало задумывался об опасностях.

Ноги вынесли его на улицу, где располагалась какая-то таверна. Двери заведения распахнулись и оттуда вывалилась компания из трех человек. Открытые ворота были единственным источником света и на его фоне люди казались черными силуэтами без лиц. На ногах эти силуэты держались не очень уверенно. Обнявшись, они, покачиваясь, двинулись в сторону Фернана. Он не привык уступать дорогу кому бы то ни было, а уж особенно пьяным матросам. Но в этот вечер ему хотелось покоя и тишины. Гонсалес поморщился и отошел в сторону, растворившись в густой тени ближайшего дома. Гуляки прошли мимо, горланя достаточно бессвязную песню. Он продолжил свой путь.

Фернан брел дальше, звуки веселой попойки, доносившиеся изнутри, постепенно затихли. Его снова окружила тишина. Несколько раз на пути ему попадались люди, провожавшие одинокого прохожего пристальными взглядами. Богато одетый молодой человек здесь был в диковинку и явно не в своей среде. Фернан презрительно не обращал на них внимания и не спешил покинуть опасный район. Вдруг из одного переулка послышался звук быстрых шагов. Они были настолько легки, что Фернан даже на секунду не усомнился – шла, или, вернее, бежала, девушка. Куда можно так спешить, двигаясь почти в полной темноте? Возможно, за ней гонятся?

Фернан молниеносно обнажил меч. В этот же миг девушка вынырнула из-за поворота. На ней было простое темно-красное платье. Лицо скрывала легкая вуаль. Она, испуганно вскрик-

нув, шарахнулась в сторону. Кого бы не испугал блеск остро отточенного клинка, сверкнувшего в лучах вышедшей из-за облаков луны? Незнакомка зажала рот ладонью и прижалась спиной к стене.

– Не бойтесь. Дворянин не обидит даму, – вполголоса сказал Фернан. – Вы от кого-то убегаете? Вам нужна помощь?

Девушка пролепетала что-то неразборчивое, покачала головой и устремилась дальше. Вскоре даже силуэт ее пропал, поглощенный сумраком, накрывшим Севилью. Фернан прислушался. Тихо... Нет, за ней определенно никто не гнался. Он поймал острием меча устье ножен и разочарованно всадил клинок в чехол. Звук лязгнувшей стали был единственным, нарушившим тишину. Гонсалес постоял немного, выбирая дорогу, затем двинулся именно в тот переулочек, откуда выбежала промелькнувшая незнакомка.

Его прогулка длилась уже более получаса и вскоре он, так и не измыслив для себя подходящего занятия, совсем уж было решил возвращаться домой. Оглядевшись по сторонам, Фернан с досадой понял, что не совсем хорошо представляет, куда же ему следует двигаться. В эти трущобы он, похоже, раньше не забредал. Молодой человек понял, что нужно направиться в сторону реки и затем, следуя вдоль берега, дойти до порта. Уж там он сориентируется.

Ближайший подходящий для этой цели переулочек оказался весьма узким. Дома, обрамлявшие дорогу, были разделены совсем небольшим пространством. Любой человек смог бы допрыгнуть из окна на одной стороне до какого-нибудь балкона на другой. Луна к этому времени скрылась за набежавшими облаками. Но даже если бы небо оставалось ясным, в глубокой тени от высоких зданий спрятаться мог бы целый отряд. Гонсалес положил ладонь на рукоять меча и на половину вытащил его из ножен. В переулке было тихо...

Он прошел по узкой дороге быстро, но без особой спешки. Похоже, здесь никто не таился. Фернан мысленно обругал себя за излишнюю впечатлительность и снова толкнул клинок обратно в ножны. Что такое – неужели он становится слишком пугливым? Последним в ряду стояло невысокое светлое здание, лишенное окон, скорее всего, какой-то склад. Вдруг на его фоне материализовались две фигуры и кинулись в сторону Фернана...

Доставать меч было некогда, но кинжал оказался в его руке куда быстрее, чем ожидали нападавшие. Когда на тебя безмолвно бросаются из темноты, то надежнее всего убить атакующих, а уж потом разбираться. В такой ситуации глупо надеяться, что все обойдется без кровопролития. Гонсалес прыгнул навстречу противникам, стремясь поскорее вырваться из узкого переулочка. Правой ладонью он сорвал с головы берет и бросил его в лицо одному из бандитов. Кинжал в левой руке в это время уже завершал короткую дугу. Клинок полоснул по лицу второго напавшего, зацепив скулу, а может и глаз. Фернан почувствовал на щеке брызнувшую кровь, а раненый упал и завизжал высоким голосом.

Молодой человек наконец-то выскочил из переулочка и вытащил меч из ножен. Один из бандитов потерял глаз, а вместе с ним и боевой пыл. Он не представлял опасности. Второй же, отбросив в сторону чужой берет, собирался напасть. Здесь, на более широкой улице, оказалось лишь немногим светлее. Фернан нанес несколько размашистых ударов, стараясь отогнать противника. Бой в почти кромешной тьме совсем его не устраивал – попробуй разбери, куда в этот момент направлен чужой меч! Любой камешек под ногой может стоить жизни.

Фернан бы предпочел, чтобы в этот миг случилось чудо и какое-нибудь окно озарилось хотя бы свечой и заспанный, но любопытный горожанин выглянул посмотреть – что за шум на улице? Надеяться на это не приходилось – в этом районе, надо полагать, никто не привык проявлять излишнее любопытство. Фехтовать в таких условиях нелегко, любая случайность могла решить исход поединка.

«Луна, как назло, скрылась! А ведь этот мерзавец вполне мог сбежать после того, как я ранил его дружка и он оказался в одиночестве. Однако же остался... Так уверен в себе?» – промелькнула мысль в голове Фернана.

Их мечи с лязгом скрещивались. Ни один не спешил сблизиться с противником и стать удобной мишенью для чужого кинжала. Бой вслепую диктовал особую осторожность. Уведя в сторону очередной удар, Гонсалес тут же контратаковал. Острие меча вошло в грудь неприятелю. Фернан отскочил, понимая, что бой, по сути, уже выигран. Можно идти дальше своей дорогой, чувствуя законную гордость оттого, что вышел победителем из схватки с двумя неожиданно напавшими негодьями.

«А ведь вся схватка заняла не больше полминуты» – удивленно подумал Фернан. Он всегда поражался тому, как по-разному воспринимает человек бег времени в повседневности и в моменты, когда жизнь висит на волоске. Пока он бился, то казалось, что бой продолжался очень долго, но теперь Гонсалес понимал, что это не так.

Из того же переулка вдруг безмолвно выскочил еще один человек и вскинул руку над головой.

«Собирается бросить нож!» – мелькнула тревожная мысль в голове у Фернана. Сам он в этот момент уже метнулся в сторону, для верности еще и укрыв себя шелестящими складками плаща.

Нож, к счастью, прошел мимо, а Гонсалес, отбросив плащ, уже мчался на разбойника. В первое мгновение он подумал, что это был бандит, получивший удар по лицу и еще удивился, как тот сумел так быстро прийти в себя. Но потом понял, что это третий поделщик двух раненых негодяев. Луна своевременно вырвалась из цепкого плена облаков. Теперь можно было различить рожу противника – на ней не оказалось свежих ран, зато читалась легкая растерянность.

Этот разбойник и ранее имел весьма призрачные шансы выжить в поединке, теперь же, лишившись кинжала, надеяться мог лишь на чудо. Он лихорадочно отступал, шарахаясь из стороны в сторону и надеясь сохранить дистанцию, но все было тщетно. Вскоре он уперся спиной в стену одного из домов, его меч, лязгнув, скрестился с мечом наседающего Гонсалеса. Фернан прижал противника к стене и левой рукой несколько раз всадил кинжал тому в живот и грудь. Затем тут же отскочил – через мгновение у смертельно раненого человека из горла должна потечь кровь, а ему вовсе не хотелось испачкать одежду. Осторожности, впрочем, Фернан не потерял – острие меча смотрело в лицо поверженному. У заколотого бандита действительно пошла кровь изо рта. Ослабевшие ноги больше не могли его удержать – колени подломились и он сполз вниз по стене. Победитель чутко вслушивался в тишину окружающего мира. Нет, больше поблизости никого не было.

Краем глаза Гонсалес видел, что первый разбойник, получивший резаный удар по лицу, до сих пор лежит на земле буквально в трех-четырех шагах слева. Он не подавал никаких признаков жизни, хотя ранение не могло стать смертельным. Скорее всего, потерял сознание. Заколоть? Фернан устало махнул рукой – дворянину не пристало добивать беспомощного. Хотя, сколько же человек отправилось на тот свет стараниями этих молодчиков?

Воин наклонился, чтобы поднять берет. Тот лежал в луже. Фернан еще раз равнодушно махнул рукой и пошел в сторону плаща. Брошенный разбойником нож, как оказалось, запутался в складках материи. Когда кабальеро поднял плащ, возможно, спасший ему жизнь, клинок со звоном упал на мостовую. Фернан поднял кинжал, критически осмотрел, затем небрежно отшвырнул его в сторону и быстрым шагом покинул место битвы.

Вычистив свое оружие и добравшись, наконец, до более людного района Севильи, Фернан задумался. Куда же ему двинуться дальше? В глубине души нарастала волна ликования – справиться в одиночку с тремя головорезами в темном переулке было делом непростым даже для опытного бойца. Однако же он совладал. Свет, льющийся из какого-то окна, позволял осмотреть себя, чем Фернан тут же и занялся. На темном бархате одежды никаких видимых пятен не различить. Молодой человек потер щеку, на которую, он точно помнил, брызнула

вражеская кровь. На ладони остался красный след. Понадеявшись на то, что теперь он выглядит благопристойно, Фернан зашагал дальше.

Он отлично понимал, что вскоре от его эйфории не останется и следа. Так и оказалось – она улетучивалась с каждым шагом. Кровь остывала, а Фернан находил все меньше поводов для радости. Подумаешь, одолел троих разбойников! Ни один из них толком-то и меч в руках держать не умел. Сравнительно с настоящим мастером, конечно! Пожалуй, единственное, чем можно гордиться, так это тем, что нападение не застало его врасплох. Иначе он бы уже сам отправился на тот свет. Гонсалеса снова стала одолевать скука. Оглядевшись по сторонам, он заметил недалеко открытую дверь трактира и, не найдя для себя занятия более достойного, обреченно поплелся к входу.

...

На следующее утро Фернан проснулся поздно, что уже стало входить в привычку. Ничего удивительного в том не было, если учесть, что он пришел домой далеко за полночь. Как он все же очутился в своей постели, молодой человек вспомнить был решительно не в состоянии.

«Когда-нибудь проснусь с перерезанным горлом» – мелькнула в голове безрадостная мысль.

Фернан приподнялся на локте, огляделся по сторонам. Пытаясь прийти в себя после вчерашней попойки, он решительно встряхнулся. Это оказалось делом весьма опрометчивым – в голове как будто ударил колокол и кабальеро рухнул обратно на кровать, потирая ноющий затылок.

«Вернее, вообще не проснусь» – поправил самого себя Гонсалес.

Следующая попытка подняться была куда более осторожной и потому успешной. Молодой человек сумел кое-как утвердиться на ногах и проследовал к двери, ведущей на балкон. Выйдя на него, он огляделся по сторонам, щурясь от яркого солнца. Севилья жила своей повседневной жизнью: горожане и приезжие сновали туда-сюда, торопясь по делам, птицы порхали, перескакивая с одной крыши на другую. Налетевший порыв ветра растрепал длинные, слегка выющиеся и черные как ночь волосы Фернана. Он засмеялся и отбросил непослушную прядь за ухо. Жизнь казалась не то чтобы прекрасной, но все же он радовался, что вчера вечером она не оборвалась.

Он любил Севилью и считал, что в мире нет города прекраснее. Хотя он и за пределами Испании не бывал ни разу, да и у себя в стране посетил лишь несколько городов. Но отстаивать свои убеждения готов был со всем максимализмом, присущим юности. Вот только что делать в Севилье молодому кабальеро, чей род с древних времен прославился подвигами на поле брани?!

Гонсалес вернулся в комнату и впал в привычную для себя в последнее время задумчивость. Рано или поздно подобные похождения закончатся трагически. Вчерашние приключения при свете нового дня уже не казались такими достойными и уж определенно не являлись подвигами. Трое, хотя, скорее всего, двое, бандитов отправились в мир иной. Там, как надеялся Фернан, они получают по заслугам. Но разве это было великое свершение, достойное кабальеро из Андалусии? Он прошелся по комнате, пытаясь решить, что же делать с вопросом, засевшим в его голове уже давно и со временем все больше подчинявшем себе все его размышления.

Недавно Фернану исполнилось восемнадцать лет. Вся жизнь, казалось бы, впереди. Но сколь бы пристально он не заглядывал в будущее, он не видел там никакого достойного дела. На что сдалось его искусство во владении оружием? Удивлять соперников на тренировках? Боевой меч пока что вырубал лишь в таких ситуациях, как вчерашнее столкновение с разбойниками. Разумеется, по всей Европе велись мелкие и крупные войны, в которых ему нашлось бы место. Но он хорошо знал историю и потому понимал, что эти конфликты будут тянуться

вечно. Где-то битвы будут затухать, а где-то вспыхивать с новой силой, границы государств неизменно будут колебаться то в одну, то в другую сторону. Ввязавшись в подобную войну, он найдет своему мастерству применение, но вряд ли его душа обретет покой. Хотелось свершений особенных, небывалых, которые позволят ему стать в один ряд с прославленными предками.

Всплыла в памяти история многовековой борьбы с маврами, населявшими Пиренейский полуостров. Города часто переходили из рук в руки, в результате даже самые героические подвиги зачастую оказывались бессмысленными. Прославленный Сид Кампеадор освободил Валенсию в 1094 году, но вскоре после смерти легендарного военачальника христиане вынуждены были вновь уступить город мусульманам. И мавры хозяйничали в Валенсии еще два с лишним века. Столько сражений, опасностей, смертей и все зря!

Да чего стоят те же попытки королей Испании и Франции прочно обосноваться в Италии! Война между этими державами длится уже больше двадцати лет. Столько битв состоялось, столько храбрецов погибло, а результата почитай и нет. Неаполь и Милан с головокружительной скоростью меняют владельцев и прошлые баталии забываются, вытесняемые новыми схватками. Нет! Фернан жаждал таких подвигов, которые не померкнут даже спустя века!

Вспомнилась поездка в Вальядолид в прошлом году. Уже тогда в родной Севилье молодой Гонсалес успел завоевать славу искусного бойца. Ему не терпелось увидеть, чего же стоят фехтовальщики в других городах. Тогда его появление произвело фурор. Фернан усмехнулся давним воспоминаниям. В Вальядолиде хватало молодых и дерзких дворян, искренне уверенных в своем удивительном искусстве в обращении с оружием. Короче говоря, таких же, как и он сам. Не один и не два кабальеро получили весьма болезненные удары как по телу, так и по самолюбию во время тренировок. Фернан же за три месяца, проведенных там, обзавелся несколькими друзьями, а также снискал славу великолепного бойца. Потом он снова вернулся в Севилью, где опять страдал от безделья, так и не избрав для себя достойного занятия.

За несколько лет до рождения Фернана пал последний оплот ислама на Пиренейском полуострове – эмират Гранады. Фернан не особо досадовал на судьбу из-за того, что опоздал родиться и не успел повоевать против Гранады. Эмират был невелик и прятался в труднодоступных горах. Вот лет пятьсот назад, когда мусульмане достигли расцвета своей силы! Тогда разгромом врага можно было по праву гордиться. Гонсалес мечтал именно о таких триумфах. Когда даже надежда на удачу будет слишком призрачной. Да где их совершать, эти подвиги?!

Молодой человек провел рукой по стене. Этот дом принадлежал его роду уже более двухсот пятидесяти лет. Когда-то, возможно, на этом самом месте стоял знаменитый предок – Алонсо Гонсалес. Память об этом легендарном воине сохранилась в семейных преданиях и, пройдя через века, достигла Фернана. Вот с кого он хотел бы брать пример.

Алонсо Гонсалес прославился во время освобождения Севильи в 1248 году. Тогда мавры сопротивлялись больше года, бесстрашно сражались против кастильцев на суше и на реке, сидели в осаде, терпели голод и долго не давали воли отчаянию. То противостояние действительно было значимым. Судьба многовековой борьбы христиан и мусульман находилась в шатком равновесии. Стоило иноверцам отбиться и кто знает, как повернулась бы история? Но кастильские войска все же сумели освободить Севилью, заплатив за эту победу великую цену.

О подвигах доблестного предка можно было рассказывать долго. Предания донесли до Фернана легенды о том, как Алонсо в честных боях побеждал лучших мавританских воинов. Вот таким же героем мечтал стать и сам Фернан. Он прямой потомок Алонсо Гонсалеса и многих других героев. Заслужит ли он право стать с ними в одном ряду?

Вспомнились вчерашние матросы. О чем они там горланили песню? Понять оказалось непросто. Похоже, слов гуляки и сами толком не знали, а то и выдумывали на ходу. Может, и вовсе каждый из них пел какую-то свою песню? Но общий смысл угадывался с легкостью – неисчислимые богатства Индий, путь к которым долог, опасен и мало какому храбрецу по

плечу. В подобных рассказах таилась какая-то особенная притягательность. Фернана не интересовали сказочные сокровища Нового Света – он был достаточно богат, чтобы ни в чем не нуждаться. Однако если верить слухам, то эти земли изобилуют чудесами. Диковинные животные и птицы, местные жители, говорящие на непонятных языках, деревья, которых во всей Европе никто и никогда не видел. Сколько правды в этих сказках? Не узнаешь, пока не увидишь своими глазами.

Фернан прошел в другую комнату, где хранилась коллекция оружия. Собирать ее начал еще Алонсо, а затем, с течением лет, многие поколения из рода Гонсалесов пополняли ее своими трофеями. Семейные предания рисовали Алонсо как живого, потому Фернану казалось, что он все знал о своем праоде. Как будто он застал предка в самом расцвете жизни и своими глазами видел все его подвиги.

На стенах висели мечи, сабли, кинжалы, топоры. Остро отточенные, богато украшенные, сверкающие полированными клинками и драгоценными камнями в рукоятях. За прошедшие века случались и внутренние раздоры – прокатывались по земле междоусобицы, гремели битвы, с обеих сторон лилась кровь христиан. Род Гонсалесов в этих войнах также участвовал, но трофеи такого характера никогда не попадали на эту стену. Это была коллекция оружия, отобранного у извечных врагов – захватчиков-иноверцев.

Фернан задумался – а ведь он первый за несколько столетий представитель рода Гонсалесов, который не будет участвовать в освободительной войне! Отец, умерший несколько лет назад, в свое время осаждал Гранаду и оттуда привез домой последний трофей, дополнивший собрание. Вот этот меч! Фернан взвесил оружие в руке. Точка поставлена, коллекцию можно считать полной и завершенной. А что за жребий выпал на его долю?! С него начинается новый этап в истории семейства Гонсалесов. Чем он прославит свой род?

Центральное место в коллекции занимал меч самого Алонсо. Серебряная насечка на рукояти, простая крестовидная гарда. Рядом персидская сабля, которую предок добыл во время освобождения Севильи, победив великого воина-мавра. Где бы и себе найти достойного противника?

Меч самого Фернана был несколько легче, с узким длинным клинком и сложной витой гардой, которая отлично защищала ладонь. Быстрое и маневренное оружие позволяло рубить, колоть, отбивать чужие выпады, делать обманные движения, наносить неожиданные удары. И все это Фернан делал великолепно. А вот цели в жизни так и не было...

Пройдясь по комнате, он остановился возле зеркала. На него смотрел высокий, стройный, довольно привлекательный человек. Растрепанные, еще не приведенные в порядок после сна черные волосы и смуглая кожа резко контрастировали с голубыми глазами. Точно такой же яркой синевы глаза смотрели на него со старого портрета, изображавшего Алонсо Гонсалеса.

Прослонявшись целый день, так и не найдя никакого занятия, Фернан решил вечером развеять скуку и отправился в игорный дом. Заведений таких в Севилье хватало с избытком. Начиная от самых бесхитростных, рассчитанных на невзыскательные вкусы выпивших матросов, заканчивая элитными, доступ в которые имели лишь избранные. Фернан Гонсалес был потомственный кабальеро – дворянин, потомок длинной вереницы воинственных предков. Благородное происхождение и богатство позволяли ему посещать самые роскошные игральные дома, где он мог коротать досуг в обществе равных.

Вот в одно из таких заведений он и решил отправиться вечером, развеять свою вечную скуку. Зайдя внутрь, он осмотрелся по сторонам. Просторное помещение, убранное с изысканным вкусом, избранная состоятельная публика. Многочисленные свечи дают яркий ровный свет. К нему тут же подошел хозяин заведения, раскланялся и пригласил к столу. Фернана здесь хорошо знали.

Гонсалес включился в игру. Поначалу ставки были невысоки и он рассеянно осмотрелся по сторонам.

«Да уж, это совсем не похоже на ту таверну, в которой я отмечал успешную схватку с тремя неудачливыми грабителями. Удобные кресла, обходительные партнеры по игре, предупредительные слуги. Все это не идет ни в какое сравнение со столом, залитым дешевым вином, крикливыми матросами и бандитского вида трактирщиком».

Задумавшись и отвлекшись на эти сравнения, он проиграл первую партию, затем еще одну. Фернан легко и непринужденно клал на стол все новые стопки монет, равнодушно глядя на то, как они меняют владельца. Через некоторое время удача все же повернулась к нему лицом. Фортуна не спешила менять свои симпатии и Гонсалес продолжал выигрывать, увеличивая содержимое своего кошелька. Так бывало уже не раз. Ему часто везло.

«Забавно, – думал он. – У меня денег хватает, а потому на возможность проиграть я всегда смотрю спокойно. Может, в результате этого как раз и выигрываю. А вот многие другие трясутся над картами, обливаются потом и чуть ли не молятся всем святым, только бы те помогли им. И все же проигрываются в пух и прах. Разоряются, продают имения, залезают в долги...»

Сам Фернан играл часто, случалось, что и на большие суммы. Но проигрыши его не печалили. В том числе еще и потому, что он умел вовремя остановиться. Потерять из-за карт все свое имущество было не только глупо, потому что сделало бы его нищим. Это еще и стало бы настоящим предательством по отношению к предкам, которые добывали это состояние в тяжких битвах, а зачастую оплачивали его своей кровью.

То один, то другой игрок покидали стол, их места занимали новые люди. Только один молодой человек упорно продолжал играть, надеясь, что везение вновь вернется к нему. Денег у него было немало, так что он раз за разом делал новую ставку, но неизменно проигрывал. Это продолжалось уже довольно долго.

Наконец, настал момент, когда кошелек этого юноши оказался пуст. Фернан уже успел утолить свою тягу к картам, а потому собирался распрощаться и покинуть как этот стол, так и само заведение. Но его неудачливый соперник предложил последнюю партию. Он запустил руку в карман и достал оттуда небольшую золотую фигурку. Она легла на стол, переливаясь в свете свечей и притягивая к себе взгляды своей необычностью.

– Этот амулет неизменно приносит мне удачу. Давай, помогай, – обратился игрок к статуэтке. – Сейчас мы с тобой вернем все проигранное.

Но на этот раз помощи фигурки оказалось недостаточно. Фортуна не оставила Фернана и золотая безделушка поменяла хозяина. Играть было больше не на что. Гонсалес решил немного передохнуть и принялся рассматривать свой последний выигрыш.

Статуэтка помещалась на ладони. Она представляла собой удивительное существо, с телом человека, но с широкими крыльями. Голову украшал причудливый головной убор из перьев, подобный высокой короне. Копье и щит ясно указывали на то, что это воин. Эмблема на щите изображала голову орла. На лице фигурки застыла жуткая гримаса – огромный, квадратный рот с оскаленными зубами, круглые глаза и крупный крючковатый нос. Фернан решил, что фигурка изображает собой человека в какой-то устрашающей маске. Да и в целом, все части тела были у этой статуэтки странно непропорциональными, как будто наугад подобраны от разных людей.

Ничего подобного Гонсалесу раньше видеть не доводилось. Задумчиво разглядывая этот неожиданный трофей, он подошел к его бывшему владельцу. Тот был разочарован своей неудачей, но когда Фернан предложил угостить его вином, юноша отказываться не стал. Они расположились за столом и Гонсалес захотел разузнать, каким образом эта диковинка оказалась в свое время у его нынешнего собеседника. Тот принялся рассказывать.

– Эту вещицу мой кузен привез из Нового Света. Золота он там почти не добыл, больше повезло с жемчугом, но вот эту статуэтку захватил на память. Здесь он подарил ее мне, чтобы и я увидел, какими удивительными вещами полны заморские Индии. Населяющие ее язычники

не знают истинной веры и поклоняются многим божествам. Фигурка изображает одного из их богов. Кузен рассказывал, что там, в Новом Свете, стоят огромные идолы из чистого золота, куда более устрашающего вида, чем эта фигурка. Дикари приходят к этим жутким капищам издалека, приносят щедрые дары и поклоняются им.

– Я избавил тебя от немалого риска, – усмехнулся Фернан. – Носить с собой изображение языческого бога, да еще во всеуслышание заявлять, что он приносит тебе удачу – это вернейший способ привлечь к себе внимание трибунала Священной Инквизиции.

Вино развязало язык юноше и он принялся еще более красноречиво описывать чудеса Индии. Фернан рассеянно слушал, погрузившись в свои мысли. Пылкое воображение уносило его в неведомые дали. Он видел себя несущим свет истинной веры в те далекие, неизведанные земли, о которых уже не раз слышал. Такой подвиг позволял не только развеять одолевавшую его вселенскую скуку, но и давал надежду прославиться. Его предок в свое время сумел вернуть родную Севилью в лоно христианской церкви, а он имеет возможность водрузить крест на землях Нового Света. Туда, где все погрязло в суеверии, язычестве и идолопоклонстве. Тем самым он не только расширит владения Испании, но и своими глазами увидит самые немислимые чудеса. Именно там ждут его необыкновенные приключения, подвиги и испытания.

– Золото. Золото и рабы. В Новом Свете можно несказанно разбогатеть, – продолжал свой рассказ хорошо уже подвыпивший собеседник. – Стоит нагрузить полный трюм такими идолами, огромными говорящими птицами, свирепыми хищниками и ты вернешься домой богаче любого герцога.

Фернан, услышав разговоры о торговле, пренебрежительно ухмыльнулся. Мысли о выгоде его совершенно не занимали. Будучи весьма состоятельным человеком, он мог позволить себе с таким презрением отнестись к возможности легкого обогащения. Гонсалес заказал новому знакомому еще одну бутылку вина и почти тут же распрощался. Он отправился домой, а в голове крепко засела мысль о чудесах Нового Света.

Пришел домой он поздно и все никак не мог уснуть. Фернан несколько раз пытался лечь спать, затем поднимался, зажигал свечу, ходил по комнате из угла в угол, снова ложился. И так без конца. Промелькнула даже мысль снова отправиться бродить по ночным улицам Севильи. Но ничего нового из таких блужданий он извлечь бы точно не смог. Разве могла очередная схватка с грабителями сравниться с тем, что он слышал сегодня?

Рассказы случайного знакомого будоражили его воображение. Ему не раз уже доводилось задумываться о приключениях, которые ждут его в Новом Свете. Сегодняшний выигрыш в карты укрепил его в мысли узреть своими глазами насколько много правды в этих сказках. Фернан еще раз взял в руки полученную сегодня статуэтку. Тяжелая. Неужели в тех краях и правда стоят идолы выше человека и сделанные из чистого золота? К тому же, почему фигурка выглядит так причудливо и непривычно? Крылья – указывают ли они на то, что это изображение ангела? И если это действительно так, то почему у него такое свирепое и жуткое лицо? И кому же поклоняются люди, у которых такие ангелы? А самое главное – чей облик вдохновил мастера на такой образ?

Ближе к утру Фернана все же сморил сон. Его сновидения были сумбурными и обрывочными. Чудовищные золотые идолы, ростом с человека, оживали, нападали на него, пытались испугать свирепыми гримасами. Фернан отбивался, но даже толедский клинок оказывался бессилен перед неуязвимым блестящим металлическим телом. Затем мелькали причудливые пейзажи и сказочные звери, которых ему не приходилось видеть никогда прежде. Они тарасили на него круглые глаза, скалили зубы, вытягивали вперед длинные шеи, завывали, рычали, лаяли и блеяли на все голоса. Затем все прерывалось и через время повторялось вновь.

Проснулся он ближе к полудню. Не выспавшийся и разбитый, Фернан твердо решил все-таки отправиться в Новый Свет. Нужно своими глазами увидеть все то, о чем столь много и противоречиво сейчас говорят! Все равно дома покоя ему уже не будет.

Молодой человек настолько воодушевился этими мыслями, что решил не откладывать путешествие надолго. Слава богу, что совсем скоро за океан должен отправиться очередной корабль. Гонсалес не собирался упускать этот шанс. Ведение всех дел Фернан оставил на опытного управляющего, служившего еще отцу, а сам начал готовиться к отплытию. Сборы не заняли много времени – он собирался путешествовать налегке.

Фернан зашел в комнату, где хранилась коллекция оружия. Веками предки собирали мечи и сабли, воюя с маврами, но эта война закончилась. Ему выпала немалая честь – он должен стать основателем новой коллекции. Кто знает, каким оружием сражаются воины в Новом Свете? Каким богам они поклоняются? Род Гонсалесов столетиями стоял за христианскую религию против мусульман, теперь же пришло время нести свет истинной веры в далекие земли, населенные язычниками. Каковы же будут трофеи, которые он привезет домой? Даст бог, через двести-триста лет потомки станут искать в его подвигах пример и вдохновение для свершения своих героических деяний. И также будут стремиться быть достойными памяти Фернана, как он жаждет уравниаться во славе с Алонсо.

Через несколько дней он стоял на палубе корабля, с нетерпением глядя вперед, хотя судно плыло по знакомому с детства Гвадалквивиру, и до выхода в море оставалось еще много времени. Тяжесть кирасы и шлема стесняла движения, поскольку раньше ему не приходилось носить их подолгу. До Индий далеко, да и в морском путешествии облачаться в доспехи было необязательно, но Фернан упорно их не снимал. Ему хотелось привыкнуть к этой ноше, чтобы потом, оказавшись в Новом Свете, уже не замечать лишнего веса.

Он то и дело ощупывал кирасу – панцирь надежно закрывал грудь и спину. В будущих битвах доспех, скорее всего, не раз спасет жизнь хозяину. Остроконечный шлем с небольшими прямыми полями оставлял лицо открытым. Экипировку дополняли круглый стальной щит – родела, а также привычные для него меч и кинжал. Молодой человек искренне думал, что он полностью готов ко всем неожиданностям, которые ждут его в чужом, неизведанном мире. В кошеле на поясе кроме денег находилась и заморская статуэтка, которая теперь возвращалась на родину.

2. Путешествие на Кубу

Плавание протекало без особых приключений. Моряки в один голос твердили, что корабль движется на удивление быстро, хотя Фернан так не считал. День за днем он выходил на палубу, осматривался по сторонам, и видел одно и то же. Бескрайняя морская равнина, столь необозримая, что в это сложно было поверить. То тут, то там волны украшались пенястыми белоснежными гребнями, чтобы через секунду пропасть, раствориться в этом безбрежном пространстве. Над головами неспешно проплывали облака, время от времени поблизости мелькали какие-то птицы.

Фернану казалось, что корабль застыл на месте. Океан то озарялся яркими солнечными лучами, то укрывался хмурыми тучами, но оставался все таким же бесконечным. На глаза не попадались ни острова, ни скалы, идеально ровная линия горизонта не радовала хоть какими-то изменениями. Как в таких условиях понять, что каравелла и в самом деле плывет вперед?! Встречных кораблей тоже видно не было. Гонсалес впал в какую-то прострацию. Однообразие пейзажа навевало вселенскую скуку. Он постепенно начинал сомневаться в том, что Новый Свет вообще существует. Ну или хотя бы в том, что капитан корабля выбрал правильный курс.

Раз за разом мысли его возвращались к одной и той же теме. Вот они уже почти месяц не видели суши. Но моряки, по крайней мере, знают, что впереди есть острова, которые даруют пристань, пищу и воду. А что же должны были чувствовать участники первой экспедиции Кристофа Колона? Первооткрыватели плыли совершенно наугад, не представляя, что ждет их впереди. Попадутся ли на пути огромные водовороты, или невиданные чудовища, которые с легкостью утянут корабль на дно? Или они так и будут плыть, пока не иссякнут запасы провизии и тогда все умрут от голода и жажды? Найдет ли экспедиция землю? И сумеют ли европейцы договориться с ее обитателями? Гонсалес считал себя храбрым человеком, но скромно полагал, что в отваге ему далеко до Кристофа Колона.

И все же через тридцать семь дней корабль доплыл до Кубы. Фернан сошел на берег и как будто шагнул в совершенно иной мир. Столица острова, город Сантьяго, был, конечно же, жалкой деревней по сравнению с блистательной Севильей, уступая ей размерами и величием архитектуры. Зато тут росли невиданные деревья, водились неизвестные в Европе птицы и звери. Даже кухня заметно отличалась. В жарком тропическом климате лучше всего чувствовали себя местные растения. Так что их и выращивали. В первую очередь корнеплоды, из которых готовили муку для хлеба.

Впрочем, долго наслаждаться новизной Кубы Фернану не довелось. Власти острова как раз готовили экспедицию для исследования малоизвестных земель на западе. Остаться здесь, где все самое интересное уже разведано, или же отправиться на открытие новых стран? Для Гонсалеса ответ был очевиден. Он сразу же записался для участия в плавании.

Командир отряда, Франсиско де Кордоба, лично отбирал солдат для похода. Он владел обширным поместьем на Кубе, которое приносило неплохой доход. Приличную часть затрат он взял на себя. Кордоба оказался рослым человеком плотного телосложения, с крупными чертами решительного лица. Загорелый под палящим солнцем, с иссиня-черными волосами и короткой бородой, он смахивал на мавра. Фернана он принял учтиво, но сразу предостерег о трудностях, ждущих впереди.

– Здесь недостаточно умения ловко владеть мечом. Ты только что прибыл в Новый Свет. Совсем еще не привык к такой жаре и влажности, да и к местной пище тоже.

– Вот как раз и привыкну в походе, – беспечно ответил Фернан.

– Здесь, кабальеро, есть и еще одна загвоздка – деньги. Многие участники залезают в серьезные долги, чтобы нормально экипироваться. Одежда, оружие, доспехи – все это стоит на Кубе куда как дорого. Впрочем, я вижу, что с этим у тебя трудностей не возникнет. Кираса,

шлем, щит и оружие у тебя есть. Но в походе нам понадобятся продукты, инструменты, не говоря уж о кораблях.

– Разве король не обеспечивает своих воинов всем необходимым? – простодушно спросил Гонсалес.

– Сразу видно, что ты только что прибыл! – рассмеялся Кордоба. – Мы не состоим в армии, а королевская казна не в силах финансировать каждую авантюру в Новом Свете. Два корабля я приобрел на свои сбережения, еще одно судно нам дал в долг губернатор Кубы Диего Веласкес. Теперь их следует наполнить. Столько всего нужно: паруса, якоря, шлюпки, снасти, даже бочки для воды. Не говоря уж о мясе, масле и муке.

– Все это приходится покупать за свои деньги? – Фернан впервые задумался о таких прагматичных моментах, невольно сопровождающих незабываемые приключения.

– Разумеется. Мы отправляемся открывать новые земли во славу Испании и святой матери нашей Церкви. Но если эти земли окажутся богаты золотом или, например, жемчугом, то нам это только на руку. Губернатор тоже помогает в финансировании, но с ним нужно будет рассчитаться по возвращении. Идем полностью на свой страх и риск. Дикари не простят нам слабости, займодавцы не простят, если не сможем с ними расплатиться.

Так Фернан постепенно знакомился со всеми особенностями подготовки экспедиции. Любой поход затевался смельчаками и авантюристами, готовыми рискнуть и отправиться на покорение новых земель. Они же, по большей части, и спонсировали исследование из собственного кармана. Неудивительно, что Кордоба надеялся открыть золотые месторождения. Самому Гонсалесу не пришлось влезать в долги, у него хватало денег. Так он стал полноправным участником отряда.

И все же Фернана не покидала досада. Даже в экспедицию его взяли не за умение сражаться, а из-за того, что он располагал деньгами. Опять, получается, он оказался нахлебником, паразитирующим на славе рода Гонсалесов! Если бы не наследство, то сидеть бы ему еще долго на Кубе. Ничего-ничего, вот начнется поход и уж там-то он себя проявит!

Через несколько дней испанцы покинули остров на трех кораблях. Их было чуть больше сотни. Плавание с самого начала не обещало быть легким. Флот попал в шторм. Фернан, непривычный к таким испытаниям, переносил качку и рев бушующего моря с трудом. Хотя огромные волны казались ему губительными, но, видя хладнокровие опытных моряков, он старался не уступать им в мужестве. Лишь через два дня, когда буря утихла, корабли смогли нормально продолжить свой путь. И вот вскоре взору конкистадоров предстала далекая суша.

Фернан смотрел вперед с замирающим сердцем. Вот она! Сказочная страна, где все не так, как в Европе! Какие сюрпризы она готовит своим первооткрывателям? Что за чудеса таятся в глубинах этой земли? Какие опасности поджидают там? Гонсалес зачарованно глядел на берег, пытаясь уже отсюда узреть что-то волшебное, необычное, удивительное. Каких только легенд не рассказывали о дальних странах. Может быть, именно здесь живут люди, которые рождаются стариками и постепенно молодеют с возрастом. Или же водятся свирепые и воинственные кентавры или василиски, убивающие взглядом.

У испанцев хватало волнующих историй на любой вкус. Многовековое соседство с мусульманами обогатило их фольклор сказками о джиннах, о волшебных зверях, понимающих человеческую речь. О городах, населенных магами и прорицателями. О гигантских птицах, на чьей спине уместится целый замок. И где же жить таким птицам, как не здесь, раз уж в Испании их никто не видел! К тому же в Европе к этому времени очень популярными стали рыцарские романы. Они тоже позволяли дать волю фантазии. Принцессы, томящиеся в плену у отвратительных великанов и могучих чародеев, алчные драконы, стерегущие несметные богатства. И, разумеется, отважные воины, готовые сразиться со злом в любом его проявлении.

Такие сюжеты возникали сейчас в голове не только у Фернана. Конкистадоры смотрели на берег со смесью восторга и тревоги. В отряде хватало самых разных людей. Кто-то прибыл

в Новый Свет в поисках приключений, желая прославиться, а также испытать себя. Другие мечтали разбогатеть. Были и такие, которые покинули Европу с единственной целью принести истинную веру на эти дикие земли. И все они сейчас с нетерпением ждали момента высадки.

Это оказался остров. Вытянутый с севера на юг, в длину около четырех миль. Подойти на кораблях не удалось, так что испанцы добирались на лодках. Люди, населявшие его, удивились еще больше чем сами конкистадоры, но особого страха не показали. Они с любопытством рассматривали своих гостей, не пытаясь ни нападать, ни убежать. У Кордобы при себе хватало слуг из индейцев с Кубы, но местным жителям язык островитян оказался непонятен. Общаться приходилось с помощью жестов.

Сразу стало заметно, что здесь живут люди более развитые, чем коренное население Кубы или Эспаньолы. Хорошего качества одежда, белая и цветная, прочные сандалии, надежные деревянные пироги на берегу. Все это свидетельствовало, что здесь отлично развиты ремесла. Да и украшения представляли собой не только простые ракушки и перья. На некоторых индейцах красовались золотые ожерелья и браслеты, бусы из отшлифованных камней, плащи у людей пестрели сложной вышивкой.

Повинуясь приглашающим жестам аборигенов, отряд конкистадоров двинулся вглубь острова.

– Всем быть наготове, – отрывистым голосом напомнил Кордоба. – Посмотрим, куда нас зовут.

Индейцы казались дружелюбными, но испанцы не теряли бдительности. Фернан шагал вперед, неся обнаженный меч на плече. У каждого солдата в руке было копье или меч. Десяток стрелков нес заряженные арбалеты и аркебузы. У Гонсалеса голова шла кругом. Все его удивляло, все привлекало внимание. Вокруг сновали туземцы: смуглые, с блестящими черными волосами, которые переговаривались на сложном непонятном языке. Их наряды, дикие на взгляд европейца, изумляли. У одного на голове красовалась роскошная корона из длинных красных и зеленых перьев. У некоторых были серьги, причем не только в ушах, но и в носу и даже в губах.

Постепенно отряд конкистадоров, со всех сторон окруженный аборигенами, вышел на широкую площадь. Чудеса начались практически тут же. По ее периметру стояли довольно высокие каменные башни, примерно в четыре раза превосходящие рост человека. Широкие у основания, они постепенно сужались. На верхних площадках располагались здания, до которых можно было добраться по вырубленным в склонах лестницам. Все это заметно отличалось от простых тростниковых хижин, которые строили жители Кубы. Этот остров населяли действительно искусные мастера.

Испанцы стали взбираться по ступеням. Никто не знал, чего следует ждать, потому оружие держали наготове. Вскоре перед ними открылся удивительный вид. Дверной проем с двух сторон обрамляли высокие каменные фигуры, ростом не уступающие человеку. Имея некоторое воображение, в них можно было признать женщин. Довольно устрашающих, как на взгляд европейца. Они стояли, грозно нахмутив брови, и свирепо смотрели на гостей. Широкоплечие, с толстыми руками и ногами, с крючковатыми носами и тяжелыми челюстями, которые сделали бы честь бульдогу. И все же это, по-видимому, были действительно женщины. На это указывали платья. Примерно так же одевались живые островитянки из тех, что попадались на глаза конкистадорам. Статуи к тому же пестрели яркими красками. На рыжевато-коричневой фоне выделялись синие и желтые бусы, волосы блестели угольно-черным цветом. Глаза сверкали отшлифованными кусочками темного обсидиана.

– Посмотрим, что там внутри, – вполголоса предложил Кордоба.

Индейцы радушно приглашали зайти в само помещение. Фернан, вместе с десятком других солдат, осторожно шагнул в дверной проем. Щит давно уже висел на левом локте, меч был готов к бою. В здании оказалось еще с десятков похожих каменных изваяний. Повыше и пониже,

толстые и стройные женщины застыли, встречая гостей. У одной голову украшала вырезанная с большой точностью змея. Другая скульптура держала перед собой плоское блюдо, скаля крупные зубы, выложенные из ракушек.

– Наверное, это языческое святилище, – высказал предположение Фернан.

– Ну и зачем нас сюда привели? Надеюсь, не для того, чтобы мы помолились каменным истуканам, – прошептал какой-то испанец рядом с ним.

Индейцы пытались что-то объяснить. Лопотали на своем наречии, делали руками какие-то жесты, то улыбались, то кланялись. Найти с ними общий язык так и не удалось. Одарив местных жителей стеклянными бусами, конкистадоры набрали взамен еды и воды и двинулись обратно к кораблям. На горизонте виднелась широкая полоса суши. Там была большая земля. Именно туда и направился флот, оставляя за собой остров, которые испанцы называли Исла-Мухерес – Остров Женщин.

Несколько дней корабли плыли вдоль побережья, выискивая удобное место, чтобы пристать. Течения здесь оказались коварными. Старший штурман – седой Антон де Аламинос, плававший в свое время еще с Кристобалем Колоном, угрюмо ворчал что-то себе под нос и говорил, что такого непредсказуемого моря еще не видел. И все же дней через пять испанцы увидели на берегу большой город и решили высадиться. Но местные жители их опередили. Они, как оказалось, тоже заметили корабли. Так что через какой-то час целая эскадра вышла навстречу судам Кордобы.

Конкистадоры с интересом смотрели на приближающуюся делегацию. Пироги уступали размером европейским бригантинам и каравеллам, но заметно превосходили обычные рыбацкие челны. Это были огромные лодки, выдолбленные из толстых стволов деревьев. Каждая оказалась оснащена большим квадратным парусом и многочисленными веслами.

– Скажу честно, индейцы не перестают меня удивлять, – признался Франсиско де Кордоба. – На такой посудине можно, пожалуй, и до Кубы доплыть.

– Так, может быть, они и плавают? – предположил Фернан.

– Вряд ли, – вмешался штурман Аламинос. – На Кубу такие лодки ни разу еще не заплывали. По крайней мере, с тех пор, как ее покорили испанцы. Но местные жители хорошие моряки. Еще когда я лет пятнадцать назад плавал под командованием самого Колона, мы наткнулись на одном из южных островов на целый дикарский флот. Там были довольно большие плоты и похожие пироги. Они плыли издалека, везли на продажу медь, продукты, материю и одежду.

– Получается, что здесь развиты торговля и ремесла, – резюмировал Кордоба. – Однако, индейцы уже совсем близко. Их сотни четыре будет. Приготовиться к абордажу, на всякий случай.

Но до столкновения дело не дошло. Делегация из трех десятков человек без малейшей робости взобралась на испанский корабль. Языковой барьер было не преодолеть, потому Кордоба, в доказательство мирных намерений, устроил для гостей обед, в ходе которого одарил посланников стеклянными бусами. Вскоре те поспешили обратно на свои пироги и отчалили. Ждать испанцам пришлось недолго. На следующее утро к их кораблям снова приплыли индейцы и жестами пригласили конкистадоров посетить их город. Отряд Кордобы почти в полном составе погрузился на свои лодки и направился к суше.

Фернан одним из первых выскочил на берег. Любопытство просто сжигало его. Что за чудеса ждут его здесь? В каких-нибудь пяти минутах ходьбы возвышались каменные строения, и они казались еще больше, чем на Острове Женщин. Испанцы держались осторожно. Их не насчитывалось и ста человек, а индейцев в городе наверняка несколько тысяч. Гонсалес поправил шлем на голове и вытащил меч из ножен. Осмотревшись, он увидел, что местных жителей вокруг собирается все больше. Оружия ни у одного из них видно не было.

Худощавый вождь в пестром плаще, украшенный золотым ожерельем и серьгами, жестами позвал гостей последовать за ним. Приняв приглашение, конкистадоры, сохраняя боевой строй, уходили все дальше от воды. Фернан обеспокоенно оглянулся назад. Берег уже скрылся за деревьями. На палубах оставалось от силы человек тридцать. Если все это лишь уловка, чтобы взять корабли на абордаж, то экипажей явно не хватит, чтобы отбиться. Потеряв флот, как они смогут продолжить экспедицию? Да и что ждет их отряд, который скоро растворится в толпе индейцев?

Кордоба все это тоже отлично понимал. По его приказу все воины шли с оружием в руках, а стрелки несли заряженные арбалеты и аркебузы. И, как оказалось, не зря. Повинуясь громкому крику вождя, безоружные индейцы моментально бросились врассыпную. А из густых зарослей с двух сторон нагрянули воины. Их насчитывалось около четырех сотен. В длинных хлопковых панцирях, с раскрашенными лицами, они с громкими криками стали метать дротики и стрелять из луков.

Конкистадоры не растерялись. Ожидая подвоха, они сразу же выстроили настоящую стену щитов, оставшись неуязвимыми за этим барьером. Индейцы, понадеявшись на свое численное преимущество, кинулись в ближний бой. Подпустив врага поближе, испанские стрелки сделали залп. Арбалеты и аркебузы уложили с десяток человек, но это не могло остановить волну атакующих аборигенов. Зато это смогли сделать стальные клинки и копья.

Прямо на Фернана мчался высокий воин, размахивая плоской дубиной, на кромке которой виднелись острые куски кремня. Силой индеец не был обделен, а вот мастерства ему не хватало. Гонсалес без проблем закрылся щитом, а сам тут же нанес хлесткий удар, подрывив врагу ногу чуть ниже колена. Добить упавшего оказалось делом одного мгновения. Через секунду Фернан рубился уже со следующим. Дикари накатывались волнами – смело, дерзко, но неумело. До испанской пехоты, великолепно держащей строй, им было очень далеко.

Нападавшие крепко надеялись на свое количество, а потому, когда это им не помогло, они, растерявшись, поспешили отступить. В этой схватке конкистадорам удалось захватить двух пленников. Один из них получил ранение в ногу и не успел убежать вместе с остальными, а второй валялся в беспомощности, оглушенный ударом щита.

Кордоба оглядел свое воинство.

– Все живы?

Погибших не оказалось. Хотя с десяток конкистадоров получили ранения, но все они могли продолжить путь.

– Нужно возвращаться на корабли! – высказался Фернан. – Там слишком мало солдат. Если индейцы нападут на них, то им не отбиться.

– Ты прав, – кивнул Кордоба. – Но сначала посмотрим, что у них есть ценного в этих капищах.

Впереди на широкой площадке стояли каменные здания. Дверные провалы зияли тьмой, на стенах выступали барельефы: гротескные лица, искаженные то ли от муки, то ли от ярости. Зайдя внутрь, испанцы обнаружили глиняные изваяния, столь же пугающие и уродливые, как и на Острове Женщин. Однако здесь были и подношения. На постаментах стояли деревянные шкатулки, в которых лежали золотые и медные медальоны и кулоны. Да еще маленькие фигурки животных, выполненных с большим искусством. Всего десятка два изделий.

– Я бы сказал, что ювелиры в этих краях куда более толковые, чем скульпторы, – заметил кто-то из солдат. – Небогатая добыча, но хоть что-то.

– Ладно, пора и в самом деле возвращаться, – ответил Кордоба. – Воды наберем где-нибудь в другом месте. Там, где нас не будут встречать стрелами.

Индейцы, получив хороший урок, больше не решались нападать. Конкистадоры без помех погрузились на корабли и отплыли.

Фернан с интересом наблюдал за пленным аборигеном. Второй невольник оказался на другом корабле. Этот же впал в настоящий транс. Он целый день сидел почти не шевелясь, обводя корабль застывшим невыразительным взглядом.

– Видать, я его слишком сильно приложил щитом по голове, – обеспокоенно заметил один из солдат, Рауль де Лопес. – Таким бодрым был до удара, копьем размахивал, будь здоров. А теперь сидит сиднем, ничего не говорит, только глаза тарашит.

Для индейца это происшествие стало настоящим шоком. Оказаться оторванным от родной среды, попасть в окружение невиданных людей, от которых неизвестно чего и ожидать. Да и люди ли это вообще?! Пленник тщетно вслушивался в слова чужой речи, испуганно смотрел на непривычно белую кожу испанцев и, наверное, уже в мыслях попрощался с жизнью. Конкистадоры назвали его Мельчиором и надеялись в будущем сделать из него переводчика.

Прошло еще несколько дней. Экспедиция двигалась вдоль берега на запад. Нехватка воды стала ощутимой. Дважды испанцы высаживались. В первый раз никакого источника найти не удалось. Во второй их снова встретили воинственно настроенные местные жители. Пришлось отступить. Затем флот попал в шторм, который не утихал четыре дня. После того, как море успокоилось, стало понятно, что нужно срочно искать воду – ее не осталось вовсе.

Так пришлось поневоле делать высадку возле большого поселения. Появление на горизонте невиданно больших кораблей не осталось незамеченным. Когда лодки испанцев причалили, то их уже встречало около двух сотен человек. Их количество постепенно росло. Приходили все новые солдаты, вооруженные луками, топорами и копьями. Но нападать индейцы не решались. Все больше ходили вокруг и присматривались. Иногда пытались что-то объяснить прибывшим жестами. Конкистадоры, помня о воинственном нраве местных жителей, держались настороженно. Ближе аборигенов не подпускали и на приглашение войти в город не соглашались. Набрав воды, они собрались на совет.

– Ну что, поплывем дальше? – предложил кто-то из солдат.

– Так можно плыть до бесконечности, – нахмурился Кордоба. – Нас здесь повсюду встречают одинаково. Что же мы вот так и вернемся на Кубу ни с чем? С кредиторами в жизни не рассчитаемся. Нужно исследовать эту землю. Остаемся здесь на ночевку. Утром попытаемся начать переговоры с дикарями.

Выспаться никому не удалось. Фернан несколько раз просыпался среди ночи и с тревогой наблюдал, как на побережье загораются все новые костры. Сотни индейцев с разных сторон прибывали сюда. Понять бы, каковы намерения туземцев! Небольшой лагерь конкистадоров вскоре оказался окружен настоящим морем аборигенов. И все же до рассвета никаких признаков агрессии не наблюдалось.

Возникшее над горизонтом солнце осветило тревожную картину. Несколько тысяч индейцев, украшенных перьями, в хлопковых стеганках, со щитами, луками и копьями, строились для битвы. По воде скользили многочисленные лодки. Начиная от совсем небольших, рассчитанных буквально на одного-двух человек, заканчивая огромными пирогами, в которых насчитывалось по тридцать, а то и по сорок воинов.

– Нам с такими полчищами не справиться, – бросил кто-то из солдат. – Нужно отступить.

– Вряд ли нам это удастся, – ответил Фернан. – Посмотри, сколько у дикарей лодок. Нас расстреляют из луков до последнего человека, пока мы будем плыть к кораблям.

Это было очевидно. Гонсалес сделал это замечание скорее для того, чтобы убедиться, не дрожит ли у него голос. Нет, слова звучали твердо. Фернан считал себя храбрым человеком, но ситуация казалась практически безнадежной. В войске аборигенов насчитывалось несколько тысяч солдат. Победить такую армию отрядом в неполную сотню воинов не представлялось возможным.

Местные вожди, проведя те же несложные математические расчеты, явно осмелели. Взметнулись вверх длинные шести, украшенные перьями и мишурой, отдавая какие-то

команды. Со всех сторон зазвучал рев труб и грохот барабанов. Под эту простую, но оглушительную музыку индейцы сделали первый залп.

Стрелы, камни и дротики летели настоящей тучей. Испанцы, сомкнув ряды, прикрывались щитами, но рано или поздно то один снаряд, то другой находили свою цель. Конкистадоры стреляли и тут же лихорадочно перезаряжали арбалеты и аркебузы, но их было слишком мало, чтобы противостоять многим сотням индейских лучников. Вскоре аборигены кинулись в ближний бой. Некоторое время маленький отряд Кордобы еще умудрялся отбивать следующие безостановочно атаки. Но удержать строй не удалось.

Испанцы, окруженные со всех сторон врагами, сражались яростно. Но какими бы хорошими бойцами они не были, огромное численное преимущество неприятеля давало о себе знать. Место одного убитого индейца тут же занимал другой. Из леса на помощь им спешило очередное подкрепление. Отряд конкистадоров таял на глазах. Один за другим они падали, сраженные копьями или стрелами. Нескольких человек аборигены умудрились взять живьем и теперь, связав, тащили в свой город.

Фернан крутился как вихрь, раздавая удары на все стороны. Он рубил, колот, резал, бил щитом и ни на мгновение не оставался на одном и том же месте. Вот на него кинулся очередной противник, замахиваясь топором. Гонсалес резко ушел в сторону и с разворота ударил врага по шее. Толстая стеганка не спасла индейца. Узкий стальной клинок без проблем рассек и хлопковую ткань воротника и горло. А Фернан тут же атаковал следующего неприятеля, который собирался метнуть дротик. Острие толедского меча вошло в живот, и дротик тут же выпал из ослабевших рук.

– Нужно возвращаться к лодкам! – прокричал Кордоба. – Все назад!

Сказать было легче, чем сделать. Индейцы поставили настоящий заслон, мешая испанцам добраться до побережья. Их целью явно стал предводитель конкистадоров. Стрелы роем разъяренных ос мчались к высокой фигуре Франсиско де Кордобы. Фернан видел, что командир все еще может сражаться, несмотря на многочисленные ранения. Пущенный кем-то камень звонко ударил по шлему Гонсалеса. Дротик прошел широкий рукав куртки, не зацепив, по счастью, руку. В какой-то момент молодой человек осознал, что он окончательно отеснен от своих соратников и вокруг лишь одни враги.

Фернан сражался отчаянно. Вот он и узнал на собственном опыте, что такое настоящая битва, где множество людей схлестнулись насмерть. Это было ужасающе. Маленький отряд испанцев таял на глазах. Удастся ли хоть кому-то добраться до кораблей? Яростно работая мечом, Фернан кое-как умудрялся отбиваться. Он метался из стороны в сторону, уходя от вражеских копий и дубин, не решаясь даже выбраться из гущи сражения. Стоит ему оторваться от наседающих дикарей, как за него тут же возьмутся лучники. На Фернана была кираса, но она защищала только грудь и спину. Потому попадать под шквал вражеских стрел было бы чистым самоубийством. Индейцы, оценив ярость и мастерство молодого испанца, несколько оробели и старались подгадать момент и нанести удар сзади.

Кроме собственной удали, радоваться было явно нечему. В горячке боя некогда наблюдать за происходящим вокруг – тут бы уследить за ударами вражеских копий! – но давно стало понятно, что битва складывается не в пользу конкистадоров. Окруженные врагами, они не могли даже отступить к лодкам. Погибших и плененных испанцев с каждым мгновением становилось все больше. Что ждало невольников? И что ждало самого Фернана? Спасительные шлюпки все отдалялись. Попадать в лапы к дикарям не хотелось...

Гонсалес увидел, как справа двое его товарищей отбиваются от десятка врагов. Стальные мечи мелькали в воздухе, разбрасывая снопы солнечных зайчиков и трое индейцев, испытав их отменную остроту, уже лежали на земле. Фернан поспешно рванулся к ним. Может быть, втроем они сумеют пробиться к лодкам. Один из дикарей попытался преградить ему путь и тут

же рухнул, визжа от боли и катаясь по земле с разрубленным плечом. Гонсалес перепрыгнул через него и, отмахиваясь мечом от остальных, поспешил к своим.

Спустя несколько мгновений Фернан уже стоял рядом с двумя конкистадорами. Тут один из них зашатался и упал – брошенный камень попал ему прямо в лицо. У оставшихся на ногах не оказалось даже лишнего мгновения, чтобы помочь своему товарищу. К ним спешили все новые враги. Испанцы медленно отступали, отбиваясь от целой дюжины индейцев. Фернан видел, как несколько десятков конкистадоров все же пробились к шлюпкам, а вот сами они оказались отрезаны от побережья. От отчаяния захотелось кричать, но он стиснул зубы и принялся еще яростнее орудовать мечом. Индейцы наседали, но не слишком, потеряв уже несколько человек.

Внезапно в поведении туземцев произошла перемена. Увидев, что большая группа испанцев пробилась к лодкам, они почти все дружно кинулись к берегу, надеясь помешать бегству основного вражеского отряда. Только пятеро индейцев все еще крутились вокруг Фернана и его товарища, пытаясь достать кого-то из них длинным копьем. Гонсалес видел, что около двадцати его соратников убито. Еще человек десять взято в плен. А лодки в этот момент отчалили от берега. Часть туземцев сгрудилась у кромки воды, метая дротики и камни, стараясь попасть в удаляющиеся шлюпки. Другие сталкивали в воду каноэ, и устремлялись в погоню.

Шансы на спасение развеялись как дым...

Фернан и его товарищ дружно развернулись и кинулись в ближайшие заросли. Путь им попытались преградить двое вражеских воинов, но испанцы прорубились через заслон, не оставив никого в живых. Мимо плеча Фернана свистнула стрела, затем он получил сильный удар по шлему, сопровождавшийся гулким звоном – пущенный камень чуть не сбил его с ног. Несколько индейцев увязались в погоню и на ходу пытались поразить беглецов. Но через пару секунд конкистадоры уже нырнули в кусты, где надеялись скрыться от преследователей. Каждый шаг уносил их все дальше, лишая надежды уплыть с этого враждебного берега...

3. В джунглях Юкатана

Фернан, петляя и увязая ногами в песчаном грунте, забирался все дальше в лес. За спиной прерывисто дышал его товарищ по несчастью. Здесь было от чего прийти в отчаяние. Гонсалес ни на секунду не усомнился, что за ними спешит погоня. Местные жители знают каждый камень и каждое дерево, да и сражаются, в этом испанцы уже убедились, весьма прилично. Разве от них скроешься?! Куда бежать?! Но даже если и удастся оторваться от индейцев, то что они станут делать здесь дальше?

«Господи! Мы ведь просто отсрочили ненадолго свою гибель. Мы отрезаны от Кубы морем, самостоятельно туда не доберемся. Остаться здесь – настоящее самоубийство. Что делать дальше?»

Все эти навевающие панику мысли не мешали Фернану мчаться по лесу на максимальной скорости, которую мог развить человек, обвешанный доспехами и оружием. Деревья как назло помогали своим против чужаков, хлеща его ветками по лицу и будто специально подсовывая корни под ноги. Второй испанец вскоре стал отставать. Гонсалес сделал усилие и сумел выудить из памяти имя своего товарища. Того звали Себастьян Риос. Себастьян именно в это мгновение остановился, тяжело дыша и опираясь рукой на ствол дерева.

– Нужно сбросить доспехи! – отрывисто крикнул он. – Нам в них не уйти.

– Нам и без них не уйти! – бросил в ответ Фернан и указал за спину Себастьяну рукой.

Тот обернулся и увидел, что среди деревьев мелькают фигуры индейцев, которые быстро организовали погоню. Испанцы дружно развернулись и бросились бежать. Они сообразили, что двигаясь по прямой, представляют собой отличную мишень для стрелков. Потому Фернан и Себастьян петляли, ныряли в кустарники, пробирались через них, с трудом вырываясь из цепких лап растений. Ветки лезли в глаза, били по щекам, цеплялись за оружие. Это не могло длиться долго – местные жители, гораздо более легко одетые и привычные к зарослям, быстро нагоняли убегающих конкистадоров. Их было около десятка.

Фернан и не думал, что им удастся оторваться. Ему вообще претила идея удирать без оглядки, успокаивало лишь понимание того, что это, по сути, стратегический маневр. Молодость и неопытность, кошмарное поражение в битве, критическая ситуация, в которой они оказались – все это могло посеять панику даже в самом храбром сердце. Но молодого Гонсалеса сейчас захлестывала лишь ярость. Хотелось посчитаться с дикарями за разгром на берегу.

Индейцы буквально наступали на пятки. Фернан резко развернулся. Размашистый удар меча снес голову самому быстроногому преследователю. Второй также не успел затормозить и получил щитом по голове. Себастьян тоже кинулся на врагов. Он отбил копьё, нацеленное ему в лицо, а сам тут же нанес ответный удар, пробив индейцу грудь насквозь. Нападавшие явно не ожидали такого внезапного сопротивления и потому немного растерялись.

Расчет Фернана оказался верен – трое дикарей вообще отправились догонять конкистадоров безоружными, искренне веря, что им удастся взять двоих беглецов просто голыми руками. Из вооруженных трое погибло буквально в первое же мгновение. Оставшиеся в живых сумели быстро прийти в себя. Безоружные похватили оружие убитых и ринулись в бой. Фернана повеселило возмущение в глазах индейцев – похоже, что они мысленно уже считали себя победителями и ловцами рабов, а тут добыча вдруг начинает так огрызаться.

Когда туземцев осталось всего пятеро, они осознали, что тут уже и речи не может быть о пленении чужеземцев – хорошо, если им самим удастся уйти живыми. Фернан кинулся вслед одному противнику, который развернулся и явно вознамерился убежать за подкреплением. Конкистадор махнул мечом и индеец упал с рассеченным затылком. Одновременно Гонсалес закрылся щитом от копья, нацеленного другим дикарем в голову. Спустя мгновение он почувствовал толчок, сопровождавшийся лязгом – копьё третьего противника ударило в бок.

Кираса выручила. Себастьян в этот же момент зарубил четвертого неприятеля, после чего резким взмахом подрезал сухожилия на ноге у того, который умудрился попасть в Фернана. Тот упал с диким криком, а перед конкистадорами остался один-единственный враг.

Он, похоже, и сам не успел осознать, сколь быстро изменилась ситуация. Индеец отпрыгнул назад, но не стал искать спасения в бегстве. Он выставил перед собой копье, надеясь использовать преимущество в его длине. Фернан махнул щитом, показывая Себастьяну, что справится сам, после чего сделал шаг в сторону неприятеля. Тот уже понял, что грудь испанца прикрыта чем-то таким, что невозможно пробить, а потому нанес резкий удар в лицо. Каменное острие мелькнуло быстро, но и Фернан не стоял истуканом. Он дернулся вбок, уходя от копья, а сам резким ударом перерубил древко. Индеец выпустил бесполезную палку и схватился за дубинку, висящую на поясе. Но Гонсалес не собирался ждать – резкий удар по диагонали рассек грудь дикаря и тот упал, заливая все вокруг кровью. Себастьян в этот момент наклонился над поверженным противником, который не мог встать из-за подрубленной ноги, и всадил ему кинжал в горло.

– Куда теперь? – спросил Фернан.

Испанцы огляделись по сторонам. Они совершенно не представляли, где сейчас находятся. Троп не было, а скрываясь от погони, они немало пропетляли по зарослям. Вокруг высился чуждый, абсолютно непривычный лес. Добрую половину деревьев и цветов они не видели никогда в жизни. В эту чащу даже солнце пробивалось с трудом, кое-где пронзая лиственный покров узкими лучами. Царил полумрак, в тени было бы не очень жарко, если бы не битва, затем бегство, а потом снова схватка. Все это потребовало немало сил, так что оба конкистадора чувствовали себя так, словно их заставили работать в каменоломнях.

Фернан не выдержал зноя и снял шлем. Легкий ветерок принес облегчение, но в прояснившейся голове по-прежнему не возникало ни одной дельной мысли. Они отстояли свою жизнь и свободу, но что теперь с этими привилегиями делать?! Одни, без еды, воды, инструментов. Одежда и оружие – вот и все достояние. Испанцы за сотни миль на Кубе и до них никак не добраться. Зато под боком дикари – многочисленные, свирепые и храбрые в бою. И скорее всего, в ближайшее время за ними начнется новая охота, но уже не чета первой. Теперь ловить их будут сотни местных жителей, которые знают эти леса, как свои пять пальцев. От безысходности и отчаяния можно было сойти с ума.

“Вот тебе и приключения! – подумал Фернан. – Я же мечтал о чудесных спасениях. Сейчас самое время как раз для чего-то подобного!”

Выручил Себастьян – опытный моряк, он умел прекрасно ориентироваться по небесным светилам. Осмотревшись по сторонам, он прикинул, под каким углом падают солнечные лучи, потом провел какие-то расчеты в уме, беззвучно шевеля губами, и затем сказал:

– Побережье в той стороне, город дикарей поблизости от берега. Наши вояки, после полученной трепки, отправятся, скорее всего, обратно на Кубу. То есть, будут плыть на север, а потом на восток, огибая по дуге довольно большой полуостров.

– Нам в жизни не угнаться за кораблем, – безнадежно бросил Фернан.

– Золотые слова, – согласно кинул Себастьян. – Но если мы пойдем напрямик, пересекая этот же полуостров, то можем и успеть добраться до далекого восточного побережья.

– А дальше что? Вплавь на Кубу? Там не меньше сотни миль...

– На самом деле даже больше, – отметил Себастьян. – Хочется надеяться, что мы сумеем выйти на берег как раз напротив Острова Женщин. Мы там останавливались по пути сюда. Помнишь? Может быть, Кордоба снова посетит его, перед тем как отправляться обратно на Кубу. Хотелось бы в это верить...

Не произнеся больше ни слова, испанцы двинулись в путь. Фернан шел бездумно, абсолютно не веря, что они сумеют преодолеть добрых двести миль по совершенно незнакомой территории, да еще и выйти на морской берег напротив нужного им острова. Без карт, прови-

зии, проводников... Он просто шел, подчиняясь инстинкту хоть что-то делать для своего спасения. Главной задачей ему казалось уйти от возможной погони как можно дальше. Себастьян предложил добраться до Острова Женщин. Почему бы и нет? Эта цель была вполне абстрактной, далекой и почти недостижимой, ничем не хуже любой другой, столь же недостижимой.

Так Фернан Гонсалес и Себастьян Риос отправились блуждать по полуострову Юкатан, населенному индейцами майя.

– Нужно поскорее покинуть земли, подвластные этому племени, – поделился соображениями Себастьян. – Вряд ли дикари увяжутся за нами до самого побережья океана.

– Там, впереди, наверняка обитают другие племена, – ответил Фернан. – Думаешь, они окажутся к нам благосклоннее?

– Когда встретим их, тогда и будем ломать голову над тем, как с ними установить дружеские отношения. Пока нужно сбежать от тех, с кем дружба уж точно не сложилась.

Они шли вперед не останавливаясь. У Фернана, несмотря на жару, по затылку время от времени пробегали мурашки, стоило ему лишь подумать, что где-то позади, по их следам уже, возможно, движется отряд индейских воинов. Доспехи мешали. Кираса и шлем раньше не казались особенно тяжелыми, но одна мысль, что идти в них придется целыми днями с утра до вечера, вызывала глухое отчаяние. Но и расстаться с ними было просто невыносимо – еще неизвестно, что ждет впереди. Сегодня доспехи уже не раз спасали ему жизнь, а в туманном будущем могут весьма пригодиться. Фернан повесил роделу на спину, а вот меч он никак не осмеливался зачехлить. Чужой, дикий лес наверняка полон опасностей, в этом нет сомнений, так что лучше встречать их с клинком надежной толедской стали в руках.

Себастьян проявил поразительную расторопность – умудрился еще на побережье, перед побегом в лес, подхватить с земли чей-то арбалет вместе с колчаном, полным болтов. Поначалу он закинул его за спину и сражался мечом, но теперь холодное оружие заняло место на поясе, а заряженный арбалет Риос держал в руках, готовый в любой момент выпустить стрелу. А вот щит он обронил на берегу.

Себастьян шагал и мысли его одолевали самые мрачные. Глядя на спутника, Риос впадал в тоску. Фернан был не тем человеком, которого он хотел бы видеть рядом.

«Угораздило же меня! – думал он. – Мало того, что я потерялся в непроходимых лесах, которые кишат ядовитыми тварями и дикарями, так еще и рядом со мной такой молокосос! И что ему дома не сиделось? Кираса вся в чеканке, да и шлем тоже. Денег у молодого Гонсалеса хватает, ну и сидел бы в Испании!»

Фернан, со своей чистой кожей, которую не пересекал ни один шрам, с тонкими чертами аристократического лица, на котором почти не пробивалась щетина, выглядел молодым и изнеженным. Себастьян вдоволь насмотрелся на таких вот юных кабальеро, гордых и богатых, но совершенно не готовых к тяготам войн и путешествий.

«Теперь мало того, что придется отбиваться от индейцев, так нужно будет еще и мальчишку за собой тащить. Кормить его, защищать, смотреть, чтобы он не вляпался в неприятности. А ведь они тут на каждом шагу! Фернан с таким восхищением глазеет по сторонам, как будто он на прогулке. Да уж, намучаюсь я еще с ним»

В глазах Фернана, подтверждая опасения Себастьяна, светился неприкрытый восторг. Он не забыл об опасности, что им грозила, но окружающий мир выглядел так причудливо, что Гонсалеса поневоле захлестывало изумление. На каждом шагу испанцам попадались такие животные и птицы, каких они даже вообразить не могли. Зброшенные в самую гущу чужих, незнакомых джунглей, конкистадоры неустанно крутили головами из стороны в сторону, пытаясь заранее обнаружить любой источник возможной угрозы.

Между делом Фернан присматривался еще и к спутнику. Во время экспедиции они плыли на разных кораблях, поэтому видели друг друга буквально несколько раз, да и то мельком. Внешность Себастьяна внушала почтение. В отличие от юношески стройного Фернана,

Риос отличался крепким телосложением. Под одеждой угадывались мощные мускулы, широкие мозолистые ладони тоже выдавали немалую силу. Густые курчавые волосы выгорели на солнце и казались совсем светлыми. Мощный подбородок укрывала короткая щетина. Серые глаза настороженно глядели на мир, выискивая любую возможную опасность. Это был взгляд меткого стрелка, как будто прикидывающего, куда бы всадить арбалетный болт. На загорелой коже лица и рук белели шрамы. Сразу видно, что человек побывал в переделках и умеет из них выкручиваться.

На вид Себастьяну было лет тридцать. Рядом с восемнадцатилетним Фернаном он казался старым ветераном. С каждой секундой Гонсалес все больше успокаивался, понимая, что судьба подарила ему надежного и опытного спутника. Хоть в этом ему повезло!

Первое же замеченное животное поразило их. Фернан шел на шаг впереди и он готов был поклясться, что справа были только заросли какого-то растения. Но внезапно то, что он принял за часть куста, резко дернулось и проворно побежало вбок, подальше от подходящих людей. Это было так неожиданно, что он даже не успел замахнуться мечом. Себастьян нес арбалет на уровне груди, но не стал целиться в убегающее существо, увидев, что оно не несет никакой угрозы.

– Что это было? – спросил Фернан. – Ты успел рассмотреть?

Он досадовал на себя за то, что оказался столь невнимателен. Если бы этот зверь бросился не наутек, а в атаку, то он вряд ли бы успел среагировать.

– Какая-то гигантская ящерица, – пожал широкими плечами Себастьян. – Мне раньше таких видеть не доводилось.

Однако совсем скоро они получили возможность рассмотреть подобную ящерицу поближе. Неподалеку от избранного ими пути на земле лежал большой валун, высотой по пояс человеку. На камень падали солнечные лучи и он успел основательно прогреться. Сверху на нем расположилась огромная игуана. Широко расставив лапы, обхватив ими шершавую поверхность валуна, она неподвижно замерла, принимая солнечную ванну. Первым ее заметил Фернан. Пройти мимо такого зрелища было невозможно.

– Себастьян, – шепотом позвал он и указал острием меча на отдыхающее чудовище.

Риос плавно, стараясь не делать резких движений, поднял арбалет на уровень плеча и нацелил его на рептилию. Без лишней необходимости он не собирался стрелять, экономя запас болтов, но в случае агрессии сразу убил бы это страшилище.

От носа до кончика хвоста длина игуаны примерно равнялась росту человека. Длинные пальцы на лапах заканчивались кривыми когтями. Окраска рептилии была зелено-оранжевая, очень яркая и хорошо заметная. Длинное тонкое тело сверху украшал высокий колючий гребень, тянущийся от головы и постепенно уменьшающийся к концу хвоста. Кожа на боках собиралась в заметные складки. Голову покрывали бугры, выросты и шипы. Снизу на горле виднелся большой и заметно провисающий кожаный мешок, увешанный своеобразной бородой из колючек.

Неподвижно сидя на сером валуне и бесстрастно глядя на застывших в изумлении людей, она казалась мифическим драконом. Испанцы ничего подобного в жизни не видели. Фернан осторожно двинулся в сторону камня. До рептилии оставалось несколько шагов, меч на всякий случай он занес для удара.

– Фернан, не трогай ты эту тварь, ради бога! Дева Мария, ох и чудовища здесь водятся! Храбрые рыцари давно истребили подобных драконов в Европе, так они, похоже, расплодились в Новом Свете.

– Интересно, каких же размеров бывают эти драконы.

Фернан не собирался убивать встреченную рептилию, но желал понять, насколько она опасна. Игуана, увидев непозволительное любопытство со стороны людей, приподняла рога-тую голову. Она подалась немного вперед, с громким шипением раздула свой мешок на горле

и несколько раз резко взмахнула хвостом. Потом сделала быстрый выпад мордой в сторону людей.

– Ты меня еще пугать будешь?! – вскипел Фернан.

Он мягко шагнул навстречу приготовившейся к бою игуане, нацелив острие меча на раздувшееся горло рептилии. Тварь, по представлению Гонсалеса, вполне могла одним махом откусить ему руку. Он никогда не встречал ранее подобных существ, а потому не знал, какие части тела “дракона” наиболее уязвимы. Но колющий удар в горло был, разумеется, верным способом победить в любой схватке. Риос, удерживая арбалет одной рукой, второй вцепился в плечо Фернану.

– Уймись, что ты делаешь? Кто знает, а вдруг эта тварь ядовитая!

Игуана тем временем решила больше не испытывать судьбу. Проворно спрыгнув с камня, она быстро убежала, шелестя попадающимися под лапы растениями и взмахнув на прощание хвостом. Фернан несколько мгновений смотрел ей вслед, затем мрачно покачал головой.

– Как думаешь, это был детеныш?

– Кто знает, – пожал плечами Себастьян. – Трудно даже представить, каких еще чудовищ мы тут встретим. Нам бы не помешало хорошее копье.

Неоднократно конкистадорам попадались на глаза попугаи ара. Они не казались такой уж диковинкой, поскольку налюбоваться ими оба успели еще на Кубе. Но все же количество и разнообразие этих птиц поражало. Крупные попугаи, красуясь пестрой раскраской, сидели на ветвях, перелетали с места на место, деловито чистили и ели плоды и почти непрерывно кричали. Многоголосый хор ара, некоторые из которых с любопытством следовали за людьми, ошеломил Фернана. Он засмотрелся на одну из птиц, как будто покрашенную красными, желтыми и синими полосками. Она перепархивала с ветки на ветку, то опережая двоих путников, то давая им уйти вперед и провожая их взглядом, а затем расправляла крылья и догоняла людей. При этом попугай непрерывно вопил во все горло, демонстрируя завидное разнообразие звуков. Крики, скрежет, какое-то бульканье и клокотание.

– Можно подумать, что эти птицы обсуждают нас между собой, – сказал Фернан.

– Почему бы и нет. Им таких людей видеть уж точно не доводилось.

Крохотные колибри порхали по лесу, совершенно не обращая внимания на испанцев. Попадались под ноги ящерицы, которые проворно убегали, не давая возможности даже толком себя рассмотреть. Фернан и Себастьян внимательно глядели под ноги, поскольку знали, что в любой момент они могут повстречаться со змеей. В зарослях то справа, то слева раздавалось шуршание и хруст веток, что неизменно заставляло насторожиться, но увидеть тех, кто там копошился, путникам не удавалось.

Они шли долго, не делая пока перерывов для отдыха. Хотя солнце и скрывалось за густой растительностью, но все же доспехи быстро нагрелись, еще больше изнуряя воинов. Фернан и Себастьян устали стирать пот со лба. По некоторым участкам леса можно было пройти с легкостью, а кое-где приходилось пробираться в густых зарослях, иногда буквально прорубая себе дорогу. Все виденное вокруг казалось столь поразительным и непривычным, что вскоре они слишком устали от богатства красок и разнообразия растений. Сил удивляться уже не осталось. Весь окружающий мир был сплошным потоком сменяющихся ярких пятен, они сливались в бесконечную вереницу, которую конкистадоры предпочли бы вовсе не видеть. Вскоре их стали донимать жажда и голод. У Себастьяна оказалась на поясе небольшая фляга с водой, но ее хватило ненадолго.

Мысль о возможной погоне подстегивала, но и она не могла даровать бесконечного запаса сил. После нескольких часов испанцы решили сделать привал у ближайшего же ручья или озера. Вскоре впереди они услышали журчание воды. Фернан хотел устремиться туда как можно быстрее, но Себастьян его придержал:

– Не стоит спешить. Неизвестно, что нас там ожидает.

– Думаешь, мы можем встретить дикарей?

– Кроме индейцев здесь могут оказаться и другие неприятные сюрпризы.

Фернан спохватился, что рукоять меча лежит во вспотевшей ладони не слишком надежно, потому стал активно вытирать руку об штаны. Себастьян же поднял арбалет и, приготовившись к любым неожиданностям, они стали пробираться вперед.

Выйдя из зарослей, испанцы увидели перед собой речку. Она была не особенно широка, около двадцати шагов в ширину. На дальнем берегу сидел ягуар и ловил рыбу. Фернан застыл от неожиданности. Он никогда не встречал кошек, которые по размеру были бы куда крупнее волка, столь причудливо раскрашенных, к тому же совершенно не боящихся воды. В памяти всплыли рассказы преподавателей из университета о том, что далеко на Востоке водятся гигантские кошки, силой и свирепостью превосходящие медведей.

Фернан прошептал:

– Себастьян, смотри.

Риос окинул взором открывшуюся картину и знаком приказал Фернану отступить. Зверь их не услышал. Джунгли были полны звуков: играла рыба в реке, кричали попугаи на ветках, ветер невесомыми ногами пробегал по верхушкам деревьев. Они скрылись в зарослях, стараясь не шуметь.

– Господи, что это за страшилище? Тебе приходилось видеть таких тварей раньше?

Фернан подозревал, что Себастьян немало побродил по свету, а потому мог встречать самых диковинных зверей.

– Это леопард, – авторитетно заявил Себастьян. – И лучше ему на глаза не попадаться. Я видел этих хищников, путешествуя по Востоку. Похоже, что здесь нам воды не набрать.

Встреча с подобной угрозой не то чтобы придала сил, но подхлестнула их пройти подальше. Теперь они шли куда осторожнее, внимательно осматриваясь по сторонам. Фернан даже снова повесил щит на левый локоть. Себастьян же продолжал рассказывать:

– Леопард – зверь исключительно опасный. Быстрый, сильный, свирепый, подкрасться может совершенно незаметно. Такому хищнику по силам завалить даже быка. Правда, я раньше не видел, чтобы они с такой охотой лезли в воду.

Так прошло некоторое время. Вскоре испанцы все же решились выйти к берегу. К реке испанцы подходили крайне осторожно, но все же подняли какую-то птицу. Она взвилась в воздух, шумно хлопая крыльями, испуганная не меньше, чем сами конкистадоры. Фернан уж приготовился пустить в ход меч, не успев даже сообразить, что за опасность им грозит. Но «опасность» упорхнула, издавая какие-то кричающие, совершенно непривычные звуки.

– Черт! – выругался Себастьян. – Еда улетела...

Они вышли на берег и обнаружили, что голодными все-таки не останутся. Птица сидела на гнезде, так что теперь на ужин у них было полдюжины яиц. Испанцы напились и наполнили флягу, после чего Себастьян умудрился разжечь костер и они испекли яйца. Деревья на берегу снабдили их фруктами, совершенно незнакомыми для Фернана, но Себастьян уже пробовал такие на Кубе и сказал, что они вполне съедобны. Плоды оказались очень вкусными.

Испанцы поели и решили сделать привал. Отдыхать пришлось чутко – встреча с ягуаром научила их осторожности. Если не знать, что поблизости бродят такие хищники, можно было подумать, что они находятся в райском месте. От воды несло прохладой. Многочисленные цветы придавали местности нарядный вид. Воздух наполняли трели птиц, из которых особенно выделялась одна. Средних размеров птаха, немногим крупнее самого простецкого голубя. Тело черное, зато голова, лапы и хвост были весьма пестрыми. Красные, синие, зеленые полосы и пятна образовывали причудливую палитру. Но самым удивительным оказался гордо выставленный вперед клюв, размером почти не уступающий длине тела. Это был тукан, совершенно незнакомый европейцам.

– Как они только такую ношу на голове несут, – удивленно пробормотал Себастьян.

Немного отдохнув, конкистадоры снова двинулись в путь. Тащиться по густым джунглям, особенно после еды, было крайне обременительно, но надежда догнать корабль не покидала их. Они двигались прямо на восток, не удаляясь при этом от реки, которая, по счастливой случайности, бежала в том же направлении. Фернан с сомнением поглядывал на флягу и думал о том, что они станут делать, если их пути с рекой разойдутся. Фляга совсем невелика и много воды в нее не поместится.

Увидев, что солнце скоро спрячется, испанцы решили устроиться на ночлег. Себастьян развел костер. Вскоре совсем стемнело и конкистадоры сидели, жуя собранные фрукты и размышляя.

– Учитывая, какие милые существа здесь водятся, я бы вообще не ложился спать, если бы это было возможно, – проворчал Риос.

– Будем спать по очереди, – предложил Фернан. – Хочешь, можешь ложиться, а потом я тебя разбужу.

Себастьян не заставил просить себя дважды, но перед сном несколько раз напомнил Фернану, чтобы тот глядел в оба, ведь еще неизвестно, какие опасности, кроме леопардов, могут их подстергать. Вскоре он уснул, а молодой Гонсалес остался сторожить. Он сидел у костра, не переставая время от времени крутить головой по сторонам. Рукоять меча он крепко сжимал в правой руке, рядом на земле лежал заряженный арбалет. Фернану казалось, что он готов к любым неприятностям. Гонсалес сидел и прислушивался к ночным звукам, удивляясь тому, как его товарищ умудряется спать под такой шумный хор. А ведь скоро и ему самому нужно будет попытаться уснуть.

Себастьян негромко храпел, но это был лишь малый вклад в общую какофонию звуков. Гонсалес с легкой завистью глянул на него. Вот сразу видно, что человек имеет солидный опыт походов – ничто не может прервать его сон! Звуковой ансамбль поражал как громкостью, так и разнообразием. Фернану казалось, что где-то совсем рядом то ли стонет, то ли плачет чей-то голос. Резкие, неожиданные крики, раздававшиеся как будто прямо за спиной, заставляли его вздрагивать. Он вытащил из костра тлеющую ветку и неустанно обмахивал ею себя и спящего Себастьяна, спасаясь от тучи насекомых, привлеченных огнем.

Свет луны пробивался сквозь переплетение веток мягким рассеянным сиянием. Внезапно над головой пронеслась тень. Фернан тут же вскочил и вскинул меч, готовый вогнать острие в любую подкрадывающуюся тварь. Но это оказалась всего лишь летучая мышь, правда, удивительно больших размеров. Ему раньше не доводилось видеть таких, в Испании эти зверьки были куда мельче. Вскоре он уже перестал их замечать, поскольку мыши шныряли туда-сюда постоянно.

Слева захрустели ветки. Судя по громким звукам, там пробиралось через заросли какое-то крупное животное. Привлечет ли его свет? Фернана охватило любопытство, вперемешку с охотничьим азартом. Он стоял, вглядываясь в окружающую темноту, и старался представить себе существо, с которым ему сейчас, возможно, предстоит столкнуться. Но хруст веток стал удаляться и Фернан разочарованно опустил меч.

Молодой человек задумался о том, как же ему повезло со спутником. Риос умел безошибочно ориентироваться на местности, без труда разводил костер, обладал тем самым опытом, которого так не хватало самому Фернану. Да, Гонсалес хорошо владел оружием, но ведь голод и жажду мечом не зарубишь! К тому же у Себастьяна оказалась с собой фляга, которая в этих условиях стала не менее ценной, чем лучший клинок из толедской стали. Не говоря уж о том, что именно Риос успел прихватить оброненный кем-то из стрелков арбалет.

В этот миг Себастьян заворочался, затем встал и сказал:

– Ну что, твоя очередь отдыхать.

Видимо, для опытного солдата было привычно отмерять время, отведенное для сна, а затем вставать для несения караула. В этот момент многоголосый хор животных и птиц перекрыл мощный рев. Фернан помимо воли крепче ухватился за рукоять меча.

– А вот и леопард подал голос! – радостно заявил Себастьян. – Хорошо, что мечи и арбалет у нас под рукой. Ложись спать.

Хотя Фернан и сомневался в том, что он сможет уснуть посреди этого шума, но стоило ему лишь коснуться головой земли, как он тут же провалился в сон. Усталость взяла свое.

Себастьян же сидел, столь же чутко вслушиваясь в таящие кучу опасностей звуки ночных джунглей. Настроение его лучше не становилось. Все было так, как он и предполагал. Фернан оказался совсем «зеленым». По лесу передвигался неумело, слишком беззаботно глазел по сторонам, как будто ему здесь не грозила никакая опасность. Во время разбивки лагеря и разведения костра он крутился под ногами, скорее мешая, чем помогая. Сам Гонсалес этого, наверняка, не осознавал, но Риос, опытный солдат и путешественник, понимал, что толку от юноши в походе совсем мало.

И все же Себастьян скорее язык бы себе откусил, чем стал попрекать в чем-то Фернана. Он понимал, что здесь, посреди дикого и враждебного леса, нужно любой ценой сохранить дружеские отношения. Лучше такой товарищ, чем вообще никакого. Кто другой прикроет спину и посторожит сон? С кем еще, в конце концов, можно перекинуться парой слов?

«К тому же следует признать, что мальчишка хорошо владеет оружием, – думал Себастьян. – Когда дикари на нас кинулись, Фернан показал себя молодцом. Да и вообще... Сколько я видел таких аристократов, которые только и могут, что кичиться древностью рода и подвигами предков, а сами проводят жизнь в полной безопасности. Гонсалес, по крайней мере, не побоялся приплыть в Новый Свет и пожелал сам чего-то добиться»

А время шло. Комариный гул навевал дремоту. Риос вставал, разминал затекшие ноги, тарашил глаза во тьму и ждал, когда же закончится эта ночь и можно будет продолжить путь.

Утром Гонсалес проснулся не только от яркого света, но еще и от ароматов готовящейся на костре пищи. Себастьян успел набрать фруктов и теперь сосредоточенно что-то жарил.

– Мы с тобой спали совсем рядом с гнездом, в котором было несколько яиц. Похоже, в ближайшем будущем это и будет основой нашего рациона. Ну еще вот это, – Себастьян подал Фернану палочку, на которой были нанизаны кусочки фруктов. – Пытаюсь их запечь. Может, это привнесет разнообразие в наше меню.

После завтрака они двинулись в путь. Фернан чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Кираса, шлем и оружие пока не казались слишком тяжелой ношей, но что будет до вечера?

– Как думаешь, сколько мы вчера прошли?

– Сложно сказать точно, – пожал плечами Себастьян. – Учитывая то, что мы немало пропетляли, то, думаю, немного. Миль пять. В лучшем случае, семь.

После этой фразы каждый из них погрузился в размышления. Даже неопытному Фернану стало понятно, что шансы догнать корабли ничтожно малы. Хоть флот и идет по большой дуге, но и они сами движутся совсем не по прямой. К тому же, экспедиция Кордобы не останавливается ни днем, ни ночью, а они вынуждены делать привалы для ночлега.

– Себастьян, а тебе не кажется, что мы можем и не найти Остров Женщин? Даже если мы доберемся до восточного побережья, то куда идти дальше? Этот остров невелик, да и вообще, их там наверняка десятки.

– Да, найти его будет трудно. Но я не вижу другого выхода. Остаться здесь нельзя. Никаких испанских поселений рядом нет. Дикари нас уж точно не пощадят. Нужно в любом случае уходить. На восточном берегу мы хотя бы окажемся поближе к Кубе. К тому же, Остров Женщин – единственное место, где нашу экспедицию встретили радушно.

– Это потому, что дикарей там оказалось слишком мало, чтобы напасть на сотню солдат, – рассмеялся Фернан. – Думаешь, они будут та же дружелюбны к двум потерявшимся путникам?

Идея Себастьяна была, возможно, и не слишком хороша. Но ничего лучше они придумать не смогли, а потому пришлось идти прежним курсом. Буквально через пару часов судьба подкинула им очередную дилемму – река сворачивала на юг. Фернан растерянно проследил взглядом за уносящимся в неведомые дали потоком.

– Что делать будем? – спросил он.

– Нужно идти на восток, – раздосадованно развел руками Себастьян. – Я не знаю, что есть на юге, но испанских колоний там уж точно нет. Ты же не хочешь остаться здесь навечно?

– А вода?

– Думаю, что это не последняя речка в джунглях. Наполним флягу. Если будем расходовать воду экономно, то на пару дней ее должно хватить.

Испанцы с тяжелым сердцем расставались с рекой. Никто не мог сказать, что ждет их впереди. На такой жаре содержимого фляги, на самом деле, не хватило бы даже на сутки. Если через пару дней они не обнаружат источник, то останется только умереть от жажды.

Так они и шли дальше на восток. Дорога более удобной не становилась. Приходилось пробираться через все те же заросли, да еще и внимательно осматриваться по сторонам. Ведь кто знает, что здесь может водиться? Через несколько минут Фернан чуть на наступил на огромного паука. Черный, с толстыми волосатыми ногами, он вскинулся, угрожающе подняв передние лапы вверх. Гонсалес помимо воли попятился.

– Господи, ну и твари здесь водятся!

Фернан мог сразу же зарубить паука, но его внешний вид вызывал у испанца настоящее омерзение. Не хотелось даже меч марать об это чудовище. Гонсалес в очередной раз отметил, что в Испании таких крупных пауков он не видел. Себастьян тут же предупредил товарища:

– Будь осторожнее. Я, конечно, не знаю, насколько оно опасное, но в Африке и Малой Азии мне доводилось видеть, как люди умирали от укусов подобных тварей.

– И куда нас только занесло, – невольно поежившись, пробормотал Фернан. – Как будто мало нам прочих неприятностей!

Паук, тем временем, скрылся в траве. Конкистадоры продолжили свой путь. Всматриваясь в окружающие их заросли, вслушиваясь в многоголосый шум джунглей, они не знали, с какой стороны к ним подбирается опасность. Чьего нападения ожидать? Крадется ли за ними какой-нибудь хищник или, может быть, уже притаилась поблизости змея. Не говоря уж о том, что они постоянно оборачивались, пытались понять, не идет ли по следам погоня. Но время шло, а местных жителей вокруг видно не было.

– Похоже, что проклятые индейцы, чтобы их чума выкосила, то ли вовсе не стали за нами гнаться, то ли потеряли наш след, – заметил Себастьян. – Наверное, мы уже покинули земли, которые населяет это племя.

– Думаю, индейцев здесь хватает, так что рано или поздно встречи с ними не избежать.

Птиц вокруг по-прежнему было столько, что путники уже совершенно перестали обращать на них внимание. Большие и маленькие, поголовно все пестрые и очень шумные. Иногда по пути им попадались обезьяны, удивляя испанцев своей невероятной ловкостью. Завидев людей, они не подпускали их к себе, с легкостью перескакивая с одной ветки на другую, карабкались по деревьям, следили за бредущими друзьями и оглашали воздух резкими неприятными криками.

– В Испании такую можно было бы продать за неплохие деньги, – мечтательно произнес Себастьян, глядя на очередную обезьяну.

Та, будто сообразив, что речь идет о ней, издала оглушающий крик.

– Чертовы твари совсем меня достали! – не выдержал Фернан. – Ты можешь подстрелить хотя бы одну?

– Остальные не станут от этого менее шумными, – с философским спокойствием ответил Риос, который шел на несколько шагов сзади. – К тому же, болтов у нас не так и много.

Фернан задумчиво посмотрел на спутника.

– Похоже, тебя не слишком удивляют окружающие нас чудеса. Наверное, нечто подобное ты видел на Кубе?

– На Кубе я пробыл не многим больше тебя, – сказал Себастьян. – Но мне действительно пришлось попутешествовать и довелось видеть разные диковинки. До приезда в Новый Свет я более десяти лет проплавал по Средиземноморью.

– Ну и чего тебе дома не сиделось?

– Но ведь и ты не остался в Испании, – бросил в ответ Риос. – У меня два старших брата. Сам знаешь, по нашим законам наследство достается первому сыну. Так что я мог рассчитывать только на себя. Отец и братья прилежно занимались со мной, обучая благородному искусству владения мечом. Вот так в шестнадцать лет я взошел на палубу боевого корабля. Хотя мы и изгнали мусульман из Испании, но в Средиземноморье они чувствуют себя как дома. Немало пришлось мне с ними повоевать. Восемь лет назад десант испанских храбрецов захватил порт Оран в северной Африке. На следующий год мы покорили Триполи. Но там война идет с переменным успехом. Турки опасаются чрезмерного усиления Испании и прикладывают немало сил, чтобы нам помешать.

– Да уж, много испытаний выпало на твою долю, – с уважением заметил Фернан, а затем с любопытством спросил. – А в Италии тебе пришлось повоевать?

Италия, в то время раздробленная на десятки больших и маленьких государств, уже лет двадцать была главной военной ареной Европы. Испания и Франция рьяно старались вытеснить друг друга с земель Апеннинского полуострова.

– Да, сражался я и там. Испанский солдат должен уметь биться и на суше и на море. Но ты тоже молодец. Не побоялся пересечь океан и присоединиться к экспедиции.

– Ну, я все-таки потомок героев, которые изгнали мавров, – слегка смутился от похвалы Фернан. – Разве я могу уступить в чем-то предкам...

– Ну и что?! Знаешь, сколько я таких людей видел, которые с гордостью твердили: «Мы изгнали мавров из Испании!». И они без стеснения причисляли себя к героям, несмотря на то, что родились уже после победы над мусульманами. А сами меч с трудом в руках могли удержать. Ты вот решил лично испытать свою отвагу...

В этот момент они услышали треск веток и увидели, как сквозь заросли в их сторону несетя какое-то крупное животное. Оно бежало, не разбирая дороги и нельзя было понять, собирается ли оно на них напасть или же вообще их не видит.

Фернан отскочил вбок и тут же нанес зверю удар мечом. В голове засела мысль, что этой тварью, кем бы она ни оказалась, неплохо бы и закусить. Но удар, нанесенный вскользь по убегающей туше, не смог ее остановить. Лишь раздался возмущенный визг. В этот момент Себастьян хладнокровно прицелился из арбалета и спустил тетиву. Болт промелькнул совсем рядом с Фернаном и попал в бок бегущему животному. Оно споткнулось и упало, ломая кусты и дергая лапами.

Фернан, оценив траекторию полета болта, разразился проклятиями. От такого выстрела и кираса бы не спасла.

– Себастьян! Пролети болт на локоть в сторону и ты обедал бы сегодня мной, а не этим зверем!

– Я метко стреляю из арбалета, – с невозмутимой ухмылкой ответил Себастьян, перезаряжая свое оружие.

Они подошли и стали рассматривать свою добычу. Это был крупный тапир. Массивное тело, покрытое короткой темно-бурой шерстью, на загривке густая щетина. Вытянутая вперед морда, с небольшими ушами, маленькими глазками, к тому же украшенная самым настоящим хоботком.

– Ну и что это за животное? – Фернан легонько коснулся туши острием меча, как будто сомневаясь в том, что оно убито. – То ли толстый пони с головой свиньи, то ли вообще что-то непонятное.

– Похоже, это что-то сродни нашим кабанам, – задумчиво изрек Себастьян. – Вот только хобот я раньше видел исключительно у слонов. У них он, правда, куда длиннее. На этой чертовой земле все не такое, какое привычно видеть доброму христианину. Но клыков у него нет, вряд ли он столь же опасен, как разъяренный вепрь. Не думаю, что он мчался на нас, скорее всего, его что-то испугало, вот он и кинулся бежать, не разбирая дороги.

– Лучше нам приготовиться к встрече с тем, что могло так его напугать, – хмуро заметил Фернан.

Мысли его неоднократно возвращались к леопардам, тем более что Себастьян за время их путешествия успел немало рассказать о силе и свирепости этих хищников. А кто может знать наверняка, что еще за опасные животные тут водятся? Осторожно обойдя окрестности с оружием наготове, они убедились, что на их добычу никто больше не претендует.

Понимая, что такую тушу им не унести, путники решили сделать привал прямо здесь. Под руководством Себастьяна тапира освежевали и разделали. Немного мяса они тут же зажарили, а часть забрали с собой. Пообедав, испанцы продолжили свое путешествие. Запасы воды подходили к концу, и надежда была пока только на сочные плоды, в изобилии растущие на деревьях. Они без усталости шли несколько часов, но затем Себастьян, посмотрев на солнце, сказал:

– Будем устраиваться на ночлег. Светило скоро скроется, а ты и сам уже заметил, что ночь здесь ложится на землю быстро.

Путники развели костер и Фернан взялся за приготовление ужина. Пока он жарил мясо и чистил фрукты, Себастьян, вооружившись кинжалом, нарезал веток и соорудил навес. Потом бросил еще одну пышную охапку на землю.

– В первую ночь мы с тобой слишком обессилели, чтобы заниматься обустройством нашего лагеря. Но теперь будем спать как в раю, – сказал он. – Не нравится мне здешняя погода. На Кубе дождь мог налететь совершенно неожиданно.

Они поели и Риос первым лег спать, оставив Фернана дежурить. Среди ночи действительно начался дождь, так что навес оказался весьма уместным. Молодой Гонсалес сидел, следя за каплями и размышляя о том, что ждет их впереди. После полуночи Себастьян сменил его.

Проснувшись утром от ярких солнечных лучей, Фернан увидел довольного Риоса, который указал ему на флягу, заново наполненную водой.

– Навес нас здорово выручил, но и дождь был очень кстати, – сказал он.

– Ты мастер на все руки. Умудрился и воду дождевую собрать. Закинь тебя в ад – ты и там устроишься с комфортом! – сказал Фернан.

– По поводу ада ничего не могу сказать, а вот выжить в мусульманском плену мне удалось, – ответил Себастьян. – А потом и сбежать. Вот там жизнь вряд ли лучше ада.

Они поели и двинулись дальше. Пока что путешествие не казалось слишком утомительным. Фернан шел и думал о том, что они будут делать, когда доберутся до Острова Женщин. Сумеют ли поладить с местными жителями? Но даже если и сумеют, то что дальше? Вдруг следующая экспедиция не станет там причаливать? В крайнем случае, можно попробовать купить у индейцев пирогу и попытаться доплыть до Кубы. Потом он вспомнил шторм, который трепал корабли Кордобы в открытом море. Лодка дикарей такого испытания уж точно не выдержит. Да и чем за нее платить?!

Ближе к обеду им на пути попался растерзанный труп тапира. Себастьян негромко произнес:

– Его убили совсем недавно. Может быть, сегодня утром. Какой-то крупный хищник.

Фернан внимательно осмотрелся по сторонам, пытаясь понять, не станут ли они сами через мгновение жертвами нападения. Джунгли полнились звуками и это раздражало. Где-то шуршала трава, где-то трещали ветки в кустах. Разве разберешь, что означает этот хруст?! То ли безобидная ящерица бежит, то ли убийца тапира возвращается, чтобы продолжить обед.

– Раз зверь на нас сразу не бросился, значит, бояться особо нечего, – сказал Себастьян. – Может быть, он сейчас вообще за несколько миль отсюда. Но в любом случае, лучше не дожидаться его возвращения. Хотя пару кусков мяса я у этой туши вырежу. Нам оно пригодится.

Вскоре слева блеснула водная гладь. Конкистадоры поспешили к ней с такой радостью, какую только может испытывать человек, у которого заканчивается вода. Река сулила спасение. Они подобрались поближе. На самом берегу отдыхал крупный крокодил. Он лежал совершенно неподвижно, слегка приоткрыв пасть, и совершенно не обращал внимания на людей. Впрочем, Фернан и Себастьян были далековато от него, к тому же старались не шуметь. Гонсалес с интересом рассматривал огромную рептилию, будучи не в состоянии решить – желает ли он обойти ее стороной или попытаться разжиться ее мясом. Он заинтересованно поглядел на Себастьяна и шепотом спросил:

– Как думаешь, нам удастся пополнить этим зверем наш несколько однообразный рацион?

– Не стоит даже и пытаться, – так же шепотом сказал Себастьян. – Можно, в целях более тесного знакомства, всадить ему арбалетный болт в бок, но вряд ли одним снарядом удастся его убить.

– Наше оружие не ограничивается одним лишь арбалетом, – самоуверенно заявил Фернан, демонстративно положив меч на плечо.

– Нет, – покачал головой Себастьян. – У крокодилов такая броня, что мечом не больно-то и разрубишь. Колющим ударом ты, конечно, пробьешь его чешую, но одного удара, скорее всего, окажется мало. А разъяренная тварь, в целях твоего вразумления, не преминет откусить тебе ногу. На одной ноге тебе до побережья никак не добраться. Предлагаю оставить ее в покое. Скотина наслаждается сиестой. Я вот, например, становлюсь крайне раздражительным, если прервать мой послеобеденный отдых. А у этой твари, судя по ее виду, характер еще более скверный, чем у меня.

Обойдя отдыхающего крокодила по большой дуге, они все же набрали воды. К их знаниям об окружающем мире теперь добавилась нехитрая истина о том, что реки и озера в этом лесу также не могут считаться безопасными.

4. Пленение

К вечеру, изрядно обессиленные, они устроились на ночлег. Фернан, по заведенной традиции, остался дежурить первым. Одновременно с темнотой, опустившейся на джунгли, на него навалилась усталость, накапливавшаяся в течение нескольких дней. Сон склеивал веки и Гонсалес постепенно стал «клевать» носом. Осознав это, он вскочил и потряс головой, отгоняя дрему. Ночные недосыпания вкупе с изнурительными дневными переходами заявляли свои права. Здесь было куда жарче, чем в Испании. К тому же, постоянное напряжение изматывали не меньше чем непривычный зной.

Фернану вспомнились его мечтания уравниваться в славе со своим знаменитым предком Алонсо Гонсалесом. Он невесело усмехнулся. Вот чего он достиг в своем стремлении! Потерялся посреди чужого неизведанного материка или острова, блуждает по непроходимым джунглям, с трудом добывает пропитание и воду, да еще и с опаской оглядывается на каждый шорох. Это уже не говоря о том, что без советов опытного Себастьяна он не протянул бы и одного дня. Но с другой стороны, семейные легенды, рисующие титаническую фигуру Алонсо, не сохранили для потомков перечисления всех опасностей, выпавших на его долю. Мавры уж наверняка не добровольно Севилью покинули. Да, что и говорить – в преданиях все гораздо красивее, чем бывает в жизни.

Вскоре проснулся Себастьян и Фернан отправился спать. Риос встал с трудом. Он долго сидел, таращась в непроглядную мглу и слушая звуки ночной жизни джунглей. Несмотря на все усилия, глаза закрывались как будто сами по себе. Он то вставал, то снова садился, пытаясь разогнать нарастающую сонливость. Но время текло медленно и ближе к утру Себастьян стал дремать. Хотя солдатская привычка к осторожности брала свое – время от времени Риос вскидывался и осматривался по сторонам. Настоящим удовольствием было убедиться, что они по-прежнему в безопасности, но истинным наслаждением оказывалась возможность снова закрыть глаза...

В очередной раз подняв голову, испанец с крайним изумлением увидел, как из темноты выступают человеческие фигуры. Себастьян отчаянно заморгал, пытаясь прогнать наваждение, но это не помогло. Он взвился на ноги с криком:

– Фернан! Вставай! Эти проклятые индейцы нас выследили!

Клинок уже готов был поразить ближайшего врага, но сбоку ему на голову обрушился удар и Себастьян потерял сознание. Фернан, несмотря на крайнюю усталость, спал чутко и поэтому проснулся мгновенно. Он вскочил, подняв меч, который не выпускал из ладони даже во сне. Но испанец тут же получил мощный удар по правому плечу и рука онемела. В бешенстве Гонсалес пнул ногой тлеющие поленья и взметнувшиеся искры озарили фигуры индейцев. Их было около десятка. Фернан последним отчаянным усилием успел ударить одного из нападавших левой рукой в висок, но в этот момент на него накинута сзади и повалили на землю...

Себастьян вскоре очнулся от резкой боли в руках. Они были заведены за спину и крепко стянуты. Сам он лежал на животе и, повернув голову, увидел Фернана, находящегося в таком же бедственном положении. Быстро светлело, ночь сменялась новым днем и ничего хорошего этот день им не сулил.

Вскоре испанцев подняли и стали готовить к переходу. Себастьяна поставили перед Фернаном, затем взяли длинную палку и пропустили ее под правой рукой у каждого пленника, крепко примотав к локтю. Связанные таким образом, испанцы вынуждены были двигаться только вперед, один за другим. О бегстве не приходилось и думать.

Невысокий, испещренный татуировками воин дал команду резким отрывистым голосом и отряд отправился в путь. Конкистадорам поневоле пришлось подчиниться. Шли быстро. Испанцам со связанными руками было бы сложно выдерживать такой темп, но индейцы

отлично ориентировались и выбирали удобные, хорошо знакомые им тропы, избегая густых зарослей.

Гонсалес осмотрел себя. Из всего снаряжения на нем оставалась лишь кираса, да и то потому, что он в ней спал. Меч, щит, шлем и даже кинжал сейчас находились у индейцев, которые с интересом их рассматривали. Они передавали предметы из рук в руки, обменивались какими-то непонятными фразами, удивленно качали головами. Также немалый интерес вызвала золотая статуэтка, которая в свое время подтолкнула Фернана к путешествию в Новый Свет. Индейцы показывали ее друг другу, указывали на Гонсалеса и что-то говорили.

«Ну вот, завел меня этот блестящий идол в ловушку! – хмуро подумал испанец. – Если бы знать, кого он изображает и чего теперь ждать от дикарей, для которых эта безделушка явно что-то значит»

Фернан с любопытством осмотрел своих конвоиров. Десять человек. Лишь один из них ростом не уступал самому Гонсалесу, остальные заметно ниже. Ни у одного нет щита, а оружием служат все больше копья и луки. Судя по всему, это даже не воины, а просто охотники. И наткнулись они на испанцев, скорее всего, случайно. Эх, были бы они с Себастьяном развязаны и вооружены! Стоило бы рискнуть. Может, и удалось бы разметать противников. Все лучше, чем тащиться связанными, как скот на убой.

Один из индейцев внимательно посмотрел на Фернана. Выглядел он, на взгляд европейца, просто ужасно. Голова оказалась странно деформированной, со сплюснутым лбом, как будто по ней проехала груженная телега. Ритуальные шрамы покрывали щеки. К тому же он заметно косил, глядя как будто не вперед, а на свою же переносицу. Только косоглазие добавляло ему некоторую комичность. В остальном же этот немолодой уже мужчина казался весьма свирепым.

Фернан отвел глаза. Наружность индейца наводила на самые мрачные мысли. Какого милосердия можно ждать от человека, который выглядит так, как будто его даже из ада выгнали за страхолюдную внешность?

Себастьян шел, низко опустив голову, и терзал себя укорами.

«Ну вот! А еще ожидал, что Фернан окажется обузой! А сам? Уснул на посту словно какой-то новобранец! Мальчишка и то показал себя более хорошим часовым. Зарежут меня дикари... И поделом! Так еще и товарища подвел»

Затем Риос все же подал голос.

– Прости, Фернан. Жара и недосыпание меня совершенно вымотали. Впервые засыпаю, будучи в карауле.

– Не поддавайся отчаянию, – негромко ответил Гонсалес. – В любом случае, их было слишком много, чтобы мы могли надеяться отбиться. Да и куда бежать? Дикари у себя дома, а мы с тобой оказались на совершенно незнакомой территории. Они бы нас в любом случае нашли.

Себастьян, получив эту небольшую, но важную для него поддержку, немного приободрился. Как будто все еще оправдываясь, он произнес:

– Да уж. Помню, еще когда я жил на Кубе, то заметил, что индейцы ходят бесшумно, что твои тени. Целая сотня пройдет у тебя за спиной, а ты и знать не будешь.

Двигались они почти тем же курсом, который испанцы избрали для себя раньше. Но теперь отряд отклонился немного на север. Сориентировавшись по сторонам света, Себастьян сказал:

– Знаешь, Фернан, от тех дикарей, которые встретились нам на берегу, мы все же убежали. По крайней мере, нас сейчас ведут явно не туда, где мы отстали от нашей экспедиции.

– Жаль только, что не избежали встречи с этими индейцами. Может быть, здесь мы сможем рассчитывать на более дружелюбный прием?

– Я бы на это особо надеяться не стал, – скривился Себастьян. Голова у него до сих пор гудела от полученного удара, что настраивало на более пессимистичный лад.

– А что нас вообще может ждать в плену?

– Скорее всего, мы станем рабами.

Себастьян произнес это, не слишком веря в правдивость своих слов. Мысленно он попрощался с жизнью. Риос уже убедился, что разные племена индейцев заметно отличаются друг от друга языком, обычаями и уровнем развития. Попадались среди них как свирепые, так и кроткие. Похоже, что жители этих земель миролюбием не славились. И все же он не хотел раньше времени лишать своего товарища даже призрачных надежд.

Так они шли в течение нескольких часов. Испанцы устали. В отличие от них, местные жители двигались столь же легко и быстро, неумоимо шагая и обмениваясь только им понятными фразами.

– Чертовы индейцы не знают усталости. Кто знает, сколько им пришлось пройти, пока они не добрались до нашей стоянки. А теперь так же неумоимо они топают обратно, да еще и веселятся, – недовольно сказал Себастьян. – Видимо, пленение двух добрых христиан – это немалый повод для радости. А вот у меня скоро ноги отвалятся.

– Если бы на дикарей напялить кирасы, да еще и связать руки, то они бы тоже быстро выдохлись.

Около полудня индейцы сделали привал. Двое из них принялись собирать фрукты, растущие на ближайших деревьях. Пленников по очереди развязали и дали поесть. Накормили испанцев какими-то лепешками, пресноватыми, но зато свежими, да еще сорванными плодами. Мысли о побеге даже не посещали Фернана, когда его ненадолго освободили. Куда бежать? Кругом джунгли, Себастьян связан, да и все оружие оставалось у дикарей. А он уже убедился, что в этом лесу, даже будучи полностью вооруженным, можно погибнуть в любой момент. Присмотревшись к местным жителям, он убедился, что косоглазием страдает добрая половина этого маленького отряда. Странно, как будто их специально подбирали по этому признаку! После краткого отдыха отряд снова двинулся вперед.

Шли долго. Даже здесь, под густым пологом деревьев, солнечные лучи накаляли металл кирас. Постепенно стали сгущаться сумерки, а пейзаж тем временем начал меняться. Беспорядочные заросли джунглей сменились возделанными полями. Высокие тонкие стебли с длинными широкими листьями стояли ровными рядами. Стало ясно, что конец перехода близок. Индейцы совсем развеселились, обмениваясь какими-то фразами и смеясь.

Вскоре стемнело, а поля уступили место домам. Через несколько минут они остановились перед довольно большим зданием, возле которого горел костер и сидело с десятком вооруженных копьями и палицами воинов. Здесь пришедшие сдали пленников, которых провели внутрь. Там испанцев наконец-то развязали и даже дали по миске вареной фасоли. Фернан и Себастьян были так измучены событиями этого дня, что тут же расположились на полу и приступили к ужину. Индейцы же остались охранять снаружи.

Немного насытившись, Себастьян спросил:

– Интересно, куда же нас привели?

– Судя по всему, в этих землях довольно много городов, вот в один из них мы и попали.

– Это я и сам бы мог сказать, – рассмеялся Риос.

– Ну а какого еще ответа ты от меня ждал? – хмуро буркнул Фернан, после чего добавил. – Мне самому интересно, что нас дальше ожидает.

– Время позднее, так что сегодня нас уже вряд ли поведут куда-то еще. А вот завтра, скорее всего, предстанем мы перед каким-нибудь местным касиком, – Себастьян, не зная местного языка, употребил слово, которым индейцы называли своих вождей на Кубе. – А уж от него будет зависеть наша дальнейшая судьба.

После этого они, предоставленные сами себе, решили лечь спать. Но сон не шел к взбудораженным пленникам. Они ворочались с боку на бок, временами обменивались двумя-тремя фразами, затем снова пытались уснуть, понимая, что завтра им в любом случае потребуются силы. Фернан хмурился в темноте, ломая голову над тем, что ждет их в будущем. Предположения были самые разнообразные. Хотелось верить, что все закончится удачно. Может быть, им дадут возможность проявить себя в бою? После чего, преисполнившись уважением, переведут в статус почетных гостей. Гонсалес не сомневался, что он стоит десятка местных солдат. Хотя, Себастьян, с высоты своего жизненного опыта, предрек им участь рабов. Наверное, ему виднее. Вот так насмешка судьбы! Он, благородный кабальеро, окажется в услужении у какого-нибудь туземного вождя, существа дикаря без каких-либо знаний или воспитания. Завтра нужно начать планировать побег!

Утром их подняли рано. Выйдя из дома, они увидели, что солнце только-только вынырнуло из-за горизонта. Испанцы чувствовали себя отвратительно – сонные, измученные, совсем не отдохнувшие. У Себастьяна на виске, в том месте, куда попал удар дубинки, красовался большой кровоподтек. Он приложил ладонь к этому синяку, оглянулся на стоящего рядом индейца и раздраженно буркнул:

– Каналья!

Тот бросил на Себастьяна непонимающий взгляд, а испанец продолжил:

– Если уж проклятым дикарям надо нас прикончить, то могли бы дать хотя бы выспаться!

– Скоро мы, того и гляди, отоспимся мертвым сном, – хмуро заметил Фернан. К этому времени тревога совсем его извела. – Скажи спасибо, что у нас хотя бы руки не связаны.

В сопровождении нескольких воинов их повели по улице. Здесь было весьма многолюдно – почти из каждого дома выныривали индейцы и спешили в том же направлении, куда вели конкистадоров. Хотя местные жители и торопились, но все же они часто оглядывались на испанцев, указывали на них пальцами, обменивались фразами. Маленькие дети, не привыкшие сдерживать свое любопытство, подбегали к пленникам, хватались за штаны и за отвороты высоких сапог. Особенный интерес вызывали стальные кирасы, блестящие в лучах поднявшегося солнца. Не только дети, но и взрослые протягивали руки, стараясь дотронуться до них. Фернан и Себастьян не желали терпеть подобные фамильярности, а потому неустанно пресекали проявления назойливого любопытства. Воины, сопровождавшие испанцев, древками копий отгоняли наиболее настырных, прокладывая себе путь в шумной толпе.

– Интересно, дикари в честь нашего прихода так знатно принарядились? – сказал Фернан.

А посмотреть действительно было на что. Внешность индейцев майя для европейца была удивительной диковинкой. Испанцы не нашли в окружающей их толпе двух одинаковых нарядов. Одежда удивляла разнообразием. Некоторые мужчины носили лишь набедренные повязки, похожие на короткие юбки, щедро отделанные вышивками или ракушками. Другие же были одеты еще и в накидки, то ослепительно белые, то раскрашенные в яркие цвета, брошенные на плечи и завязанные узлом. Женщины носили платья, украшенные разноцветными пучками ниток и узорами. Или же пестрые блузы и длинные юбки. Плечи некоторых девушек покрывали длинные тканевые плащи с вплетенными перьями.

Волосы, как у мужчин, так и у женщин, поражали воображение причудливостью и разнообразием причесок. Длинные косы то свободно струились по плечам, то были подняты, сложно уложены и закреплены. Одна девушка щеголяла короткими, торчащими в разные стороны хвостами, напоминая сосновую шишку. Головы других венчали высокие короны из заплетенных кос. У многих прически вовсе не были видны, скрытые головными уборами. У некоторых это были куски разноцветной материи, напоминающие тюрбаны.

– Нет, ну ты только посмотри на этих дикарей! Похоже, мавры и здесь побывали! – не удержался от комментария Себастьян. – Такой знатной чалмы я ни у одного, даже самого ярого мусульманина раньше не видел!

Он указал на немолодого индейца, важно шагавшего в нескольких шагах от конкистадоров. Полоса ярко-красной ткани, во много слоев намотанная вокруг его головы, делала человека похожим на гигантский гриб. Прямо над глазами был укреплен налобник из кусочков нефрита, образующих некое подобие человеческого лица.

У многих головной убор состоял полностью из перьев, которые представляли собой настоящие короны. Красные, синие, зеленые, желтые плюмажи колыхались в такт шагам. В глазах у испанцев начало рябить от буйства ярких красок.

Но наиболее удивительными были лица индейцев. На смуглой коже отчетливо виднелись татуировки. У некоторых дикарей они представляли собой тонкие линии, тянущиеся по щекам или поперек лба, но у многих татуировки широкими полосами покрывали почти все лицо. Насколько позволяла одежда, груди, плечи и руки тоже зачастую пестрели сложными, причудливыми, часто переплетающимися узорами.

– Нет, ну ты только посмотри, Фернан, на эти рожи! Им, видать, показалось мало всей этой раскраски, густо покрывающей лица и тела. Черты в аду и то не такие страшные! Вот что это за кости торчат у них отовсюду, откуда только можно представить?

Фернан не ответил. Его глаза с не угасающим изумлением разглядывали волнуемое море людей. Практически у каждого, начиная от детей и заканчивая стариками и старухами, лица были украшены. В ушах поблескивали костяные, каменные, а то и сделанные из ракушек сережки. Носовые перегородки и брови у некоторых были пробиты костяными шпильками. И что самое удивительное – чуть ли не каждый второй страдал косоглазием.

Толпа между тем продолжала свое движение. Фернан уже не раз ловил себя на том, что в прямом смысле слова заглядывает дикарям в рот.

– Себастьян, что у этих язычников с зубами?

– Мало ли, что они здесь едят, – проворчал Себастьян. – Я уже ничему не удивляюсь.

В этот момент какая-то девушка, будто угадав интерес испанцев, пролила свет на терзавшую Фернана загадку. Она восседала на носилках, которые несли несколько могучих мужчин. Лоб ее был выбрит, что зрительно удлиняло лицо, пучок волос, собранный на макушке, торчал вверх, мочки ушей оттягивали массивные нефритовые кольца. Над плечами и головой торчал огромный веер из длинных пестрых перьев, прикрепленных к спине. Она что-то повелительно сказала слугам, сопроводив приказ жестом, и носилки подплыли ближе к испанцам, раздвигая толпу. Девушка с интересом уставилась на конкистадоров своими слегка косящими глазами, что-то изумленно воскликнула и залилась смехом. Ее зубы блистали самыми разными оттенками зелени.

– Проклятье! Да у нее нефритовый оскал!

Слова Себастьяна вывели Фернана из оцепенения. Ему еще ни разу не доводилось видеть таких украшений. Теперь он понял, что это была своеобразная инкрустация, причем очень популярная у дикарей. Внимательно присматриваясь к зубам индейцев, Фернан различал, что у кого-то они сверкают желтым, красным, зеленым цветом. Кроме того, кое у кого передние резцы имели непривычно заостренную форму. Улыбка в таком случае получалась жуткой, как у безумного людоеда.

Девушка, тем временем, потеряла интерес к чужеземцам, равнодушно отвернулась, отдала какую-то команду и носилки плавно поплыли вперед. Испанцы также продолжили свой путь. Фернан был так ошеломлен видом этой разношерстной и экзотической толпы, что потерял дар речи. Он только кивал, когда Себастьян указывал ему на очередного индейца, который привлекал внимание Риоса.

«Туземцы Кубы ничем особенным внешне не выделяются, – изумленно думал Гонсалес. – Ну да, они смуглее и мельче испанцев, как и дикари, которых мы видели на Острове Женщин. А здесь как будто никто не может смириться со своей внешностью и уродует ее кто во что горазд. Что ждет нас впереди?»

Вскоре улица стала шире, повернула и перед глазами пораженных конкистадоров предстали гигантские пирамиды. Европейцы встали как вкопанные. Затем, подгоняемые конвоирами, двинулись дальше.

Так они вышли на огромную площадь. Пирамид оказалось пять. Две справа, две слева и одна, самая высокая, впереди. Фернан, не веря глазам, смотрел на возвышающуюся перед ним громадину. В глубине души он подозревал, что это всего лишь бред или мираж. Стоит зажмуриться, встряхнуть головой и наваждение исчезнет, растает в воздухе. Но нет. Ступенчатая пирамида, которую солнечные лучи красили в ярко-желтый цвет, гордо возвышалась вдалеке. Люди у ее основания казались пигмеями.

Зачарованные испанцы шли вперед, не в силах отвести взгляд от грандиозного монумента. С каждым шагом пирамида, казалось, вырастала еще больше, грозя задеть облака. На вершине ее находилась обширная площадка, на которой располагалось раскрашенное красной и желтой краской прямоугольное здание. От самой земли и до верхней площадки тянулась широкая каменная лестница, вырубленная прямо в теле пирамиды.

Конкистадоры, изумленные и подавленные мощью постройки, молчали, не находя слов, чтобы выразить свое удивление. Себастьян первым пришел в себя и осмотрелся по сторонам. Остальные пирамиды уступали размерами той, перед которой они стояли, но все равно шокировали размерами. У каждой на вершине была обширная ровная площадка, на которой стояло прямоугольное здание, расписанное яркими красками. Сложные мелкие узоры издали напомнили Риосу изящную вязь мусульманской живописи.

– Как этим дикарям удалось построить столь монументальные здания?

Зачарованный голос Фернана оторвал Себастьяна от созерцания. Он еще раз оглядел площадь. Помимо пирамид вокруг виднелись и другие замечательные постройки. Величественные дворцы, стоящие на массивных платформах, невысокие, но протяженные, с многочисленными дверными проемами, стены которых украшали раскрашенные барельефы. Башни, начиная от совсем небольших, размеров в два-три человеческих роста, заканчивая такими, которые поднимались почти до середины пирамид. Назначение их было пока непонятным для Себастьяна. Он никак не ожидал обнаружить посреди джунглей город, выстроенный большей частью из камня, да еще и с таким архитектурным ансамблем.

– Никогда больше не буду называть местных жителей дикарями, – ответил Риос.

– Какова высота центральной пирамиды?

– Думаю, она раз в двадцать выше человека, – навскидку сказал Себастьян.

Конкистадоры изумленно переглянулись.

– За свою жизнь я побывал в самых разных странах, повидал Европу, Африку и Азию, – продолжил Себастьян. – Но мне бы и в голову не пришло, что здесь, в дебрях джунглей, я увижу такое чудо. Мало какая столица в Европе может похвастаться подобными монументами. Как же велик правящий здесь король!

Постепенно над площадью стал нарастать гул барабанов. Испанцы не могли понять, откуда он идет. Им казалось, что звучит чуть ли не каждая постройка. Этот рокот незаметно вклинивался в общую звуковую картину праздника. Сначала он лишь поддерживал голоса людей, затем медленно стал теснить их, перекрывая и подавляя. Удивительно слитный шум, плывущий сразу отовсюду, накрыл собой все пространство. Звуки песен, крики, смех, возгласы постепенно смолкли. Грохочущий рев пронизывал собой воздух, заставляя все быстрее биться сердце. Выдерживать это было непросто. Фернану казалось, что все его тело трясется в болезненных конвульсиях, подчиненное такту всевластных барабанов. Сводило судорогой челюсти, немели плечи, сквозь крепко стиснутые зубы невозможно было выдавить ни слова, да и кто бы услышал его в такой плотной пелене звука?

Индейцы вокруг стояли, покачиваясь в такт с музыкой. Рядом был Себастьян. Он болезненно морщился – видать, тоже с трудом переносил эту безумную какофонию. Фернану каза-

лось, что даже сердце его больше не бьется в привычном ритме. Оно будто судорожно сжималось и разжималось, следуя велению барабанов. Звук мучительно резал слух, дрожащий воздух давил на тело, как будто пытаешься расплющить человека. С одной стороны хотелось, чтобы этот грохот прекратился, но в то же время Фернан боялся, что сердце, подчинившееся заданному ритму, остановится в тот же момент, как только тот умолкнет. Он положил руку на грудь, но стальная пластина кирасы не позволяла ощутить биение сердца.

В этот момент слитный рев барабанов стали прорезать резкие взвизги флейт. Они нарушали эту могучую пульсирующую гармонию, меняли ее ритм и рисунок. В эти моменты казалось, что раскаленные иглы вонзаются в уши, проникают до самого мозга. Эти новые, внезапно вклинившиеся звуки вызвали жуткое беспокойство. Хотелось кричать, бежать, спастись от этой звуковой волны, пока оставались еще силы. Испанцы ощущали, что еще немного, и они попросту повалятся с ног, не в силах это больше переносить.

И вот в одну секунду барабаны и флейты умолкли. Фернан резко дернулся, как будто пробуждаясь от кошмарного сна. Он ловил ртом воздух, как рыба, вытщенная из воды. Ноги подкашивались, по вискам стекали струйки пота. Жуткая, безграничная, ничем не нарушаемая тишина навалилась на него, подобно гранитной плите. Мелькнула мысль, что уши все-таки не выдержали и он внезапно оглох. Он не решался заговорить, да и не был уверен, что сумеет издать хотя бы звук. Фернан, приходя в себя от жуткого наваждения, оглянулся по сторонам.

Себастьян был по-прежнему рядом, он дышал прерывисто, плечи сотрясались от судорог, и точно так же он держался за левую сторону груди, даже не осознавая того, что сквозь кирасу невозможно почувствовать биение сердца. Глаза его казались совершенно остекленевшими. Индейцы вокруг тоже замерли неподвижно, не решаясь ничем нарушить того оцепенения, которое сковало всех на площади. Глаза у некоторых были закрыты и они еле заметно покачивались из стороны в сторону. Другие застывшими взорами смотрели в одну точку.

В этот миг над застывшей толпой раздался могучий голос человека, стоящего на высоком помосте. Он бросил буквально две фразы. Конкистадоры, разумеется, не поняли ни слова, но само по себе звучание речи после этого бескрайнего безмолвия как будто разбивало оковы того великого транса, который сковал всех вокруг. Это короткое воззвание могло повергнуть в экстаз. Именно это и произошло. Индейцы как будто одновременно очнулись. Они разразились воплями, смехом, рыданиями. Некоторые падали на колени, склоняя голову вниз и касаясь лицом земли. Другие же воздевали руки вверх, наперебой крича, стараясь заглушить соседей.

Себастьян, понимая, что в этом безумии слова его все равно не будут услышаны, протянул правую руку и крепко стиснул плечо Фернана. Оба испанца вымученно улыбнулись. Испытание звуком далось им нелегко.

«Интересно, какие еще сюрпризы запланированы на сегодня?» – тревожно подумал Фернан. Пережитого ему было достаточно для пресыщения. Хотелось лечь и отдохнуть, а ведь день еще только начинался. И кто бы мог сказать, чем он для них закончится?

Толпа, до того загипнотизированная грохотом, теперь в едином порыве устремилась вперед. Конкистадоры оказались подхвачены этим потоком и еще ближе подошли к подножию самой высокой пирамиды. Подобно всем остальным, она имела квадратное основание и ступенчатую форму. Высота каждой из ступеней превышала человеческий рост, и они явно не подходили для того, чтобы по ним взойти наверх. Эту функцию удачно выполняла каменная лестница, расположенная на лицевой стороне. Окаймленная по бокам низкими бортами, она тянулась до самой верхней площадки, которая возвышалась над землей метров на тридцать.

Наверху стояло несколько индейцев, чьи тела были раскрашены синей или красной краской, а также щедро украшены перьями. Один из них носил на голове маску, которая, повторяя человеческие черты, в то же время гротескно их искажала. Рот оказался непомерно велик и из него торчали блестящие клыки, крючковатый нос нависал над верхней губой, прорези для

глаз были украшены нефритом. Выше этого чудовищного лика находилась оскаленная морда ягуара, над которой возвышался плюмаж из разноцветных перьев.

Но эта группа стояла пока неподвижно, а основное действие разворачивалось внизу. У подножия пирамиды находилась группа музыкантов. Индейцы били в барабаны и играли на флейтах. В этом оркестре насчитывалось с десяток человек. Он явно не мог быть источником того грозного шума, который накрыл площадь пару минут назад. Под его музыкальное сопровождение около дюжины индейцев исполняло какой-то сложный непонятный танец. Вся их одежда сводилась лишь к набедренным повязкам, зато каждый был щедро украшен перьями, татуировками, а также серьгами и ожерельями из ракушек. Они метались из стороны в сторону, скакали, потрясали копьями, гонялись друг за другом, размахивали руками и ногами. С точки зрения испанцев они являлись, несомненно, сумасшедшими, поскольку ни один нормальный человек так вести себя не будет.

Через некоторое время с вершины пирамиды раздался мощный грохот огромного барабана, и музыка оборвалась к немалому облегчению конкистадоров. Бесноватые танцоры одновременно прекратили свой танец и влились в толпу, которая до этого момента жадно наблюдала за их представлением. Теперь все взгляды были устремлены наверх.

С самого утра событий произошло уже столько, что внимание пленников поневоле стало рассеиваться. Они пресытились впечатлениями, в ушах как будто непрерывно гудело от назойливого шума, глаза устали от мельтешения ярких красок, к тому же дожимала жара. Индейцы были по-прежнему очень возбуждены, испанцы же заметно устали и мечтали лишь об отдыхе. Но теперь конкистадоры встрепенулись и с вновь проявившимся интересом уставились на новую сценку, которая сейчас начала разворачиваться на возвышении.

Фернан обладал острым зрением и потому в подробностях мог рассмотреть то, что происходило на площадке. К самому ее краю подошел человек в ожерелье из крупных нефритовых пластин и, подняв руки перед собой, начал речь. Глубокий зычный голос его плыл над огромной площадью беспрепятственно. Толпа замерла, лишь в определенные моменты хором отзываясь на его слова. Широко раскинутые в стороны ладони оратора то летели вверх, стремясь к солнцу, то направлялись на стоящих у подножия пирамиды людей.

– Я, конечно же, ничего не понимаю, – заметил Фернан. – Но должен признать, что звучит весьма торжественно. Могучий голос у этого глашатая, таким бы с амвона вещать.

– Шутишь, что ли? – фыркнул Себастьян. – Кто бы, интересно знать, додумался пустить такого диковинно одетого язычника в христианский храм, а уж тем более к амвону. Однако же, нельзя не заметить – праздники у этих нехристей весьма шумные и красочные. Интересно, что будет дальше?

Среди пестро раскрашенных мужчин, которых на площадке стояло около десятка, появилась девушка. Украшений, в привычном для испанца понимании, на ней почти и не было. Лишь на запястьях блестели золотые браслеты. Примерно так же обстояло дело и с одеждой. Довольно узкая полоса ярко-красной ткани охватывала бедра. Вот и все. В противовес этому скупому одеянию, наряд дополнялся роскошными плюмажами. Высокая корона из красных и зеленых перьев возвышалась над девушкой почти на половину ее роста. Часть этого вороха ниспадала назад, ложась на спину и топорщась вокруг плеч. Пышные пучки перьев поменьше были прикреплены к ее локтями и коленям. Девушка походила на диковинную птицу – нарядную и кричаще красивую.

Подобное убранство, разумеется, никак не могло скрыть ее стройную фигуру. С такой дистанции было сложно рассмотреть в подробностях черты лица. Зато эта неполная картина давала широчайший простор для воображения. Фернан уже убедился, что среди местных девушек попадаются иногда весьма миловидные. Дополняя недостающие детали ее внешности за счет своей фантазии, он скользил глазами по полуобнаженному телу. Похоже, что людей, не раскрашенных самыми причудливыми цветами, на пирамиду не допускали. Вот и ее

кожа сияла небесной синевой. Небольшая высокая грудь, точеная талия, стройные ноги были покрыты равномерным слоем очень яркой синей краски. Она глянцевиито сияла в лучах солнца, слепя глаза. Зрелище завораживало.

Фернан восхищенно покачал головой. Воображение молниеносно унесло его очень далеко. Мысленно испанец уже видел себя рядом с этой красавицей. Он убедился, что принятые у дикарей стандарты красоты кардинально отличаются от тех, к которым он привык. Не говоря уж о местной моде на одежду. Но все же Гонсалес ценил себя высоко и полагал, что нет такой девушки, на которую он не сумел бы произвести самого благоприятного впечатления.

– Хороша куколка! – пробормотал Себастьян. – А, Фернан?

Тот в ответ лишь рассмеялся. Внезапно мысли его потекли по совершенно другому руслу. Они с Себастьяном попали в плен, надежды на помощь соотечественников неразлично малы, в данный момент вокруг многотысячная толпа дикарей, от которых не знаешь чего и ожидать. Он же, вместо того, чтобы лихорадочно искать выход из сложившейся ситуации, стоит и глазеет на молодую красавицу, теша себя мыслями о том, как бы ее очаровать. Похоже, разум Фернана просто-напросто щадил своего хозяина, временно вычеркнув из памяти всю сложность их положения, взамен давая возможность наслаждаться женской красотой.

Девушка спокойно стояла, гордо вскинув голову, то обозревая толпу, собравшуюся внизу, то бросая иногда взгляды на других людей, находившихся на площадке. Глядя на ее величавую осанку и надменную неторопливость движений, конкистадоры пришли к выводу, что она, по-видимому, является какой-то местной принцессой.

Речь оратора тем временем подошла к концу. Он опустил руки, обернулся, сделал два шага в сторону и отдал какую-то команду. На самом краю площадки стояло каменное возвышение, покрашенное снежно-белой краской и достигавшее половины человеческого роста. Повелительным жестом недавний оратор указал на этот постамент. Девушка неторопливо, но уверенно подошла, поддерживаемая мужчинами за локти и легла на камень, запрокинув руки за голову. Фернан замер. Любопытство буквально съедало его изнутри. Он не мог даже представить, что же произойдет дальше и не сводил с красавицы заинтересованного взгляда.

Возвышение это имело широкое основание и несколько сужалось кверху. Мужчины продолжили некую, хорошо знакомую им и заученную наизусть церемонию. Их было четверо и каждый, крепко ухватившись за руку или ногу, налег на нее весом, опуская конечность вниз. Девушка выгнулась дугой. Гибкое тело как будто обняло спиной, руками и ногами каменную пирамиду. Остроконечные груди смотрели в небо. Все действие происходило спокойно, она не сопротивлялась и не выказывала ни малейших признаков страха или неуверенности.

– Что это, черт возьми, за ритуал?! – выпалил Фернан, бросив на товарища тревожный взгляд, после чего опять прикипел глазами к происходящему на площадке. – Себастьян, ты хоть что-нибудь понимаешь?

Тот не ответил, так же удивленно и внимательно глядя на это необъяснимое действие. А события тем временем продолжали развиваться. Оратор в нефритовом ожерелье стоял, повернувшись лицом к толпе, наблюдающей за обрядом снизу. Девушка лежала как раз перед ним. Он торжественным голосом произнес короткую речь, вновь простирая руки к небу. На этот раз в правой у него был зажат нож из черного камня. Сцепив ладони над головой, он с силой всадил клинок в грудь девушке.

Фернан подскочил от неожиданности. Его левая рука помимо воли вцепилась в локоть Себастьяну. Пальцы изо всех сил сжались, сминая мышцы и кожу. Это наверняка было очень болезненным, но Себастьян не обратил внимания. Боль в этот момент не смогла бы достучаться до разума, скованного крайним изумлением. Испанцы видели, как оратор резким мощным движением дернул нож в сторону, разрезая девушке живот, потроша ее, как рыбу перед приготовлением. Его помощники продолжали держать ее за руки и ноги, не давая возможности дернуться и помешать проведению ритуала. Буквально через секунду человек в ожерелье погрузил

руку во вскрытую грудь. Спустя еще несколько мгновений он поднял высоко над головой кровотокающий кусок плоти. Струйка крови потекла по запястью, оттуда по локтю, затем сорвалась вниз. Толпа отозвалась громким ревом, в котором явно чувствовалось ликование и радость.

– Боже мой! Святая Дева! Фернан, да он же вырезал ей сердце!

Крик Себастьяна вырвал Фернана из ступора. Он отпрянул на шаг назад, будучи не в силах оторвать взгляд от этого страшного зрелища. До сознания Риоса добралась, наконец-то, боль и он резко дернулся в сторону, вырывая руку из цепких пальцев Гонсалеса. Он ошеломленно ухватился за помятый локоть, растирая его и трясая головой, как будто пытаясь прогнать морок. Глаза слезились. Со всех сторон нарастал торжествующий рев толпы. Люди поднимали ладони вверх или простирали их в сторону площадки, на которой происходило действие.

В голове Фернана полыхнуло воспоминание. Когда-то он, еще будучи подростком, вознамерился узнать, сколь же глубоко он сможет нырнуть. Тогда он прыгнул с обрыва в море и ушел под воду, стремясь достать до дна, до которого было неизмеримо далеко. Впечатления, испытанные тогда, он запомнил на всю жизнь. Темнота, холод, удушье, ужасное давление на уши, покалывающее кожу чувство опасности...

Нечто подобное, только куда сильнее, он ощущал и сейчас. Фернан как будто молниеносно погрузился в неизмеримую глубину. Он задыхался, будучи не в силах сделать вдох, тело как будто сводило судороги, уши разрывались из-за жутких криков, раздававшихся вокруг. Но самым ужасным оказалось непонимание происходящего. Здесь, на этой глубине, не было людей, кроме него самого и Себастьяна. Лишь отвратительные, торжествующие твари, радующиеся непонятно чему.

Впрочем, шок быстро развеялся. Руки инстинктивно рванулись к поясу. Тщетно – оружия не было! Чем отбиваться от тех кошмарных существ, которые их окружают?!

Фернан, не раздумывая, бросился вперед. В этом он не особенно преуспел. Себастьян преградил ему путь и схватил приятеля в охапку. Они замерли, обнявшись. Фернан изо всех сил пытался сделать хотя бы шаг вперед, в сторону лестницы, ведущей на пирамиду. Но Себастьян как будто врос ногами в землю.

– Фернан, чтоб у меня глаза лопнули! Куда ты собрался?!

– Девушка! Ее нужно спасти!

– Ты в своем уме? Ей вырезали сердце, она уже мертва! Ты ничего не сможешь сделать.

Они слышали друг друга лишь благодаря тому, что стояли вплотную и кричали буквально в ухо собеседнику. К счастью для них, индейцы вокруг были слишком увлечены зрелищем, чтобы обратить внимание на странное поведение пленников.

– Фернан, нам нельзя вмешиваться! Мы и близко не понимаем, что сейчас произошло. Но судя по реакции окружающих, все течет по заранее задуманному сюжету. Нельзя показывать дикарям свою слабость, пускай даже в виде удивления!

После всего увиденного, слово «дикари» опять с легкостью вернулось в речь Себастьяна Риоса для определения местных жителей. Молодой Гонсалес, до сих пор не особенно соображая, что он делает, из всех сил пытался вырваться и взбежать на пирамиду. Но его друг обладал немалой силой и всячески препятствовал этому порыву. Именно поэтому Себастьян, повернувшись лицом к Фернану, и не видел того, как на площадке дальше развивались события.

Гонсалес же все это увидел в подробностях. Сердце передали другому человеку, над которым возвышался пышный плюмаж, подобный павлиньему хвосту. Передача сердца была произведена с гротескной, издевательски-пародирующей, с точки зрения испанца, торжественностью. После чего обладатель плюмажа с важностью убрался вглубь площадки, скрываясь с глаз тех, кто стоял у подножия пирамиды. А к безжизненному телу подошел еще один человек. Обнаженный по пояс, в богато расшитой юбке и с золотым ожерельем на шее. Выше сияющего ожерелья скалилась уродливая кроваво-красная маска, скрывавшая лицо. У нее была огромная пасть, из которой выдавался вперед длинный язык, и острые клыки.

В руках человек держал топор с каменным лезвием. Он легко, как будто играючи, вскинул его вверх и одним размашистым движением отрубил голову лежащей на каменном постаменте девушке. Корона из перьев, украшавшая убитую, свалилась. Ее подхватило ветром и унесло вбок. А голову подняли за длинные волосы и выставили на всеобщее обозрение. Ее высоко держал в руке тот самый оратор с массивным нефритовым ожерельем. Это вызвало еще одну бурную вспышку радости у зрителей.

Небрежным движением он швырнул голову вниз и она, набирая скорость, кувыряясь и подпрыгивая, покатила по лестнице. Вслед за этим и само тело сбросили туда же. Фернан обмяк. Ноги подкосились и он уже не пытался вырваться из могучих объятий друга. Наоборот, Гонсалес был благодарен, поскольку без поддержки сейчас, наверное, упал бы. Теперь уже не нужно бежать наверх, поближе к девушке. Зачем? Она сама скоро окажется рядом.

Фернан смотрел на то, как обезглавленное тело, заливая ступени кровью, неуклюже катится вниз. Он не мог поверить в то, что эта безвольная груда мяса, при падении вяло разбрасывающая в стороны руки и ноги, еще минуту назад была стройной молодой девушкой. Тело скатилось по ступеням и грузно грохнулось на землю. К нему тут же устремилось несколько дикарей. Жадно подхватили и потащили куда-то в сторону. Фернану не хотелось даже думать о том, куда и с какой целью понесли казненную. Желудок затрепыхался в болезненных спазмах, он ослабевшими руками схватился за плечи Себастьяна, опустив голову, чтобы ничего больше не видеть.

Фернан очнулся от того, что один из воинов, стоявших вокруг двух пленников, коснулся его плеча. Гонсалес с трудом удержался от того, чтобы не ударить индейца в ответ. После всего увиденного сегодня, он в любом прикосновении склонен был рассматривать враждебность. Воин стоял расслабленно, копье его покоилось на плече, поддерживаемое правой рукой, а левой он указывал испанцам нужное направление. Они, опустошенные увиденным зрелищем, покорно и безучастно поплелись вперед. Эскорт из нескольких солдат двинулся следом.

С каждым пройденным шагом оцепенение рассеивалось и конкистадоры постепенно приходили в себя. Фернан и Себастьян внимательно осматривались по сторонам, пытаясь понять, куда их ведут на этот раз.

– Черт! Я бы сейчас что угодно отдал за хороший толедский меч! – выругался Гонсалес.

– Что угодно?! – невесело рассмеялся Себастьян. – А что у тебя осталось, кроме кирасы?

Буквально через несколько минут пленников привели в небольшой дом. Разложенные вдоль стен одеяла и плетеные циновки на полу показывали, что это жилое помещение. Двое слуг принесли им еду. Но испанцы, слишком шокированные всем происходящим, не смогли заставить себя съесть ни кусочка. Вскоре индейцы вышли, оставив тарелки с пищей, и дверной проем тут же закрыли решеткой из толстых кольев. Себастьян выглянул наружу.

– Так... Вокруг этой хибары больше десяти солдат. И все неплохо вооружены. Похоже, нам отсюда не выбраться.

Фернан сел на циновку, облокотившись об стену, и задумчиво спросил:

– Ты что-нибудь понял из сегодняшнего зрелища? Это к нашему появлению приурочили гибель девушки?

– Шутишь, что ли? – фыркнул Себастьян. – Ты же не думаешь, что ее специально зарезали, чтобы произвести на нас впечатление?

– Так за что ее убили?

– Это понять, в общем-то, можно. Скорее всего, она была преступницей или же пленницей из какого-нибудь другого местного княжества.

– Тогда почему так спокойно себя вела? Неужели не понимала, что с ней сейчас сделают?

– Кто знает, – устало пожал плечами Себастьян. – Иногда люди перед лицом неминуемой гибели ведут себя очень мужественно. Может быть, она не хотела показывать свой страх перед врагами.

Так и прошло время до самого вечера. Про испанцев как будто забыли. За окном стемнело и лишь отсветы близкого костра показывали, что возле их дома дежурит стража. Фернан и Себастьян сполна испытали, что такое пытка неизвестностью. После всего, что он сегодня видел, Гонсалес уже больше не строил радужных планов скорого освобождения. Будущее рисовалось ему в мрачных красках.

5. Первые дни в плену

На следующий день пленников вывели из дома рано утром и повели во дворец. После гигантской пирамиды он уже не производил особого впечатления, хотя выглядел внушительно. Массивные каменные стены, раскрашенные барельефы, высокий потолок. По широкой лестнице испанцы дошли до входа в большой зал.

Внутри находилась группа индейцев. Конкистадоры уже немного привыкли к тому, что все вокруг украшено перьями и ракушками, но эта компания заметно выделялась на общем фоне. Наибольшее внимание привлекал человек, стоявший в центре. Высокий рост, горделивая осанка и надменный вид выдавали в нем местного вождя. О том же свидетельствовали и богатые украшения. На груди покоилось массивное ожерелье – кусочки нефрита и золота образовывали сложный узор. Запястья охватывали массивные браслеты с диковинным орнаментом. На плечи был наброшен яркий многоцветный плащ. Голову украшала высокая корона из красных и зеленых перьев. Мочки ушей оттягивали вниз золотые диски с тисненым изображением кошмарного искаженного лица – то ли человеческого, то ли звериного. Темные глаза смотрели властно.

– Ну вот, как я и предрекал, нас привели к местному касику, – заметил Себастьян. – Тебе не кажется, что именно этот дикарь так ловко орудовал каменным ножом там, на вершине пирамиды?

– Да разве их различишь? – с досадой буркнул Фернан. – Эти нехристи все в перьях, что твои фазаны, да и разукрашены не хуже, чем шуты на ярмарочном балагане.

До этого момента индейцы хранили молчание. Теперь же вождь жестом руки подозвал к себе одного из приближенных и дал какие-то распоряжения. Фернан почувствовал что, несмотря на жаркий день, по затылку пробежал легкий озноб – кто знает, что за команду только что получил этот местный вельможа? Они с Себастьяном тревожно переглянулись.

Индеец сделал два шага по направлению к пленникам и начал речь. Он уверенно и убедительно что-то говорил, сопровождая свои слова жестами, то указывая руками на касика, то простирая ладони к небу. Эта речь ввела испанцев в еще большее замешательство. Фернан с досадой прикусил губу, с тревогой поглядывая на своего спутника.

– Я проплавал больше десяти лет, посетил столько стран, что и не перечислить, научился находить общий язык не только с истинными христианами, но и с самыми что ни на есть язычниками, – вполголоса проговорил Себастьян. – Но такого варварского наречия слышать не доводилось. Даже самые отъявленные чернокожие дикари не завывают так отвратительно, как этот напыщенный дуралей.

Он, как и Фернан, заметно нервничал, не ожидая для себя ничего хорошего, а потому был резок в суждениях.

Индеец, услышав разговор испанцев, тут же умолк и выжидающе уставился на них.

– Кажется, дикарь решил, что ты ему отвечаешь, – заметил Фернан.

Безуспешные переговоры тем временем продолжились. Индейский вельможа еще несколько раз обращался к испанцам, пытаясь им что-то медленно, чуть ли не по слогам, втолковать, и активно жестикулируя. Затем обернулся к своему вождю, обронил несколько фраз и выслушал еще какие-то приказы. Конкистадоры также обменялись несколькими замечаниями между собой. Затем Фернан демонстративно пожал плечами, подчеркивая, что они не могут понять, чего от них хотят.

Тот же сановник, который пытался найти с ними общий язык, ничем не проявляя досады, коротко что-то приказал одному из своих приближенных, сопроводив слова властным жестом. Тот двинулся к выходу из помещения, поманив испанцев за собой. Караул из десятка воинов двинулся вслед за ними. Фернан внимательно оглядывался по сторонам, желая понять, куда

их ведут. Пару раз он задумчивым взглядом засматривался на копья окружавших его солдат. Себастьян сразу догадался, о чем думает его молодой товарищ.

– Фернан, не спеши начинать войну. Не нужно выхватывать оружие у наших конвоиров.

– А когда, по-твоему, следует ее начать? – недовольно спросил Фернан. – Когда меня положат на алтарь и начнут вырезать сердце? Тогда уже поздно будет.

– Повремени. Может быть, для нас все еще не так и плохо обернется.

Гордого Гонсалеса изрядно выводило из себя, что к нему – испанскому кабальеро и отважному воину – относятся как к рабу. Приказывают то идти, то стоять, то снова идти. И все это совершенно не интересуясь его мнением. Но больше всего донимала неизвестность. Фернан понимал, что жизни их здесь ничего не стоят. Что мешает индейцам казнить пленников?

Шли они недолго. Выйдя на улицу и пройдя по краю пустыющей сейчас площади, испанцы попали в другой дворец. Он казался ничуть не меньше первого. Стоящий на невысокой платформе, богато украшенный снаружи, сияющий свежей зеленой и желтой краской на гладких стенах.

Конкистадоров повели внутрь. Одни помещения сменялись другими, в коридорах и галереях тускло горели светильники. Больше всего Фернана удивляло то, что ни в одной стене он не видел хотя бы маленького окна. Все это напоминало лабиринт. Гонсалес тревожно озирался по сторонам, пытаясь запомнить дорогу. Ему казалось, что они уже блуждали гораздо дольше, чем могли идти в пределах здания. Может быть, дворец является всего лишь входом в какую-нибудь систему катакомб?

В итоге они вошли в большую комнату. Первое, что испанцы увидели, были все их вещи. Особенно конкистадоров волновало оружие. Мечи, кинжалы, ножи и шлемы лежали на столе. Рядом располагались фляга, свернутые плащи, арбалет, щит Фернана и сумка Себастьяна. А также маленький золотой идол, выигранный когда-то в карты в далекой Севилье. Фигурка блесла в сполохах факелов, пуча глаза и скаля крупные зубы.

Гонсалес тут же кинулся к своему мечу, нетерпеливо выдернул клинок из ножен и замер. Риос бросил на приятеля обеспокоенный взгляд – кто знает, не примется ли тот сейчас рубить головы направо и налево? Фернан застыл, почти не дыша, любясь бликами, играющими на полированной поверхности оружия. Ощущая в руке приятную тяжесть, он лишь в эту секунду стал вновь обретать уверенность в себе.

– Начинаешь чувствовать себя свободным не в тот момент, когда тебе развязали руки, а лишь тогда, когда в этих руках снова оказывается меч, – пробормотал он.

Себастьян не ответил. Его возвращение всех вещей скорее изумило, чем порадовало.

– Впервые вижу, чтобы пленникам отдавали оружие, – задумчиво ответил он. – Кто знает, что эти дикари нам готовят.

Фернан не слушал его. Он суетился, развешивая клинки на привычные места: меч на левое бедро, кинжал на правое, нож за голенище сапога. Щит он поднял, критически осмотрел со всех сторон, убедился, что с ним все в порядке, недоверчиво покачал головой и снова положил на стол. Выпрямившись, Гонсалес положил ладони на рукояти, рассмеялся и огляделся по сторонам. Вид у него был весьма довольный. Себастьян также забрал свое оружие, внимательно осмотрел содержимое сумки.

– Веревка, огниво, еще кое-какая мелочь. Даже кошель с монетами на месте. Черт разберет этих дикарей! Ничего не забрали!

– Может быть, они хотят отпустить нас за выкуп?

– Думаешь, губернатор только о том и печется, как бы выкупить из плена двух авантюристов? – фыркнул Себастьян. – Да откуда индейцы вообще могут знать о том, кто мы, откуда прибыли и...

Ему не хватало слов. Себастьян и сам не мог понять, чего ждать дальше. Лишь теперь испанцы огляделись по сторонам. Комната оказалась просторной. Пол устлала плетеные

тростниковые циновки, похрустывающие под ногами. Стены покрывала гладкая штукатурка, белая с легкой желтизной, как старая слоновая кость. В двух углах стояли раскрашенные глиняные курильницы, откуда разносился легкий приятный аромат. Две низкие широкие кровати, на каждой из которых высилась стопка тонких хлопковых покрывал. Возле стола стояло четыре невысоких деревянных скамейки. Небольшие вентиляционные окошки почти не давали света, служа лишь для циркуляции воздуха, зато с освещением справлялись многочисленные светильники. Дверной проем был занавешен вышитой тканью.

На одной из стен висел ковер, обойти который вниманием было невозможно. Добрых четырех шагов в длину и шириной не уступающий человеческому росту, он изображал нечто странное. Шесть человек стояло в очереди, сжимая в руках копья и мечи с обсидиановыми вставками. Выглядели они так, как и полагалось местным жителям: медно-красная кожа, деформированные головы, пышные головные уборы. Все, кроме одного, который оказался угольно-черным. Навстречу им из клубов разноцветного дыма выступало чудовище, с телом человека, но головой крокодила. Оно нависало над людьми, хмурая черные брови и скаля белые зубы, выставив перед собой когтистые лапы, в которых тварь сжимала чью-то откушенную ногу.

Испанцы рассматривали картину, пытаясь разобраться в ее смысле.

– Они воевать с этой дрянью собрались или же поклониться ей пришли? – прошептал Фернан.

– Вряд ли поклониться, – ответил Себастьян. – Слишком уж страшная. К тому же, она явно ест людей. Думаю, местный мастер изобразил сцену борьбы героев с каким-то чудовищем. Меня пока больше интересует, почему один из воинов черный. Неужели здесь тоже живут негры?

– Это, скорее всего, краска. Вспомни, дикари охотно себя раскрашивают. Меня же интересует вот что – тварь, с которой они собираются биться. Она выдуманная или же на такую в самом деле можно нарваться в местных джунглях?

Вопрос был важным. Существо на картинке казалось раз в три больше человека, а крокодиля челюсть и некое подобие хвоста наталкивали на мысль о драконах. Поневоле Гонсалес подумал, что им в какой-то мере повезло, что на них наткнулись индейцы, а не подобный людоед. Но если они рано или поздно вырвутся из города, то как сражаться с таким чудовищем?

– Фернан, а ведь это мозаика, сделанная из перьев.

Гонсалес присмотрелся. Действительно, все огромное четырехметровое полотно было полностью укрыто слоем мелких перьев. Красноватые лица индейцев, черные лезвия обсидиана, зеленая морда крокодила, синие, желтые, оранжевые, белые узоры – все это были миниатюрные перья. Порой меньше половины ногтя, кое-где вплетенные, кое-где приклеенные к полотняной основе, они складывались в огромную и красочную картину, блестя в свете факелов.

– Это просто непостижимо! – с восхищением произнес Себастьян. – А я тайком удивлялся сноровке их мастеров, которые делают плюмажи для головных уборов. Куда там! Вот где настоящий талант!

Фернан оторвался от висящего на стене ковра, подошел к столу и поднял свою золотую статуэтку. Застывшее в металле существо выглядело привычно свирепым, но теперь казалось еще и весьма довольным. Как будто радовалось, что сумело вернуться на родину, да еще и чужеземцев с собой прихватить, предав их в руки индейцев. Гонсалес бросил его в кошель и стянул завязки.

– Нас привели не в клетку, а во дворец. Выделили самые роскошные покои, какие только у них были. Одну только эту мозаику ткачи, наверное, делали месяцами. Вернули все вещи. И за что такая честь? Себастьян, а ты не думаешь, что это как-то связано с моим золотым

идолом? Очень уж он похож на маску одного из негодяев, которые девушку казнили. Может, он и в самом деле является изображением какого-то бога?

– Кто знает, – пожал плечами Риос. – Мы же пока ни слова не понимаем на их языке.

После этого Себастьян подошел к дверному проему и выглянул в коридор. Там находилось шестеро вооруженных индейцев.

– Местные жители не такие дураки, – заметил Риос. – Даже если мы их перебьем, то попробуй еще найти выход из этого лабиринта. Ладно! Уплывший корабль нам уж точно не догнать. Посмотрим, что ждет нас здесь.

В это мгновение в комнату зашло несколько индейцев. Фернан нахмурился и положил руку на рукоять меча – кто знает, чего ожидать от этих дикарей! Однако те не проявили ни малейших признаков агрессии и стали сновать туда-сюда, сервируя большой стол к трапезе. Одеты они были скромно, лишь в набедренные повязки без каких-то украшений, в глаза испанцам не смотрели и делали свое дело сноровисто, сохраняя полнейшее молчание.

Конкистадоры наблюдали с любопытством. Большая часть принесенных блюд выглядела и пахла вполне съедобно, а они порядком проголодались. Почти все индейцы вскоре ушли, лишь двое остались, очевидно, чтобы прислуживать во время еды.

Себастьян не ведал никаких сомнений. Он тут же уселся за стол и потянулся к высокой стопке белых лепешек. Фернан смотрел на еду с явным подозрением. Себастьян расхохотался.

– Фернан, ты же не думаешь, что они хотят нас отравить?!

– Себастьян, ты же не думаешь, что они знают, чем следует кормить испанских кабальеро? – передразнил своего приятеля Фернан.

На самом деле он не боялся яда, но сцена вчерашнего убийства все еще стояла у него перед глазами. Вот эти самые или, по крайней мере, точно такие же дикари смотрели на гибель молодой прекрасной девушки и выражали по этому поводу самый настоящий восторг. Ничего хорошего от таких людей он не ждал. Еда если и не отравя, то наверняка гадость. Фернан сейчас, терзаясь муками голода, готов был бы съесть и сырое мясо, но только если бы добыл его сам.

Себастьян демонстративно сжевал лепешку и изрек вердикт:

– Вкусно, – после чего потянулся к блюду с жареным мясом. – Поверь бывалому солдату, Фернан. Если ты где-нибудь не дома, то нужно есть при каждом удобном случае. Не важно, где ты находишься: в путешествии, в военном походе, в лагере накануне битвы, в плену. Никогда не знаешь, когда представится следующая возможность подзакусить. Смелее.

С этими словами он бросил Гонсалесу жареную тушку какой-то птицы. Реакция Фернана не подвела – он поймал угощение и, немного поколебавшись, сел напротив Себастьяна. Еды оказалось много. Какая-то желтая каша, лепешки, разнообразная жареная и печеная птица и рыба, овощи и фрукты. Керамическая посуда удивляла хорошим качеством. Изящная, тонкостенная, покрытая разноцветной глазурью, с рифлеными узорами. Но больше всего испанцев поразило то, что все блюда оказались далеко не пресными. Индейцам хорошо известна была соль, а также пряности, причем, очень острые на вкус.

Себастьян протянул руку к высокому кувшину, схватил его за горло и принялся.

– От такой пищи разгорается жажда. Интересно, что это за пойло? Судя по запаху – что-то хмельное.

Он налил содержимое в высокий раскрашенный кубок и осторожно попробовал.

– Дрянь, – сокрушенно объявил он. – Если пищу их есть еще можно, то с питьем дело совсем плохо обстоит.

Фернан ухмыльнулся этому замечанию и смело налил себе. Попробовав, он скривился и сказал:

– Теперь я понимаю, почему эти дикари такие страшные. Меня от одного глотка перекосило, а они это годами пьют. Это тебе не вина солнечной Андалусии.

Наевшись, испанцы так и остались в том же помещении. Индейцы их не тревожили, лишь однажды принеся воды для умывания. Остаток того дня они провели в комнате практически безвылазно. Нужно было немного прийти в себя после всего произошедшего, набраться сил – несколько дней блужданий по джунглям и недосыпания заметно сказывались.

Наступил вечер. Уставшие и пресыщенные новыми впечатлениями, конкистадоры улеглись спать. Настороженность их не покидала – обнаженные мечи и кинжалы оставались под рукой, хотя оба понимали, что если их сумели захватить в лесу, то здесь, посреди чужого города, оружием уж точно себе не помочь.

На следующее утро Фернан проснулся рано. Открыв глаза, он приподнялся на локте и на всякий случай тут же протянул руку к мечу – оружие лежало на месте. Косые солнечные лучи проникали сквозь узкое вентиляционное отверстие. В этой полоске света танцевали искрящиеся пылинки. Спал он на удивление хорошо, никакие кошмары его не беспокоили. На другой кровати, как ни в чем не бывало, зарывшись головой в накидки, лежал Себастьян. Фернан тут же вскочил и потормошил его. Себастьян что-то недовольно буркнул и дернул плечом, но вставать и не подумал. Гонсалес задумчиво прошелся по комнате, затем прищелкнул глазами к высоко расположенной щели.

– Ну и что ты там хочешь высмотреть? – услышал он недовольный вопрос Себастьяна. – И для чего ты меня так рано разбудил?

Гонсалес обернулся к товарищу. Себастьян сидел, озираясь по сторонам. Он выглядел вполне отдохнувшим, лишь спутанные и местами торчащие в стороны светлые волосы придавали ему несколько бестолковый вид.

– Любуюсь, – холодно бросил Фернан. – У нас под окнами сейчас еще одну девушку режут.

– Да ладно!

С этими словами Себастьян вскочил с кровати и подбежал к вентиляционному отверстию. В саду ничего, разумеется, не было, кроме деревьев.

– Все шутки шутишь, – неодобрительно бросил он Фернану.

– Какие уж тут шутки. Я бы и сам не слишком удивился, если бы это оказалось правдой.

Видимо услышав, что пленники уже не спят, в комнату вошло двое индейцев. Они были безоружны, в одних набедренных повязках и не демонстрировали никаких признаков агрессии. Вошедшие опустились на колени, протянули ладони к полу, затем подняли их к губам, после чего встали и обратились к испанцам с краткой речью. Те, конечно же, ничего не поняли. Индейцы поспешили ретироваться. Фернан провожал их подозрительным взглядом. Вскоре в комнату ввалилась целая толпа местных жителей, неся кучу самой разнообразной еды.

Позавтракав, конкистадоры решили выйти на улицу. Фернан наотрез отказался расставаться хотя бы с какой-то вещью из своего снаряжения. Себастьян слегка скептически глядел на то, как его молодой друг надевает шлем, вешает на спину щит, проверяет, хорошо ли клинки сидят в ножнах.

– Вот будет весело, если после всех твоих приготовлений дикари откажутся выпускать нас из комнаты.

Впрочем, Риос взял пример с товарища и тоже нацепил на себя все свои вещи, начиная со шлема и арбалета, заканчивая котомкой и флягой.

– Сейчас и узнаем, – ответил Фернан.

Было и у него такое опасение, но оно развеялось как дым, стоило им лишь сделать первые шаги за пределы их жилища. В коридоре дежурил индеец, которому Гонсалес жестами показал, что он хочет прогуляться по городу. Тот кивнул головой, хотя Фернан и не был уверен, что обозначает этот жест у местных жителей. Но выйти на улицу без почетного эскорта им не удалось. Сопровождать пленников собрался целый отряд – с полдюжины воинов, да еще

и несколько расторопных слуг. По крайней мере, мысленно Фернан именно так распределил роли индейцев, исходя из их внешности, экипировки и поведения.

Слуги выглядели скромно. Одетые в набедренные повязки из светлой ткани и плетеные сандалии, они несли в руках корзины, наполненные едой. Воины смотрелись куда более нарядно и живописно. Чего стоили их разноцветные юбки, украшенные вышивкой, яркими пушистыми кистями и перьями. Кроме того, у каждого спину укрывал пестрый прямоугольный плащ, завязанный узлом на плече. На ногах они носили кожаные сандалии, оставлявшие пальцы открытыми. Но самой бросающейся в глаза деталью были головы: длинные волосы, укрепленные ремнями и заколками, образовывали сложные прически, украшенные разноцветными перьями. На лицах вились темные полосы татуировок, в ушах красовались металлические или костяные серьги. К тому же, все эти индейцы поголовно оказались косоглазыми и горбоносими. Черепа были причудливо деформированы: вытянутые в длину, с вдавленными, как будто вмятыми могучей рукой, лбами.

– Ну и рожи, – пробормотал Фернан. – Я бы, одари меня господь таким обличьем, в жизни не решился бы показаться кому-нибудь на глаза. Себастьян, а ты уверен в том, что это вообще люди?

– Черт их разберет, – угрюмо буркнул тот. – Главное, чтобы они нам не мешали.

Индейцы же, похоже, не только не смущались своего внешнего вида, но и наоборот, были собой весьма довольны. Стоило посмотреть на то, с каким важным видом они двинулись вслед за конкистадорами. Властно вскинув головы, воины шагали по улице, окидывая встречных пренебрежительными взглядами, и всячески демонстрировали свою исключительность.

– Похоже, дикари горды той миссией, которую на них возложили, – буркнул Риос.

– Понять бы еще, что это за миссия? Зачем пленникам вообще позволяют разгуливать по улицам? – спросил Фернан. – Кем являются эти воины? Телохранителями? Стражей? Почетным эскортом?

– Скорее всего, все вместе взятое.

Слуги с корзинами держались несколько в стороне, регулярно поглядывая в сторону испанцев, не решаясь тревожить «гостей» без какого-то знака с их стороны.

Ступенчатые монументы пирамид возвышались совсем недалеко, и, естественно, привлекали внимание. Фернан и Себастьян двинулись к ним. Выйдя на гигантскую площадь, они смешались с толпой. Людей вокруг было так много, что тут поневоле закружилась бы голова от непривычной внешности и нарядов. Испанцы, в свою очередь, тоже казались местным жителям немалой диковинкой, так что почти сразу же вокруг них образовалась шумная и любопытная орава. Вот тут и пригодились воины из их сопровождения. Решительно расталкивая зевак, они освобождали проход для Фернана и Себастьяна.

Подойдя вплотную к одной из пирамид, конкистадоры замерли. Отсюда, от самого подножья, верхняя площадка была не видна – так круто поднимались вверх террасы, из которых состояла пирамида. Идеально ровные, отполированные каменные ступеньки начинались возле земли и бесконечной вереницей возносились в высоту, упираясь буквально в самое небо. Лестница казалась бесконечной и вершина ее как будто растворялась в воздухе.

Фернан замер в задумчивости. В его памяти всплыла недавняя казнь. Что чувствовала девушка, поднимавшаяся по этим ступеням? Знала ли она, что ее ждет? Сдерживала ли шаги, стремясь хоть немного продлить жизнь? И чему, будь они все прокляты, так радовались дикари, когда ей вырезали сердце?! Он огляделся по сторонам и нахмурился, наткнувшись взглядом на очередного индейца.

Мысли же Себастьяна отличались большей практичностью. Он с интересом рассматривал пирамиду, удивляясь великолепной обработке камней, да и вообще тому, что местным удалось соорудить такое гигантское строение. Кроме того, он успел детально рассмотреть оружие воинов, которые их сопровождали.

– Похоже на то, что дикари не умеют обрабатывать железо, – поделился он своими наблюдениями. – Смотри, у них все из дерева и камня.

Это была правда. Смоляно-черные наконечники копий глянцеvито отсвечивали на солнце. Но наибольшее внимание привлекали деревянные дубинки, висевшие на поясах у каждого из воинов. Внешне такое оружие больше всего напоминало узкое весло на короткой ручке. Кромки этого весла были усажены тонкими, бритвенно-острыми кусочками того же черного камня.

– Что за камень? – поинтересовался Фернан.

– Обсидиан, скорее всего, – ответил Себастьян. – Получается несколько корявая попытка повторить лезвие меча. Конечно, ему не сравниться с изделиями наших кузнецов. Но я не хотел бы получить удар таким оружием. Неровные каменные зубья этой дубины должны оставлять страшные рваные раны, наподобие повреждений от волнистого клинка.

– Думаешь, все эти каменные глыбы можно вырубить обсидиановыми топорами?

– Вряд ли, – покачал головой Себастьян. – Обсидиан весьма хрупкий. Думаю, у нас еще будет возможность разузнать, как они обрабатывают камни.

Этот короткий разговор помог Фернану отвлечься от мрачных мыслей по поводу их туманного будущего. Они покинули площадь и двинулись по одной из улиц. Почетный эскорт не пытался их задержать, но и не отставал. Испанцы с интересом разглядывали дома. Здесь, в центре города, строения выглядели весьма солидно. Каменные, зачастую двух, а то и трехэтажные постройки возвышались со всех сторон. Снаружи дома покрывала штукатурка. Некоторые сверкали белизной, стены других были расписаны замысловатыми цветными узорами. Город утопал в зелени садов. Сладковатые ароматы цветов кружили голову.

Постепенно они добрались до окраины. Здесь дома оказались заметно скромнее. Теплый климат, вообще-то, позволял круглый год жить в самых непритязательных лачугах, но местным аристократам это было явно не к лицу. А вот простолюдины довольствовались тростниковыми хижинами с крышами из листьев. Людей вокруг сновало куда меньше, чем в оживленном центре и Фернан тут же поделился с Себастьяном планом своих действий.

– Как я погляжу, зевак с каждым шагом становится все меньше. Нужно найти какой-нибудь закоулок или тупик, где не будет лишних глаз. Ну что, сумеем уложить наш эскорт так, чтобы они не подняли переполох? Девять человек – это, конечно, много, но внезапность будет на нашей стороне.

Фернану на ум пришли многочисленные ночные стычки в подворотнях Севильи, из которых он всегда выходил победителем. Ему приходилось справляться в одиночку с тремя разбойниками. Сейчас перевес на стороне противника еще заметнее, но другого выхода он не видел. В конце концов, на них шлемы и кирасы, под рукой стальные мечи и кинжалы. Все это давало серьезное преимущество.

– На солнце перегрелся? – недовольно ответил Себастьян, мгновенно охладив пыл своего молодого друга. – Даже если мы и справимся, то что дальше?

– Что, что?! Сбежим! – раздраженно бросил Фернан.

– Далеко? Мы посреди индейского города! До Кубы точно не добежим. Или ты предлагаешь остаться здесь? Нет, правда! Перебьем охрану, спрячем трупы, а сами разденемся, поставим волосы дыбом и сразу же смешаемся с толпой! Они нас в жизни не обнаружат, это уж точно! Будем жить припеваючи.

– Очень смешно, – буркнул Фернан. – Мы на самой окраине, если ты не видишь. Через минуту будем уже в лесу. В таких зарослях можно слона спрятать, не то что двух человек.

– Ты их видел, этих слонов? Я вот видел и могу точно сказать, что если слон пытается от тебя спрятаться, то куда умнее будет не стараться его найти. Мы, к сожалению, не слоны и нас через эту самую минуту будет искать добрая сотня человек, каждый из которых знает окрестности до последнего цветка на несколько миль вокруг. Чертовы индейцы ходят по этим

чащам быстро как по чистому полю, к тому же они, в отличие от нас, пойдут налегке. Пока что дикари ведут себя дружелюбно, так и нечего играть с огнем. Нужно осмотреться.

– Я уже осмотрелся, мне на всю жизнь хватит. Помнишь ту девушку? За что ее казнили? Почему все так радовались?!

Испанцы в пылу спора не обратили внимания на то, что они остановились и постепенно стали повышать голоса. Зато индейцы сразу же насторожились. Воины за оружие пока не хватились, но окружили пленников и внимательно прислушивались к их спору. Себастьян сразу же взял себя в руки и осадил Фернана.

– Уймись. Видишь, дикари что-то заподозрили. Веди себя спокойно. О казни я тебе ничего нового сказать не могу. Повторяю, скорее всего, девушка являлась преступницей.

Они продолжили свою прогулку. Воины, блюдя достоинство, степенно двинулись вслед за ними. Слуги тоже держались рядом, оживленно что-то обсуждая вполголоса. Фернан довольно долго молчал, обдумывая доводы своего товарища и, в итоге, вынужден был признать их толковыми. Но задерживаться в этом городе ему по-прежнему не хотелось.

– Себастьян, ну а ты как предлагаешь отсюда выбираться?

– Ты отказался от своего плана? Слава богу. Скажу честно, мы бы может и справились с девятью противниками, но только в том случае, если бы они все решили сражаться. А так, стоит всего одному сбежать и поднять тревогу, и наш побег тут же провалится. Следует понять, что они собираются с нами делать.

– Для этого нам нужно попытаться выучить наречие индейцев. Надоело изъясняться жестами.

– Заодно, зная местный язык, можно много всего другого полезного разузнать. Какие плоды можно есть, каких животных и змей опасаться, – задумчиво сказал Себастьян. – А еще, направление течения ближайших рек и расположение окружающих нас городов. Чтобы, когда мы все же сбежим и окажемся в лесу, то смогли разобраться, куда нам идти и что есть.

– Неплохо бы еще и разузнать принятые индейцами законы и обычаи, – добавил Фернан. – Если есть у дикарей хоть какие-то законы.

Так конкистадоры определили первоочередную для себя цель – научиться объясняться с местными жителями.

Прогулка их в скором времени закончилась. Поставив перед собой задачу выучить местное наречие, Фернан сторгал от нетерпения начать претворять ее в жизнь. Он понимал всю сложность этой затеи, но утешал себя тем, что дикари и сами наверняка попытаются научиться говорить со своими пленниками. Вернувшись обратно во дворец, они сели обедать. После еды Гонсалес поймал за локоть одного из прислуживавших им индейцев и указал пальцем на блюдо с фруктами. Тот непонимающе переводил взгляд с Фернана на стол.

– Что это? – Гонсалес постучал ногтем по ярко-красному упругому боку одного из фруктов. – Как называется?

– Очень важное начинание, – одобрительно кивнул Себастьян. – Главное, это, конечно же, запомнить наименования всех местных фруктов. Разве можно есть плод, чье название тебе неизвестно?

– Отстань, – огрызнулся Фернан. – Надо же с чего-то начинать.

Индеец между тем что-то сказал, но в этой череде гортанных и прерывистых звуков вообще сложно было узнать человеческую речь, не то что разобрать отдельные слова.

– Как это называется? – настойчиво повторил Фернан.

Индеец произнес три или четыре слова, причем все разные, так что понять, какое из них было названием фрукта, оказалось решительно невозможно. Гонсалес понял всю тщетность этой попытки и взмахом ладони отпустил слугу.

– Ладно. Себастьян, ну ты ведь знаешь хоть немного язык жителей Кубы. Это нам не может помочь?

– Нет, – безнадежно махнул рукой Себастьян. – В этих наречиях нет ничего общего.

Но желание обрести взаимопонимание оказалось обоюдным. После обеда к ним в комнату зашло трое индейцев, исполнив некий короткий ритуал с поклонами и жестикуляцией. Самый важный, хорошо одетый и богато украшенный являлся, по-видимому, довольно значительной фигурой. Он подошел ближе. Вельможа давно распрощался с порой юности. Морщины избороздили лицо, глубокие складки тянулись от крыльев крючковатого носа к сухим губам, но волосы все еще оставались глянцеви́то-черными и густыми. Уложены они были, согласно всем местным канонам красоты, в высокую прическу, во все стороны топорщащуюся мелкими прядями. Прямая спина и высоко вскинута́я голова придали ему гордый вид, даже несмотря на обилие весьма странных, на вкус любого испанца, украшений. Его не портили ни громоздкие ожерелья на шее, ни даже короткая палочка, протетая через носовую перегородку и торчащая из ноздрей. Он бы выглядел очень степенно, даже величественно, если бы не столь повальное среди местных жителей косоглазие. Индеец несколько секунд стоял перед испанцами, с весьма задумчивым видом уставившись, как казалось со стороны, на кончик собственного носа. Себастьян не выдержал и прыснул.

– Ей-богу, я как будто перенесся во времена моего прекрасного детства. У нас в Кармоне был местный дурачок. Ну, знаешь, из тех безобидных простаков, которые всему верят, разговаривают сами с собой, впадают в оцепенение на ровном месте. Вот он точно так же глубоко-мысленно глядел на свой нос каждый раз, как на него садился комар или муха, как будто ему в этот момент открывалась какая-то великая тайна.

Индеец тем временем заговорил. Речь его, размеренная и неторопливая, не была понятнее, чем у любого другого дикаря, но, по крайней мере, каждое отдельное слово звучало внятно. Он немного помедлил и ткнул себя пальцем в грудь, произнеся при этом длинное, совершенно непонятное слово, состоящее из череды звонких, щелкающих звуков. Друзья переглянулись.

– Соловьем заливается, – заметил Фернан.

– Понять бы, о чем это он.

Индеец еще дважды повторил ту же процедуру.

– Похоже, он представился! – осенило Фернана. – Правда, я так и не запомнил, как его зовут.

Себастьян сделал шаг вперед, приосанился, расправил плечи и произнес, ткнув себя пальцем в грудь:

– Я Себастьян Риос дель Альварес, благородный кабальеро родом из славного города Кармона!

Фернан поморщился и заметил:

– Себастьян, дикарь тебя не понимает. Скажи попроще.

Себастьян хмыкнул и коротко бросил:

– Себастьян.

Вошедший еще раз ткнул себя в грудь и представился, выразительно глядя на испанцев. Себастьян, правильно истолковав этот поступок, еще несколько раз медленно назвал имя. Индеец внимательно прислушался к незнакомому говору, пытаясь запомнить новое слово. Гонсалес также сделал шаг вперед и, указав на себя пальцем, сказал:

– Фернан.

Индеец, явно воодушевленный сообразительностью пленников, взял со стола пустую тарелку и выдал новое слово. Затем он настойчиво повторил его еще несколько раз.

– Теперь мы знаем, как на их языке будет «тарелка»! – обрадовался Фернан.

– Ты уверен, что он не имел в виду просто посуду как таковую? А может быть, это вовсе имя того страшилища, которое на ней изображено, – скептически ответил Себастьян.

Тарелка и впрямь пестрела сложным орнаментом, главным элементом которого стало изображение чудовищного существа, отдаленно похожего на местных жителей обилием плюмажей и перьев. Правильной ли оказалась догадка Себастьяна, судить было рано, но изучать язык все равно стоило. Фернан, шагнув к стулу, указал на него пальцем и выжидающе посмотрел на гостя. Тот правильно понял жест и выдал новое слово, повторив его несколько раз. Так они и ходили по комнате от одного предмета к другому и пытались хоть что-то запомнить. Индеец проявлял недюжинную терпеливость и без устали повторял названия. Затем он все же ушел, оставив двух друзей отдыхать.

Фернан задумчиво сидел, пытаясь правильно воспроизвести хоть одно из услышанных слов, с каждым разом запутываясь в этих непривычных звуках все больше. В конце концов, Себастьян не выдержал и нетерпеливо прервал это занятие:

– Уймись уже! У меня голова раскалывается от этого чириканья. Тем более что ты все равно неправильно произносишь эти... звуки!

У Себастьяна язык не повернулся назвать это «словами».

– У нас впереди будет еще много дней для изучения их языка.

– Да, ты прав, – признал Фернан. – Нужно немного передохнуть. Я чем больше их повторяю, тем сильнее путаюсь. А ты хоть что-то запомнил?

– Куда там...

– Интересно, а кто к нам приходил? Местный толмач или же просто какой-то мудрец?

– Кто бы он ни был, но его терпению можно позавидовать. Будем надеяться, что он посетит нас еще не один раз, и со временем мы все же научимся.

Их пока что не тревожили. Обилие новых впечатлений мешало сосредоточиться, голова, казалось, могла взорваться от всего увиденного и услышанного. Фернану до смерти хотелось немного развеяться, но как? Выйдя на улицу, он бы снова попал под водопад всего того невиданного и непривычного, от чего хотелось отдохнуть. Сидеть в комнате просто так было скучно. Гонсалес потянулся за мечом, который он во время беседы с индейцем отложил в сторону. Себастьян понял его без слов. Испанцы и в самом деле не тренировались уже несколько дней. Собственно говоря, с тех пор, как потерялись в джунглях. Во время блуждания по лесам они слишком уставали, чтобы к вечеру еще и фехтовать.

Стол и стулья конкистадоры отодвинули в угол, а сами стали посреди комнаты. Места хватало. Фернан плавно протянул вперед правую руку, клинок замер, нацелившись острием в грудь Себастьяну. Тот ответил точно таким же движением. У них не было тупого тренировочного оружия, а потому действовать приходилось осторожно. Гонсалес сделал пробное движение вперед и нанес легкий режущий удар, прощупывая оборону противника. Себастьян быстро отступил в сторону, отбил выпад и тут же контратаковал. Фернан играючи увел чужой клинок влево. Удары сменялись финтами, оба бойца с легкостью двигались по комнате, нападая или же уходя от чужих атак. Лязг стали вскоре вызвал интерес индейцев. В дверном проеме, как по волшебству, возникло двое любопытных слуг. Себастьян гневно махнул на них рукой и те исчезли так же быстро, как и появились.

– Да ладно тебе, пускай бы смотрели.

– Не ладно, – буркнул Себастьян. – Думается мне, что наше столь позорное пленение еще пойдет нам на пользу. Кто мы с тобой в глазах дикарей? Двое олухов, которых можно взять практически голыми руками. Просто-таки бестолочи, не говорящие на их языке, ничего не понимающие, к тому же очень странно, с их точки зрения, выглядящие. Таких недотеп не стоит слишком уж хорошо охранять. А вот если они поймут, что мы в состоянии перебить десяток воинов, то и надзор за нами усилится. Пускай мы лучше в их глазах останемся дурачками. Когда придет время сбежать, все это еще ох как пригодится. Так что нечего им пялиться на наши тренировки.

– Заодно неплохо бы объяснить дикарям, что нам нужны деревянные мечи, а то мы тут друг друга поубиваем настоящим оружием.

Фернана раздражала досада. Ему приходилось сдерживать свою прыть. Дважды он видел возможность для точного удара, маленькую прореху в чужой обороне. Быстрый выпад и он бы победил! Но Себастьяну это стоило бы жизни. Увы, пока они не обзаведутся тупыми мечами, нечего и рассчитывать на полноценный бой. Они еще немного поупражнялись и решили прекратить пока это занятие, чтобы не нанести друг другу увечий.

Вскоре на пороге появился мудрец, учивший их языку. За ним следовали те же двое слуг, что и в прошлый раз. В руках они держали пестрые свертки. Повинуясь знаку своего господина, они остановились возле стола и один из них разложил на нем принесенную ткань. Фернан и Себастьяном с интересом подошли поближе. Старик бережно расправлял складки яркой материи. Он жестами предложил испанцам переодеться, чем сразу же вызвал у Себастьяна взрыв негодования.

– Проклятый негодяй! Я испанский кабальеро, а ты мне предлагаешь одеться, как самому распоследнему дикарю! Фернан, ты только посмотри на это убожество!

На столешнице лежал комплект местной одежды: большое прямоугольное покрывало, заменяющее индейцам плащ и отрез поменьше, в котором легко можно было узнать запашную юбку. Примерно так же был одет и сам толмач. Сверху лежали кожаные сандалии. Себастьян в гневе подхватил разложенные вещи, сунул в руки недоумевающему слуге и вытолкал вошедших из комнаты. Он возмущенно бегал из угла в угол, размахивал руками и неистово ругался. Фернан на всю эту демонстрацию ярости взирал с легкой и задумчивой улыбкой. Дождавшись, пока Себастьян утихнет, он сказал:

– Ты знаешь, а ведь нам все-таки придется приодеться по местной моде. Выслушай меня спокойно. Мы с тобой уже добрую неделю не меняем рубах. Они скоро задубеют от соли и пота. Если мы хотим сбежать и предстать перед нашими соотечественниками в привычном виде, то здесь придется ходить в индейских одеяниях.

– Еще чего! – возмутился Себастьян. – Сегодня нам выдали набедренные повязки, а завтра предложат носы и уши проколоть!

– Кто знает, сколько еще мы здесь пробудем, – рассудительно заметил Фернан. – Чтобы выгодно отличаться от местных дикарей, на прогулки мы будем надевать нашу одежду, а находясь здесь, придется довольствоваться этими «юбками».

На следующее утро на пороге вновь возник все тот же старик со слугами. Они так же несли в руках свертки. Разложив их на столе, они отошли в сторону. Испанцы увидели практически такие же наряды, как и вчера, но куда более причудливо украшенные. На плащах переплетались яркие перья невиданных птиц, блестящие перламутровые ракушки и очень искусная вышивка. Юбки ничем не уступали плащам.

– А они настырные, – отметил Себастьян, и обреченно махнув рукой, взял один из нарядов.

Несмотря на кажущуюся простоту одеяний, с непривычки облачиться в них самостоятельно было трудно. Но с помощью слуг испанцы переоделись. Их одежду унесли, и друзьям оставалось лишь надеяться, что индейцы приведут ее в порядок и вернут назад.

– Вот бы увидели меня в родной Севилье в таком наряде, – со смехом сказал Фернан.

Юбка, охватывавшая его бедра, спереди была украшена жутким подобием человеческого лица. Выглядело оно устрашающе – вполне в духе местных жителей: вытянутое, с надменно искривленными медными губами, над которыми нависал крючковатый нос, с нефритовыми глазами, и торчащими по бокам перьями. Накидка, завязанная на плече узлом, все время норовила сползти то на грудь, то на спину, так что почти сразу же Фернан предпочел ее снять. В этом знойном климате одной лишь легкой набедренной повязки оказалось достаточно. Сандалии из толстой кожи закрывали ступню и охватывали сзади щиколотку, их длинные завязки

крест-накрест перетягивали лодыжку. Впрочем, по такой жаре подобная незатейливая обувь была даже лучше закрытых испанских сапог. Глядя на нарядившегося Себастьяна, и понимая, что и сам выглядит примерно так же, Гонсалес не смог удержаться от хохота.

– Смотрю прямо как в зеркало. Спасибо, хоть волосы и зубы наши оставили в покое, – заметил он.

– Погоди, то ли еще будет, – угрюмо ответил Риос. – Того и гляди, как они доберутся не только до волос, но еще и головы нам расплющат. Страшно даже представить, как и зачем они это делают.

– Ты думаешь, что головы они сами себе уродуют? – с сомнением спросил Фернан.

– Ну не рождаются же они, в самом деле, со всеми этими украшениями! – бросил в ответ Себастьян. – С проколотыми ушами, носами, губами, с подпиленными зубами и татуировками! Я и сам поначалу полагал, что эта убогая форма головы у них врожденная, но, скорее всего, это не так. Дикари на Кубе внешне похожи на местных жителей, но с черепами у них никаких отклонений нет. Видимо, у наших хозяев свои понятия о красоте – чем страшнее, тем лучше. Вот и уродуют себя кто во что горазд.

– А не может ли такая форма головы быть следствием ранения? Например, на войне.

– Нет, что ты! – рассмеялся Риос. – Если человеку так расплющить голову ударом палицы, то его останется только похоронить.

– А если это след от болезни? Как отметины на лице после оспы?

– Ну, это хоть немного похоже на правду. Надеюсь, если это болезнь, то она не заразная.

Теперь, когда скудная одежда открывала большую часть тела, Себастьян стал выглядеть еще более грозно. Широкая грудь бугрилась крутыми мышцами, жилистые руки и плечи украшала настоящая сетка белесых старых шрамов. Его кожа была подобна книге, по которой опытный человек быстро сумел бы понять, сколь много этому воину довелось пережить. Два шрама особенно выделялись. Один тянулся вертикально от правого плеча вниз почти до талии, второй тонкой неровной полосой пересекал ребра слева. Все это были памятки о боях на суше и на море против французов, африканских пиратов, турок, швейцарских и немецких наемников.

Испанцы даже самим себе казались удивительно нелепыми. Доспехи тоже пришлось снять – стальной панцирь, надетый на голое тело, очень быстро натер бы кожу до кровавых мозолей. Кирасы и шлемы они сложили в угол в ожидании того момента, когда в них возникнет необходимость.

Вельможа, наблюдавший за тем, как испанцы все-таки приоделись, обрадовался. Вечером он долго размышлял над тем, что случилось и пришел к выводу – предложенные вчера дары оказались слишком скромными. Сегодня же чужеземцы явно остались довольны и приняли одеяния без нареканий. Мудрец распорядился слугам принести в комнату еду, а сам удалился. После завтрака он вернулся и конкистадоры опять взялись за освоение местного наречия.

Обучение давалось с трудом. Индеец обладал поистине колоссальным терпением. Он без усталости и малейших признаков досады повторял одни и те же слова хоть по сто раз, пока их звучание в устах испанцев не начинало походило на его собственное произношение. Но дело продвигалось медленно. Стоило вызубрить одно название и перейти к следующему, как первое в скором времени забывалось, вытесненное непривычными звуками нового слова. Мудрец сносил эти превратности судьбы стоически.

6. Знакомство с Чикой

Испанцы терялись в догадках. Себастьян, у которого уже был печальный опыт жизни в плену после стычки с африканскими пиратами, вообще ничего не понимал. Он-то ожидал чего-то совсем плохого и думал, что если им сохранят жизнь, то это будет уже хорошо. Но индейцы принимали их как самых дорогих гостей. После того, как переводчик, учивший их языку, покинул испанцев, для них устроили пир. Конкистадоры, немного освоившиеся и не ждущие больше подвоха от местной пищи, ели с аппетитом. Слуги были многочисленны и почтительны. Они сновали туда-сюда, меняя блюда и принося новые. Двое из них взялись обмахивать пленников большими опахалами из ярких красных и зеленых перьев. Дошло даже до того, что несколько трюкачей принялись развлекать испанцев жонглированием и акробатическими упражнениями. Благо, размеры комнаты это позволяли.

Риос сидел, периодически касаясь головы в том месте, куда пришелся удар дубинки, после которого он оказался в плену, и думал о том, из-за чего отношение местных жителей так изменилось. Фернан и Себастьян не могли даже расспросить слуг – непонимание языка встало неодолимой стеной. Оставалось просто принимать все как должное.

Но самое интересное началось вечером, когда к ним торжественно заявила целая толпа индейцев, важных и разодетых, плюмажами едва не цепляющих потолочные перекрытия. И вместе с ними эскорт из шести девушек. Все они исполнили виденный уже испанцами ритуал, коснувшись пальцами пола, а затем поднеся их к губам. Как поняли конкистадоры, он обозначал выражение почтения. После чего самый представительный из вождей произнес короткую речь, указывая на девушек и те смело вышли вперед.

– Фернан, да нам не иначе как привели невест, – удивленно произнес Себастьян. – Ты только посмотри на них! На любой вкус: со сплюснутыми головами, и косоглазых, и со спиленными зубами и даже обычных. Последние две так очень даже хороши. Выбирай!

Гонсалес окинул взглядом выстроившихся в ряд девушек. Все они смотрели на испанцев с каким-то затаенным ожиданием. В их глазах смешивались интерес и недоверие, робость и восторг. Казалось, что стоит любую из них сейчас поманить пальцем и она, не колеблясь, кинется в объятия. И, похоже, так оно и было. Длинные цветные платья и пестрые легкие плащи на плечах практически полностью скрывали тела, но на лицах виднелись тонкие узоры татуировок.

Только у двух девушек головы оказались с ровными, не приплюснутыми лбами, но даже их назвать обычными язык у Фернана не поворачивался. Серьги в ушах выглядели вполне привычным делом, но у них были пробиты еще и нижние губы, украшенные плоскими золотыми дисками с орнаментом. Одна из «невест», сообразив, что оба испанца смотрят сейчас только на нее, польщенно улыбнулась и на белых зубах сверкнула инкрустация из миниатюрных камешков нефрита.

Причем все индейцы стояли и терпеливо ждали, когда же пленники сделают выбор. Себастьян решил первым. Он поманил к себе девушку с нефритовой инкрустацией и та, немного робея, подошла и поклонилась чуть ли не до земли. Риос рассмеялся, нагнулся, подхватил девушку под локти и помог подняться, после чего обнял.

– Все, у меня есть невеста! Я слышал о том, что подобных традиций придерживаются дикари где-то в Африке. Фернан, твоя очередь. А мы удаляемся в соседнюю комнату.

– Себастьян, они просто пытаются нас разделить! Ты что, в самом деле дашь себя одурочить?!

– Послушай, друг мой. Если бы индейцы хотели нас убить, то они уже давно могли это сделать. Ты думаешь, что они пытаются нас разделить, чтобы напасть на каждого поодиночке? А зачем тогда было нас вообще развязывать, возвращать доспехи и оружие? Относятся к нам

почтительно, так давай этим пользоваться. Потом, когда освоим местную речь, разузнаем, что к чему.

Себастьян и в самом деле удалился из комнаты, обнимая одной рукой девушку за плечи и сопровождаемый несколькими слугами. Правда, осторожность не до конца покинула Риоса. По пути он подхватил со стола свою перевязь с мечом и кинжалом. Фернан же остался один, окруженный этими чужими, совершенно непонятными для него людьми, которые в глазах испанцев до сих пор выглядели дикарями. Индейцы смотрели выжидательно, а Гонсалес начал злиться. Он, действуя сначала словами, а затем жестами, велел всем убираться из комнаты.

Когда гости ушли, молодой человек вытащил свой меч и принялся усердно точить его специальным камнем, найденным в сумке Себастьяна. В душе у Фернана бушевала буря раздражения и негодования. Он сердился на своего легкомысленного приятеля, увидавшего симпатичную девушку и забывшего обо всех опасностях. На местных жителей, которые добивались вообще непонятно чего. А еще на себя из-за того, что, возможно, зря так волнуется. Ведь индейцы действительно могли их зарезать связанных и беспомощных.

Фернан бы и не отказался от женского общества, но он предпочитал девушек привычной внешности. Все эти татуировки, блестящие камни на зубах, косоглазие, многочисленные сережки... Как будто это существа из другого мира. Еще неизвестно, что за сюрпризы ждут Себастьяна, скрытые пока под платьем у выбранной им невесты. Сюрпризы могут оказаться неприятными. Подумав об этом, Фернан расхохотался. Потом прислушался. Нет, вроде как не слышно криков Риоса, который зовет друга, чтобы тот помог отбиться от чудища, скрывавшегося под личиной девушки.

Вместе с этой мыслью вернулась тревога. Гонсалес встал, на всякий случай обнажил меч и, откинув полог, закрывавший дверной проем, вышел в коридор. Двое слуг, дежуривших здесь, поклонились ему. Испанец, не обращая внимания на индейцев, которых он все равно не мог расспросить, прошелся до следующего дверного проема, занавешенного тканью. Скорее всего, сюда удалился Себастьян. Гонсалес стоял, чувствуя себя дурак дураком. Он совершенно не знал, что же делать. Наверное, у Риоса все в порядке и вмешательству он сейчас совсем не обрадуется. В итоге Фернан вернулся обратно, досадуя на себя и на всех окружающих. Он лег спать, сжимая меч в ладони.

Утром Себастьян вернулся. Отдохнувший и весьма довольный собой. Начиная с этого дня индейцы постоянно приводили к своим пленникам девушек, которыми Риос никогда не пренебрегал. Фернан же продолжал осторожничать. Он неизменно отсылал их обратно, проводя вечерние часы в раздумьях о том, как отсюда выбраться. К распоряжению испанцев был весь дворец, изысканная еда, богатые одежды да еще и настоящий гарем. Гонсалес ломал голову над тем, чего же добиваются от них местные жители...

Испанцы пристрастились к долгим прогулкам. Фернан с удовольствием надевал свою привычную одежду: штаны, рубашку, куртку с широкими пышными рукавами и длинный плащ. Все же в дикарском наряде он чувствовал себя весьма нелепо. Тем больше причин радоваться выходу на улицу, куда они, согласно уговору, выбирались лишь в полном снаряжении. Ходить под палящими лучами солнца в стальных шлемах было совсем нелегко, а потому и Фернан и Себастьян, раздобыв по куску полотна, обматывали их тканью. Обвешавшись оружием и снаряжением, они отправлялись бродить по городу. И всегда их сопровождал многочисленный эскорт: воины, число которых порой достигало десятка, да еще несколько слуг. Иногда заходили очень далеко. Миновав ряды домов, а затем и возделанные поля, они углублялись в лес.

Воины вели себя степенно. Они, не демонстрируя ни малейших признаков усталости, нетерпеливости или раздражения, повсюду следовали за испанцами, нимало, похоже, не тяготясь своим положением. Воины с достоинством расхаживали по городу, и видно было, как они горды своей задачей. В лесу вся вальяжность с них мигом слетала – они становились внима-

тельными и осторожными, чутко вслушивались в звуки окружающего мира, зорко осматривали окрестности. Любую возможную угрозу замечали куда раньше, чем это удалось бы испанцам. А опасностей хватало. Буйные тропические заросли изобиловали самыми разными тварями, змеи и пауки попадались чуть ли не на каждом шагу. Крупные хищники здесь тоже водились. Иногда по вечерам до слуха доносился раскатистый рев. Себастьян утверждал, что эти звуки издает не кто иной, как леопард.

С таким многочисленным и хорошо вооруженным эскортом ничего не следовало опасаться, но и сбежать от них было невозможно. А такое намерение Фернана не покидало. Раз за разом разговор возвращался к одному и тому же вопросу – как бы поскорее отсюда вырваться. Себастьян всегда сохранял рассудительность и хладнокровие, Фернан же горячился, изнывая от бездействия. Прошло уже несколько дней, а никакая хорошая идея их так и не осенила.

– Относятся к нам, прямо скажем, хорошо, – признал Фернан. – Но я не стал бы доверять индейцам.

– Фернан, – в очередной раз повторил Себастьян. – Даже если мы сумеем просто так взять и сбежать на глазах у сотен этих размалеванных дикарей и даже если нам удастся оторваться от погони, то что же мы будем делать дальше? Ты сам видел – эта земля бескрайняя и населена куда гуще, чем мне бы хотелось. Вырвавшись отсюда, мы запросто попадем в лапы каким-нибудь другим индейцам. Кто может сказать наверняка – окажут ли те нам столь же радушный прием.

– Тебя, похоже, все вполне устраивает, – недовольно буркнул Фернан. – Обильная еда и женское общество пагубно на тебя действуют.

– Ты, конечно же, никогда не бывал раньше в плену, – снисходительно ответил Себастьян. – Посидел бы хоть месяц взаперти, не видя солнца, питаюсь заплесневелым хлебом и сырыми крысами, приманенными на этот самый кусок хлеба и убитыми брошенным камнем. Да еще и в кандалах. Тогда ты бы понял, что у нас тут не плен, а суший рай, начиная от солнечной погоды, заканчивая пищей и прогулками.

– Думаешь, эти дикари прониклись к нам такой пылкой любовью, что просто так потчуют местными деликатесами и позволяют разгуливать по городу? – фыркнул Фернан. – Ты вообще понимаешь, почему к нам так хорошо относятся?

– Нет, – вынужден был признать Себастьян. – Но мы здесь действительно на особом положении. Та же одежда... Ты наверняка обратил внимание, что принесенные нам наряды украшены сверх всякой меры. Перья, вышивка, узоры. Вон, посмотри на наших слуг. На них одни простые набедренные повязки, а вот воины смахивают на попугаев. Местная знать выглядит очень колоритно. Преподнесенные нам наряды ничем не отличаются от костюмов вельмож. Следовательно, мы здесь не простые пленники.

В этих прогулках проходило немало времени. Жители города несколько свыклись с необычным для них видом двух чужестранцев, но любопытных все еще хватало. Появление на улице конкистадоров неизменно вызывало интерес окружающих. Фернана этот энтузиазм раздражал. Он чувствовал себя какой-то диковинкой, которую бродячие артисты показывают на потеху толпе.

Простолюдины в повседневной жизни одевались достаточно скромно. Такого калейдоскопа перьев и украшений, как в первый день пребывания конкистадоров в городе, больше пока не повторялось. Европейцы решили, что тогда был большой праздник, вот все и принарядились.

Обучение языку шло своим чередом. Ни о каком общении пока и речи быть не могло, но несколько самых простых слов испанцы уже выучили. Могли попросить еды и воды, позвать или отослать слуг. Старый мудрец приходил каждый день. Звуки чужого языка уже не казались такими варварскими и трудными для восприятия.

Больше всего удивляло то, что к пленникам относились как к самым дорогим гостям или к важным послам могучего государства. Им ничего не запрещали, любое их желание выполняли. Фернана и Себастьяна наряжали в самые лучшие, по местной моде, одежды, отменно кормили. Во время еды для них устраивали настоящие представления, где музыканты, комедианты и жонглеры развлекали пленников. Индейцы предоставили им полную свободу в пределах города. И это заставляло ломать голову. Ради чего их вообще пленили? Не для того же, чтобы обеспечить двум чужакам жизнь достойную знаменитых вождей?

Когда Себастьян, действуя больше жестами и мимикой, чем словами, показал, что им нужны длинные прочные палки, то слуги тут же взялись за работу. Под предводительством испанца они обсидиановыми ножами быстро остругали две длинные жердины, сделав их отдаленно похожими на мечи. В тот же день конкистадоры смогли вволю потренироваться.

И вот тут мнение Себастьяна о молодом спутнике изменилось. Поначалу он относился к Фернану как к юному разгильдяю, который от скуки начал искать приключения на свою голову. Однако приходилось признать, что хотя Гонсалес не имел никакого опыта выживания в дикой природе, но в бою он был чрезвычайно опасен. С каждым полученным на тренировке синяком Риос начинал смотреть на своего товарища по несчастью с куда большим уважением. Фернан двигался настолько расчетливо и бил с такой силой и скоростью, что в реальном поединке Себастьян бы уже давно погиб. И хотя Риос был опытным ветераном и считал себя хорошим бойцом, но, не кривя душой, признавал самому себе, что Гонсалес явно более одаренный фехтовальщик.

Испанцы прожили здесь уже неделю. Они настойчиво бродили по городу, знакомясь с бытом индейцев. В массе своей их повседневная жизнь, особенно простолюдинов, была незамысловата. Они работали на близлежащих полях, охотились в окружающих город лесах, ловили рыбу в речке, занимались строительством.. Самые бедные люди жили в простых тростниковых лачугах, горожане побогаче и дома для себя возводили посерьезнее. Каменные здания, зачастую двухэтажные, встречались в центре постоянно. Внутри испанцам не доводилось бывать, но снаружи стены покрывала отличная штукатурка. Рядом, как правило, находились сады и огороды. С большей частью того, что там выращивали, конкистадоры уже вполне успели познакомиться во время трапез.

Не чурались индейцы и развлечений. Практически в центре города, рядом с главной площадью находилась большая прямоугольная площадка. С двух сторон ее стискивали трибуны для зрителей. Там проходили игры с мячом. Подобные забавы были очень популярны в Европе, но испанцы очень удивились, увидав такое состязание и в Новом Свете. Здесь к игре подходили очень серьезно. Участники надевали специальную защиту, своего рода кожаные доспехи с мягкой подкладкой из толстого слоя хлопка: набедренники, налокотники, широкие пояса и шлемы. Причину конкистадоры поняли очень быстро, подержав в руках мяч. В Европе его обычно набивали перьями или тряпками, здесь же это был цельный литой шар из каучука, неизвестного в Старом Свете. Такой мяч, размеров чуть меньше человеческой головы, весил немало и мог нанести даже взрослому мужчине серьезную травму.

Цель игры испанцы не совсем уловили. Две команды индейцев носились по полю, толкая или подбрасывая мяч ногами, коленями и локтями, но не беря в руки. Видимо, правилами это не допускалось. Снаряд то ли нужно было загнать на чужую половину поля, то ли наоборот, не дать завладеть мячом команде соперников. Следовало признать, что туземцы демонстрировали немалую ловкость и сноровку, управляясь с тяжелым литым шаром, который летал над землей подобно пушечному ядру. Время от времени они старались забросить мяч в торчащее выше человеческого роста каменное кольцо, повернутое боком и укрепленное на стене. Но попробуй так точно направить тяжелый мяч, да еще если его нельзя взять в руки! Сотни зрителей на трибунах криками и песнями поддерживали участников состязания, а после игры обвешивали их цветами и закатывали пиры возле самого стадиона.

А еще в городе находился базар, размерами не уступающий крупнейшим рынкам Испании. Несмотря на огромный наплыв людей, там царил порядок. Широкая площадь была очень продуманно и расчетливо разделена. Отдельные ряды для продуктов, одежды, украшений, керамики. Обойти базар за один день не представлялось возможным. То перед глазами испанцев громоздилась огромная гора соли, сложенная из ослепительно-белых, как будто сделанных из снега брусков. Бруски эти все были одного размера, словно отлитые по единой мерке. То конкистадоры заходили в ряды с глиняной посудой. Тонкостенная, покрытая великолепными рисунками, украшенная тиснением, она поражала разнообразием. Цветные и белые хлопковые ткани лежали огромными рулонами.

Испанцы бродили вдоль прилавков, удивляясь тому, как вещи действительно нужные чередовались с абсолютно бесполезными. Здесь продавали товары, явно никуда не годные. Кости то ли рыб, то ли птиц, а рядом с ними тонкие металлические, деревянные и каменные палочки. Дальше развешаны длинные ожерелья из мелких красных ракушек. Индейцы не разделяли мнения европейцев, уделяя этим прилавкам немало внимания.

Две молоденькие девушки, довольно милovidные, с восторгом перебирали тонкие, похожие на иглы, рыбы кости. Хватали то одну, то другую, рассматривали, затем жарко спорили с продавцом. Лица у них на удивление оказались чистыми, не обезображенными татуировками, даже глаза не косили. Длинные цветные платья не слишком скрывали стройные фигуры.

– Хорошенькие, – заметил Фернан.

– Ты готов сейчас любую девчонку назвать хорошенькой, если у нее голова не сплющена и зубы не спилены! – фыркнул Себастьян. – Знаешь, а ведь мы, похоже, зашли в ряды с украшениями. Через какой-нибудь час эти чертовки так принарядятся, что ты от них в ужасе отшатнешься. Когда увидишь их с проколотыми губами, бровями, ноздрями, ушами и щеками, то миг забудешь слово «хорошенькие».

– У местных жителей своеобразные вкусы, – сокрушенно признал Фернан.

Он уже подметил, что украшения себе здесь могут позволить далеко не все. В повседневной жизни только самые богатые индейцы обвешивались бусами, серьгами и ожерельями. Обычно же все эти побрякушки были неизменными атрибутами праздников.

Девушки, выбравшие кости себе по вкусу, перешли к следующему продавцу и с интересом уставились на ожерелья из ракушек. Внезапно одна из них оглянулась и увидела испанцев. Для нее это зрелище оказалось интереснее любых бус. Она дернула подружку за платье и кивнула головой, указывая на стоящих в стороне конкистадоров. Они так и не сдвинулись с места, перешептываясь и тихонько посмеиваясь. Время от времени они бросали на европейцев игривые взгляды.

– Интересно, что они обсуждают? – бросил Фернан.

Он и сам не сводил с девушек глаз. Первый шок от знакомства с индейцами уже прошел. Их диковинная внешность несколько примелькалась, к тому же Гонсалесу постепенно стало надоедать воздержание. Интересно, не удастся ли одну из них очаровать?

– Обсуждают, какой ты некрасивый, – угрюмо ответил Себастьян. – Строят планы, как бы взять тебя в плен, чтобы спилить передние зубы, расплющить голову и сделать татуировку на все лицо. Вот тогда ты будешь просто неотразим. Как раз по местной моде. Когда вернешься в таком виде в родную Севилью, то произведешь там фурор. От невест отбоя не будет.

В словах звучал не только характерный для Риоса едкий юмор. Его заботили более серьезные вопросы. Фернан был хорош собой и, похоже, собирался этим воспользоваться. Сам же Себастьян, умудренный длительными странствиями, отлично понимал, что нормы приличий и морали в разных странах сильно разнятся. Да, он побывал в постели уже не с одной местной красоткой, но все они приходили в его дом добровольно и как раз для этого. Кто знает, а вдруг здесь попытка подойти поближе к незнакомой девушке расценивается ее родней как страшное оскорбление? Себастьян лихорадочно размышлял над тем, как бы охладить пыл своего моло-

дого друга. Он до сих пор не понимал, в каком статусе они сами находятся и не знал границ дозволенного. Это весьма раздражало.

Как бы там ни было, а девушки сами сделали первый шаг навстречу. Они подошли поближе. Одна из них, улыбнувшись, задала какой-то вопрос. Отвечать на него пришлось, конечно же, охраннику из почетного эскорта, который сопровождал конкистадоров повсюду. Высокий горбоносый воин около минуты что-то рассказывал, сопровождая свою речь жестикующей. Девушки слушали молча, не сводя с испанцев глаз. Потом произнесли еще несколько фраз, развернулись и ушли. Одна из них напоследок бросила на Фернана заинтересованный взгляд. Гонсалес разочарованно хлопнул себя ладонью по бедру. Может быть, и самому выбрать себе какую-нибудь красотку из тех, которых к ним водят?

– Нужно как можно быстрее выучить местное наречие! – сказал Фернан.

Через два дня причины для изучения языка стали еще более существенными. В городе действительно состоялся очередной праздник, который кроме угощений, танцев и музыки сопровождался кровавым ритуалом. На этот раз испанцы пережили это зрелище спокойнее. Во-первых, потому что это уже не было такой неожиданностью, а во-вторых, потому что на этот раз на алтаре зарезали юношу.

И все же полнейшее непонимание сильно выводило из себя пленников. Фернан и Себастьян упорно изучали речь индейцев, но особыми успехами похвастаться не могли. Понять и запомнить, как на местном языке будет «тарелка» или «рука» оказалось несложно. Но как только речь заходила о каких-то отвлеченных понятиях, на которые нельзя просто указать пальцем, то здесь-то и начинались трудности.

Переводчик тоже времени даром не терял. В один из дней он разразился целой тирадой, но понять из нее не удалось ровным счетом ничего. Индеец, глядя на пленников, время от времени повторял одни и те же предложения, пытаясь донести какую-то мысль. Фернан внимательно слушал его, затем, потеряв терпение, обратился к Себастьяну:

– Ничего не пойму из того, что он говорит! Я же, как будто, немного изучил этот язык! Ни одного знакомого слова!

– Ничего удивительного. Ты ничего не понимаешь, потому что он говорит по-испански. Прислушайся, он пытается повторить то, что когда-то слышал от нас.

И действительно, индеец с крайне важным видом повторял слова, услышанные когда-то от конкистадоров. Но так безбожно их коверкал, что Гонсалес удивился, как Себастьян вообще догадался, что это испанская речь? Смысла в том, что говорил переводчик, разумеется, не было никакого. Просто сумбурное нагромождение заученных имен, названий, глаголов. “Хупа”, надо полагать, означало Кубу, “инеес” – индейца.

– Все это смешно звучит, но дает надежду на то, что мы быстрее придем к взаимопониманию, – заметил Себастьян. – В северной Африке очень часто можно услышать речь, где арабские слова идут вперемешку с испанскими. Поначалу кажется ахинея, но со временем привыкаешь. Если этот мудрец начнет учить наш язык, то мы скорее сумеем объясниться.

Через пару недель после своего пленения испанцев пригласили на большой праздник. В глубине души они предполагали, что сейчас опять кого-нибудь зарежут на радость толпе. Выходя на широкую многолюдную площадь, конкистадоры увидели там возведенные деревянные подмости. Перед ними сгрудился целый оркестр из добрых двадцати человек. В центре стоял рослый индеец, кричаще ярко разрисованный и весь украшенный плюмажами из мишуры и перьев. Он изо всех сил бил ладонями в огромный, доходящий ему до груди тамтам. Мощный низкий гул, похожий на отдаленные раскаты грома, сотрясал воздух. Десяток трубачей и еще столько же барабанщиков создавали невообразимый гам.

Конкистадоры смотрели с интересом. Они уже обратили внимание, что у индейцев не было струнных инструментов, но духовые и ударные с лихвой компенсировали эту нехватку. Музыканты использовали длинные деревянные трубы, а также глиняные и костяные флейты.

Барабаны также удивляли разнообразием. Начиная от совсем маленьких, размеров чуть больше ладони, заканчивая тем гигантом, который стоял в центре этой композиции.

Когда испанцы несколько свыклись с какофонией звуков, они сумели оценить оригинальную и своеобразную мелодию. Музыканты пританцовывали и подпевали себе. Фернан с интересом следил за ними, но вскоре ему стало не до этого оркестра. На подмостки в центре площади взбежало с десятков девушек. Быстрыми, невесомыми шагами они скользили по деревянному настилу. С разрисованными телами, в высоких головных уборах, щедро украшенные яркими перьями и сверкающими на солнце камнями. Они начали свое выступление, в котором в равных частях смешались танец и театральное представление.

Индейцы, видимо, хорошо понимали сюжет разворачивающегося перед ними действия. Огромная толпа беззвучно замерла, внимательно следя за развитием событий. Музыка почти умолкла, лишь иногда то вступал одинокий барабан, вторя шагам актрис, то в самые драматичные моменты оживали флейты, тонким писклом нагоняя тревогу. Едва слышный перезвон десятков маленьких колокольчиков, украшавших запястья и лодыжки танцовщиц, сопровождал их движения.

Костюмы на всех были разные. Лица трех девушек скрывали устрашающие маски с клыками и высунутыми языками. Они пытались поймать одну-единственную хрупкую невысокую девчонку, которую так щедро украшали торчащие во все стороны зеленые перья, что она походила на ожившее растение. Обилие плюмажей не мешало ей избегать нападений. Она ловко ускользала от преследователей, прячась то за одной танцовщицей, то за другой и при этом двигалась и кружилась с удивительной грацией и изяществом.

Ее выступление не могло оставить Фернана равнодушным. Он стал протискиваться вперед, пока не оказался в первом ряду. Пристально глядя на девушку, он не замечал ничего вокруг. Танцовщица была хороша. Правильные черты лица, большие темные глаза, искрящаяся улыбка. С тайным опасением Гонсалес скользил по ней взглядом, в глубине души ожидая увидеть какую-нибудь уродливую странность, характерную для индейцев. Но нет, она оказалась самой обыкновенной девушкой со стройным гибким телом, едва прикрытым одеждой. У нее не косили глаза и не блестели инкрустацией зубы. Голова оказалась правильной формы и даже татуировок почти не было.

Между тем девушка также обратила на Фернана внимание. Постоянно оглядываясь на испанца, она чуть не допустила ошибку и не позволила трем фуриям в масках себя поймать.

– Перестань так пялиться на девчонку, ты ее смущаешь! – настойчиво пробормотал стоящий рядом Себастьян.

– Ну и что? – самодовольно поинтересовался Фернан. – Для того она и танцует, чтобы на нее любовались.

– Кто знает, в чем суть ритуала? А вдруг, если она попадет в лапы к этим трем мегерам, то ее зарежут на алтаре?

Такая мысль не приходила Фернану в голову. А ведь Себастьян может оказаться прав! Гонсалес вовсе не желал танцовщице смерти и потому, с немалой досадой, вынужденно переключил свое внимание. Он начал рассматривать музыкантов. Особенно его заинтересовал один трубач. Тот держал двумя руками морскую раковину – большую, причудливо раскрашенную, закрученную в спираль. Время от времени он подносил ее к губам и воздух оглашался низким рокочущим звуком. Грозный рев раковины служил отличным аккомпанементом для трех чудовищ в масках. Они выглядели прямо как исчадия ада, так что музыка их должна была сопровождать соответствующая.

Бросая иногда взгляды на подмостки, Фернан заметил, что действие подходит к концу. Улыбающаяся девушка в зеленых перьях, единолично завладевшая его вниманием, оставалась одна в центре сцены. Остальные отступили назад, поблекли, стали всего лишь фоном. Воз-

можно, так и полагалось по сюжету. А может быть, Фернан просто никого вокруг больше не видел.

Танцовщица его очаровала. Она продолжала свое выступление, полностью отдаваясь танцу. Тело девушки, смазанное каким-то маслом, блестело как жемчужина в лучах солнца. Движения ее, то плавные и текучие, то резкие и энергичные, отмеченные небывалой пластикой, не позволяли даже на миг отвести от нее взгляд.

Оркестр смолк. Лишь тихий звон колокольчиков на запястьях и лодыжках сопровождал представление, да еще иногда откуда из-за сцены ему вторил перестук одинокого барабана. Восхищенный Фернан старался даже не моргать, чтобы ничего не упустить. Такого выступления он еще никогда не видел.

Но вот танец подошел к концу. Многочисленные зрители разразились буйными криками, выражая свою радость. Девушка замерла в центре сцены, торжествующе улыбаясь. Но хотя улыбка и предназначалась всем, глаза ее смотрели лишь на Фернана. Она как будто ждала от него какой-то реакции – одобрения, похвалы, восторга.

Гонсалес, разгоряченный танцем и вниманием красавицы, не стал долго раздумывать. Не зная, как выразить свое восхищение словом или жестом, он рванулся вперед. Проскользнул между двумя музыкантами и одним прыжком взлетел на подмостки. Через мгновение девушка уже была в его объятиях. Себастьян внизу проклинал все на свете, злясь на себя из-за того, что не предугадал поступка своего молодого друга.

То, что началось дальше, Фернан помнил плохо. Толпа разразилась криком, по которому совершенно невозможно было понять – вызвал ли его поступок возмущение, одобрение, удивление или гнев? Через рев индейцев до ушей Гонсалеса все же донеслись слова, сказанные на знакомом языке:

– Фернан, черт бы тебя взял, убери руки от этой красотки! Кто знает, что сейчас будет! Может, это дочь вождя!

Предупреждения Себастьяна в это мгновение ничего не значили для Гонсалеса. Девушка в его объятиях замерла, не пытаясь вырваться или убежать. Она прижалась к испанцу, положив узкие ладони ему на грудь. Он явственно слышал бешеный стук ее сердца, то ли еще не успокоившегося после танца, то ли взбудораженного его поступком. Она была заметно ниже испанца и неотрывно смотрела ему в глаза снизу вверх. Взгляд, немного смущенный, немного робкий, был не менее очарователен, чем весь ее танец.

Продолжалось все это недолго. Почти вслед за Гонсалесом на сцену взобрался Себастьян, взбешенный и ругающийся на чем свет стоит. Риос схватил друга за плечо, требуя, чтобы тот немедленно пришел в себя. Девушка, воспользовавшись тем, что Фернан на мгновение отвлекся, выскользнула у него из рук и упорхнула со сцены, скрывшись в толпе. Испанцы и сами тут же спустились обратно на землю. Вопреки худшим ожиданиям Себастьяна, никто не спешил их вязать, карать или куда-то тащить. Почетный эскорт из десятка воинов сохранял полнейшее хладнокровие. Лишь их предводитель произнес несколько коротких фраз, сопроводившая речь активнейшей жестикуляцией. Конкистадоры не поняли ни слова.

– Идем отсюда! – предложил Себастьян.

Фернан поначалу хотел заупрямиться, но, обозрев огромную толпу индейцев и поняв, что танцовщица куда-то скрылась, все же согласился.

Испанцы отошли от помоста. Себастьян казался мрачнее тучи, полагая, что эта дерзкая выходка выйдет им боком. Фернан досадливо крутил головой по сторонам, пытаясь хоть где-нибудь увидеть понравившуюся девушку.

– Когда-то в Тунисе мой старый товарищ Родриго провалился в яму с ядовитыми змеями. Так он и то не так резво выскочил оттуда, как ты рванулся на сцену к этой дикарке. Можно подумать, ты впервые в жизни девушку увидел! Ну и чего добился в итоге?

– А чем я в итоге поплатился? – огрызнулся Фернан. – Ты так говоришь, как будто нас за мой поступок тащат на плаху. Ничего плохого не произошло.

– Подожди, еще не вечер...

– Вместо того чтобы читать мне морали, помог бы лучше ее найти. Проклятье! Здесь столько людей. Попробуй разглядеть куда она скрылась.

– Не вздумай досаждать ей своим вниманием! Раз уж она от тебя сбежала, значит у нее для того были веские причины.

– К черту! – вспыхнул Гонсалес. – Девчонка мне понравилась. Если какого-нибудь индейца мой поступок оскорбил, то я готов принять вызов на поединок.

– Надо было не упрячиться, когда тебе вечером предлагали любовницу! Ее специально к нам во дворец для этого привели. А ты вчера крутил носом, а вот теперь такое учудил. Кто тебе сказал, что можно досаждать любой понравившейся тебе девушке?

Фернан предпочел отмолчаться.

«Мальчишка оказался не только обузой в походе, но еще и источником неприятностей в городе, – угрюмо думал Себастьян. – Как можно быть таким легкомысленным?»

Вслух Риос, разумеется, ничего такого не сказал. Он хотя и досадовал на Фернана, но помнил, что ссориться им нельзя. В конце концов, они тут всего вдвоем. Два цивилизованных человека среди тысяч диких язычников. Другого товарища у него все равно нет, так что нужно ценить этого. Да вот только сохранит ли он этого товарища?! Умудренный тяжелым жизненным опытом, Себастьян привык всегда ожидать худшего. Он полагал, что эта выходка еще принесет Фернану неприятности.

Прослonyaвшись по городу еще некоторое время, конкистадоры решили возвращаться в свое жилище. Там уже ждал старый мудрец, пытавшийся обучить их местному языку. И не только он. Немного позади переводчика стояла та самая красавица, которую Фернан тщетно разыскивал. На этот раз одежды на ней было куда больше. Длинное пестрое платье опускалось ниже колен. Плечи укрывал короткий легкий плащ. На груди сверкало золотом и нефритом массивное ожерелье. В густых черных волосах, уложенных в высокую прическу, сверкал жемчуг. В противовес раскованному и самоуверенному поведению во время представления, сейчас девушка казалась застенчивой и робкой. Темные глаза, почти скрытые пушистыми ресницами, смотрели в пол.

Старый индеец что-то сказал, обращаясь к испанцам и указывая рукой на танцовщицу. Та, преодолевая скованность, сделала шаг вперед, склонилась, коснувшись пальцами пола, затем поднесла их к губам – жест почтительного приветствия, уже неоднократно виденный конкистадорами. После чего она произнесла несколько фраз. Мелодичный голос звенел серебряным колокольчиком, но смысл остался вне понимания испанцев. Наткнувшись на такой барьер, девушка смущенно замерла, опустив голову и время от времени бросая из-под длинных ресниц застенчивые взгляды на Гонсалеса. Лишь иногда на губах ее мелькала легкая улыбка.

– Фернан, похоже, тебя решили осчастливить этой красавицей!

– А ты на меня еще бурчал, отчитывая за необдуманное поведение, – самодовольно ответил Фернан. – Удача улыбается храбрым.

– Оно и видно! – тут же остудил его Себастьян. – Знаешь, сколько храбрецов погибло у меня на глазах? Да и нам с тобой не так уж повезло. Кто знает, когда мы сумеем отсюда выбраться? Хотя, ты теперь, наверное, не будешь так уж сильно спешить вернуться на Кубу. Я бы уж точно не торопился расстаться с такой красоткой.

Догадки испанцев подтвердил переводчик, который настойчивыми жестами показал Себастьяну, что им нужно уходить из комнаты, оставив Фернана наедине с девушкой.

– Ладно, похоже, на этот раз ты прав. Твоя необдуманная выходка не грозит нам проблемами, – нехотя признал Риос. Однако он тут же спохватился и добавил. – Но это вовсе не значит, что ты можешь и дальше своевольничать! Думай в следующий раз головой!

– Ступай уже, Себастьян, – рассеянно махнул рукой Фернан. – Утром все обсудим.

Он, не отрывая глаз, смотрел на девушку. И не знал, как к ней подступиться. Она стояла, скромно потупившись, и только нервно покусывала губу. Тогда, на сцене, танцовщица привлекала внимание многочисленных зрителей, манила к себе уверенным поведением и дерзким взглядом. В тот момент все мужчины были очарованы ею, однако ни один не решился бы вот так броситься на сцену, грубо вмешиваясь в ритуальный танец. Но Фернану тогда некогда было смотреть по сторонам и он, разгоряченный ее выступлением, искренне верил, что она старается для него одного.

Теперь же эта самая девушка стояла в скромной позе, задрапированная, как в броню, в многочисленные одежды. Ее сдержанное поведение и застенчивый вид больше не несли в себе никакого призыва. Во время танца она, казалось, только и мечтала, чтобы Фернан подбежал к ней и заключил в объятия. А теперь подобный поступок представлялся ему грубым и бесцеремонным. Такую целомудренную девушку грешно было, наверное, и пальцем тронуть.

Гонсалес открыл рот, но понял, что ничего не может ей сказать... Он давно поднаторел в искусстве делать девушкам комплименты и знал, как пылкими речами добиться благосклонности очередной красавицы. Но здесь все его красноречие оставалось бессильным.

В итоге его выручила сама танцовщица. Как только все посторонние вышли из комнаты, она подняла голову и сделала три шага вперед, очутившись совсем рядом с Фернаном. Во взгляде ее глубоких карих глаз больше не было даже намека на робость. Она смотрела на испанца уверенно и решительно, так же, как и сегодня днем, во время выступления. Девушка коснулась рукой плотного узла на плече и плащ, как будто сам по себе, соскользнул с ее плеч. Она улыбнулась и произнесла несколько слов, положив руку на щеку Фернану. Он, не испытывая больше никаких сомнений, заключил ее в объятия. Танцовщица мелодично рассмеялась и прижалась к испанцу.

Следующее утро Гонсалес встречал с чувствами человека, которому больше нечего желать. Чика его просто очаровала и он вовсе не желал, чтобы чары когда-нибудь развеялись. Эта прекрасная девушка казалась настоящим подарком судьбы, призванным украсить его жизнь. Наконец-то после всех выпавших на их долю испытаний и злоключений судьба смилостивилась над ним!

Девушка ушла рано утром, что-то нежно прошептав на прощание. Сонный Фернан не разобрал ни слова. Да и много ли бы он смог понять в звуках этой совсем еще чужой речи? Теперь испанец лежал и мечтательно смотрел в потолок. Он чувствовал себя очень одиноко по вечерам, когда Себастьян уходил в соседнюю комнату с очередной любовницей. Сам Гонсалес упорно отказывался от предложенных ему наложниц. Почему он вообще должен соглашаться на какую-то из них?! Хотелось сделать выбор самому... И вот теперь и это желание осуществилось.

Чика ему понравилась и он ей, похоже, тоже. Фернан не сомневался, что он сумеет разыскать эту прекрасную танцовщицу в любой момент или же попросить в этом вопросе помощи у мудреца, который помогает им выучить местный язык.

Скоро из соседней комнаты пришел Себастьян. Увидев, что девушки здесь уже нет, он усмехнулся.

– Твоя красавица исчезла поутру, как фея из сказки. Отправишься на поиски возлюбленной?

– Да, но чуть позже, – мечтательно ответил Фернан. – Сначала позавтракаем.

Пока слуги хлопотали, расставляя блюда и напитки, Гонсалес сказал:

– Ты заметил, с какой угодливостью индейцы предложили мне приглянувшуюся девушку? Я окончательно прихожу к мысли, что мы здесь в особом почете и опасаться больше нечего.

Себастьян промолчал. Настрой Фернана все больше настораживал. Мало того, что его юный товарищ, окруженный почтительными слугами, окончательно размяк и больше не ждет от индейцев никакого подвоха. Так он еще, не ровен час, окончательно влюбится в эту танцовщицу. Риос с тревогой ждал того дня, когда Фернан заведет речь о том, что здесь можно бы и остаться жить. Сам Себастьян не доверял индейцам и ломал голову над тем, в чем подвох их внезапного гостеприимства, граничащего с раболепием.

7. Жизнь у майя

А время шло. Испанцы продолжали свои длительные ежедневные прогулки, знакомясь с жизнью индейцев майя. Поток новых знаний и впечатлений поначалу обрушился на них подобно лавине. Чудес и диковинок оказалось слишком много, вместить их в голову и осмыслить было просто невозможно. Но теперь, несколько свыкнувшись с этим удивительным городом, отойдя немного от шока, конкистадоры начали замечать многочисленные детали.

Мир индейцев во многом оказался совершенно другим, зачастую противоположным тому, к чему они привыкли в Испании. Домашние животные, играющие такую важную роль в Европе, здесь отсутствовали. У майя не было лошадей, коров, свиней, коз или овец. Земледелие также очень отличалось от европейского. Кукуруза, неизвестная в Европе, была главным продуктом питания. Из нее делали муку, пекли лепешки, готовили кашу. Еще выращивали тыквы, кабачки, помидоры и фасоль. Зато в Новом Свете не росли пшеница и овес, рожь и ячмень. Индейцы не использовали никакие плуги, да и кто бы их таскал, раз в этих краях не было лошадей или быков? Почву вскапывали заостренными палками и засевали. Но земля, похоже, давала щедрый урожай.

Также туземцы разводили домашнюю птицу. Одна из них особенно заинтересовала испанцев. Очень большие самцы, крупнее даже лебедя, в окраске которых сочетались в основном черные и белые перья, задранный хвост веером. Ярко-красные головы были лишены перьев и выглядели страшно, как будто их укрывали ожоги. Клюв и шею украшали кожаные серьги. Самки оказались мельче и выглядели скромнее. Это были индюки, совершенно неизвестные в Европе. Такие птицы стали единственными, кто не проявил к испанцам никакого почтения. Стоило конкистадорам из любопытства подойти поближе, как один из самцов раздулся, встопорщил перья и с побагровевшей от гнева головой кинулся в атаку, резко крича и клекоча. Пришлось Себастьяну в целях самообороны пнуть его ногой, после чего индейцы подоспели и отогнали индюка палкой.

Возле города располагались каменоломни, откуда добывали известняк. Работники деловито вытесывали ровные блоки, из которых возводили самые разные постройки. Часть известняка перемалывали, получая скрепляющую смесь наподобие цемента, а также основу для штукатурки. Скульпторы создавали из камня и глины изваяния невиданных существ и барельефы, украшающие стены зданий.

В этом затерянном среди джунглей городе оказались настоящие мастерские, в которых плели корзины и циновки, вили веревки и делали посуду. И это было удивительно. Фернан и Себастьян на каждом шагу видели доказательства развитой культуры индейцев. Перед глазами конкистадоров в сотнях мелких аспектов открывалась настоящая цивилизация. Кто мог ожидать найти ее здесь, за тысячи миль от Европы?

Чика окончательно перебралась к Фернану. Она ночевала всегда с ним, но утром частенько пропадала. Гонсалес не мог знать заранее, вернется ли она через час, к обеду или поздно вечером. У девушки была и своя жизнь, неизвестная конкистадорам. Испанцы пока не сумели разобраться в ее статусе. Кем считалась Чика в местной иерархии? Танцы на сцене во время праздников – это почетно или же зазорно? Есть ли у нее родственники? Где она жила раньше, чем занималась? Ответов на эти вопросы не было.

Девушка часто сопровождала испанцев во время прогулок по городу. Она не могла похвастаться косоглазием или скошенным лбом – чертами столь привлекательными в понимании индейцев – но Фернан видел, какими восхищенными взглядами провожают ее мужчины. И тот факт, что эта красавица принадлежит ему, наполнял душу молодого человека гордостью.

Вот уже почти месяц испанцы провели в этом странном плену. В их жизни ничего не менялось. Они все так же свободно бродили по городу, окруженные эскортом воинов и слуг,

наряжались в богатые одежды, ели самые изысканные блюда, упражнялись в местном языке. И время от времени задавались вопросом – чего же хотят от них индейцы?

Фернан, по самой своей природе любопытный и жадный до знаний, совал нос повсюду, куда только можно. Как-то он увлекся работой одного скульптора. Немолодой уже мужчина, худой, жилистый, в одной набедренной повязке долго крутился вокруг квадратной серой глыбы. Известняковый монолит, высотой не уступающий человеку, стоял возле недавно возведенного в центре города здания. Похоже, именно здесь и будет стоять творение, скрытое пока под слоем камня.

Арсенал мастера состоял из целой дюжины каменных резцов, топориков и зубил. Рядом лежали еще и молотки самых разных размеров. Скульптор хватал то один инструмент, то другой, примерялся и со знанием дела сноровисто долбил глыбу. Потом брал в руки тесму с разметкой и скрупулезно замерял результаты своей работы, соблюдая известные лишь ему размеры и пропорции.

Первый этап создания статуи испанцы пропустили. Сейчас процесс был в самом разгаре. Боковые грани стелы оставались гладкими. Похоже, что выпуклое изображение подразумевалось лишь на лицевой стороне. Под ударами твердого базальтового резца постепенно проступали черты задуманного творцом. Фигура, в которой человеческие черты в равных долях смешивались с чудовищными. Руки, сложенные на животе, ноги и торс выглядели вполне обычно, но голова оказалась огромной, гипертрофированной. Из раскрытого рта вываливался длинный язык, опускаясь до самого массивного квадратного подбородка. Глаза были непомерно велики, крючковатый нос напоминал клюв хищной птицы. Лоб украшал сложный орнамент, а над ним скалилась клыкастая пасть дракона, готовая, казалось, вцепиться в макушку человека.

– Зачем они повсюду делают изображения чудовищ? – вполголоса спросил Фернан. – Ты хотя бы где-нибудь здесь видел прекрасную скульптуру?

– Не видел, – признал Себастьян. – Кстати, морда этой твари больше всего похожа на маску того мясника, который вырезал сердце девушке на вершине пирамиды.

Испанцам сложно было принять такое искусство. В Европе шел триумфальный расцвет Возрождения. Несравненные гении – Леонардо, Микеланджело, Рафаэль – к этому времени создали величайшие произведения. Другие выдающиеся мастера творили свои шедевры. Картины, скульптуры, барельефы воспевали красоту человеческого тела. Как религиозные, так и мифологические сюжеты стремились запечатлеть в камне, металле, красках совершенство линий. Передать абсолютную гармонию. В Испании и Италии статуи пророков, Девы Марии или античных героев ваяли с таким искусством, что они казались живыми людьми, заключенными в непроницаемую темницу мрамора или бронзы.

Разумеется, европейцы, столкнувшись с традициями скульптуры, принятыми у майя, не могли оценить их привлекательность. Но вот что не подлежало сомнению, так это мастерство индейцев. Человек на барельефе, сколь бы отталкивающей внешностью он не обладал, удивлял тонкостью работы и мощностью производимого впечатления. Глаза на огромной голове смотрели свирепо и требовательно, толстые губы правдоподобно кривились в насмешке. Казалось, что могучие руки только и ждут момента, чтобы протянуться вперед и схватить зазевавшегося прохожего. Перья, украшавшие голову, выглядели вполне настоящими, так изящно они были выточены. Казалось, что стоит подойти, махнуть рукой и они осыплются вниз.

Подобные барельефы не раз попадались на глаза конкистадорам. Они уже знали, что эта работа еще не завершена. После того, как скульптура будет окончена, ее раскрасят, что придаст композиции еще большую художественную силу. То есть, с точки зрения испанцев, изваяние станет еще более мрачным и устрашающим. Грозные глаза обретут внимательные зрачки, перья и одежда запестреют яркими цветами. Весь барельеф заиграет самыми разными оттенками. Диким и непривычным, хотя и искусным был этот монумент.

Впереди Фернана и Себастьяна ждало немало интересного. Перед ними открывались любые двери. И время от времени испанцы этим пользовались. Заходя в мастерские, они наблюдали за ремесленниками, которые воспринимали это любопытство с восторгом. Водя гостей за собой, мастера показывали им всю специфику своей работы, сопровождая экскурсию подробными комментариями. Мало что удавалось понять из этих объяснений, но глаза помогали там, где оказывалась бессильна речь. Так конкистадоры постепенно увидели, как местные жители делают посуду, ткут ткань и обрабатывают нефрит.

Чика почти всегда сопровождала испанцев во время этих прогулок. То, что их удивляло и интересовало, казалось ей совершенно обыденным и вряд ли достойным внимания. Тем не менее, девушка надолго не оставляла Фернана одного. Она терпеливо бродила с конкистадорами по городу, стараясь объяснить им все, чего они не понимали. Там, где слова оказывались бессильны, в ход шли мимика и жесты. Работники в мастерских кланялись ей ничуть не меньше, чем самим испанцам. Она же общалась со всеми дружелюбно и с самой искренней улыбкой.

– Себастьян, а ты заметил, как уважительно мастера, воины и слуги из нашего эскорта относятся к Чике? – задумчиво спросил Фернан. – Как считаешь, это из-за того, что она сопровождает нас? Или девушка сама по себе обладает каким-то высоким статусом?

– Ты уже наверняка размечтался и в своих фантазиях видишь ее принцессой? – хмыкнул Риос.

– А почему бы ей и не быть принцессой? – с вызовом спросил Фернан. – Нам тут почести оказывают королевские, так что и спутницы у нас должны быть соответствующие.

Себастьян промолчал, но мысли его одолевали все более тревожные. Он, перепробовав несколько любовниц, тоже решил сделать окончательный выбор, и обзавелся постоянной наложницей. Риос пренебрег местными канонами красоты и остановился на девушке, которая не могла похвастаться заостренными зубами, многочисленными татуировками или деформированной головой. Себастьян предпочел невысокую хрупкую девчонку, стройную и смуглую, с нежной кожей и шелковистыми волосами, удивительно искусственную в любовных вопросах.

Но он относился к ней исключительно как к наложнице и знал, что с легким сердцем сбежит из города, как только они будут готовы. А вот сумеет ли Фернан расстаться с Чикой?

«Мальчишка окончательно размяк, – хмуро думал он. – Со своей танцовщицы глаз не сводит. Да и лицо такое влюбленное и мечтательное, что смотреть тошно. Дойдет до того, что Фернан потребует взять ее с собой, когда мы надумаем сбежать. Тут и самим выбраться из джунглей будет тяжело, куда еще тащить с собой девушку?»

Гонсалес же наслаждался обществом Чики и столь далеко вперед пока не заглядывал. Он вообще толком не думал о том дне, когда им предстоит сбежать. Тем более что мир индейцев таил еще так много интересного! Ни кто иной, как именно Чика привела испанцев в мастерскую по обработке перьев. Искусство, с которым местные жители их обрабатывали, вызывало изумление.

Зайдя в одну из мастерских, конкистадоры стали свидетелями создания живописного плаща. Немолодая уже женщина работала за ткацким станком. Рядом на столе лежал готовый рисунок, выложенный из перьев. Постепенно, один за другим, она вплетала их в материю. Долго европейцы наблюдали за этой кропотливой и трудоемкой работой. Плащ постепенно вырисовывался, украшенный сложным узором. А ведь таких изделий они видели в городе немало. Трудно было вообразить, сколько же времени и сил нужно для сбора перьев, изготовления сотен плащей, накидок и платьев.

Однако одеждой использование перьев не ограничивалось. Они покрывали тканые ковры и большие яркие флаги, использовавшиеся в ритуальных церемониях. У богатых индейцев испанцы часто видели веера, а огромные пышные опахала на длинных деревянных ручках защищали вождей от солнечных лучей. Толстые хлопковые куртки, которые служили здесь

доспехом, тоже обшивали перьями. Высокие плюмажи, а то и настоящие короны украшали головы жрецов и знати. Нечто похожее испанцы постоянно видели и вокруг себя. Такие же мозаики из перьев на стенах их дворца, веера в руках слуг, украшения на одежде. Все это снова наталкивало на мысль о том, что им тут оказывают непонятное и незаслуженное почтение.

Но самое удивительное ждало впереди. В одном здании они лицезрели процесс изготовления бумаги. Это было большое помещение, в котором работало около двадцати индейцев. Работа шла непрерывно. Одни приносили откуда-то с улицы длинные волокнистые полосы (опытный Себастьян объяснил, что это, скорее всего, внутренний слой коры какого-то растения), другие варили их в глиняных чанах. Затем эти полосы вынимали, складывали, выравнивали по каким-то меркам, усердно били специальными каменными молотками. Процесс занимал много времени. Получившиеся листы то чем-то смачивали, то выносили наружу и сушили на солнце, то терли каменными скребками. Увидеть результат их стараний можно было здесь же. В мастерской лежало несколько готовых изделий – длинных полос толстой плотной бумаги.

Один из мастеров с поклоном подвел испанцев к стопке и жестом предложил прикоснуться.

Фернан провел пальцами по слегка шершавой поверхности.

– Удивительно хорошая бумага, – признал он. – Плотная, хоть и довольно серая. Пожалуй, не намного хуже той, что можно встретить и в Европе. Интересно, зачем она дикарям?

– Кто знает, – пожал плечами Себастьян. – Она довольно прочная. К тому же, смотри, какие полосы длинные. Шагов пять в длину. Ее можно и в качестве ткани использовать.

Недолго пришлось испанцам ломать голову над тем, для чего индейцам нужна бумага. Ответ ждал, как ни странно, в том самом дворце, который служил им резиденцией. Отправившись однажды гулять по его коридорам, они наткнулись на комнату, где сидел писец. Он, как и прочие местные жители, относился к пленникам почтительно и, поприветствовав их поклоном, показал результат своей работы.

Перед конкистадорами лежала книга. Самая настоящая книга из уже знакомой бумаги. Листы, покрытые тонким слоем какой-то смеси, похожей на штукатурку, стали ослепительно-белыми. К первой и последней странице были приклеены тонкие деревянные обложки. Развернутая, она достигала длины в добрых шесть шагов. На белой поверхности отчетливо виднелись места сгибов. Очевидно, что она складывалась в виде гармошки. Самым же поразительным было то, что вся она пестрела сложными разноцветными символами.

Возле книги стояло несколько глиняных баночек с красками разных цветов, а в руке писец держал две кисточки. Конкистадоры переглянулись, не находя слов, чтобы озвучить свое изумление. Значки, запечатленные на листах, казались такими же необычными, как и все здесь, но испанцы сообразили, что это буквы.

Фернан присел возле книги и, не веря своим глазам, провел пальцем вдоль символов. Выглядели они очень разнообразно. Каждый значок напоминал миниатюрный рисунок или герб. Многочисленные завитушки, кружки, точки, линии. Некоторые походили на изображения гротескных лиц – с тяжелыми челюстями, толстыми губами, крючковатым носом. От богатства красок и обилия мелких деталей начинали болеть глаза. Букв оказалось много. Гонсалес насчитал около восьмидесяти самых разных.

– Воистину, этого я не ожидал, – Фернан поднял на друга изумленные глаза. – Себастьян, похоже, что у дикарей есть своя письменность.

– Да, и она еще более причудливая, чем у арабов, – ответил Риос. – Я уже не знаю, чего ждать дальше. Завтра, не ровен час, мы обнаружим, что у индейцев хранятся карты земли, на которых есть очертания не только этих мест, но даже Европы и Африки.

Склонившись над рукописью, испанцы в изумлении рассматривали разноцветные значки, глянцевито блестящие на белой поверхности. Буквы располагались столбиками. Конечно, нечего было и мечтать о том, чтобы прочитать написанное.

Оставив писца в одиночестве, конкистадоры вышли на улицу. Это открытие поразило их едва ли не больше, чем гигантские пирамиды, возвышающиеся посреди города. Лишь теперь они в полной мере осознали, что здесь, на другом краю света, существует цивилизация, которая не слишком сильно уступает европейской.

– А ведь у них и стены дворцов, и барельефы, и каменные стелы также зачастую покрыты подобными рисунками, – изумленно произнес Фернан. – Подумать только, здесь кругом буквы. Наверное, вся история этой земли записана, а мы не можем ее прочитать.

– У них нет железа, почти нет домашних животных, они не используют колеса, – перечислил Себастьян. – Как они умудрились достичь такого развития?

Отсутствие колес уже не раз обращало на себя внимание испанцев. Они пару раз видели, как индейцы перетаскивали большие каменные плиты, подкладывая под них катки из толстых ровных бревен. Но на этом использование принципа вращения и завершалось. Нигде им не попадались на глаза телеги или хотя бы самые простые тачки. Ни разу не видели они, чтобы какую-то тяжесть поднимали вверх веревками, перекинутыми через блоки. Даже гончары делали свою отличную посуду без гончарных кругов, просто вылепляя будущие горшки и кубки пальцами и выглаживая бока специальными изогнутыми дощечками.

Чем больше времени проходило, тем больше свидетельств высокой культуры обнаруживали конкистадоры в этих краях. Постепенно преодолевая языковой барьер, они находили ответы на многие вопросы. Цивилизация индейцев открывалась перед ними во всей красе. В городе находились настоящие цирюльни, где посетителей стригли и брили. Себастьян даже отважился посетить одну из них. Вернулся он идеально выбритым и с укороченными волосами. Кожа на подбородке, до того скрытая бородой, была очень бледной и резко контрастировала с загорелым лицом. Такая, казалось бы, мелочь изменила его до неузнаваемости. Себастьян неосознанно ерошил свою вьющуюся русую шевелюру, постепенно привыкая к новой причёске.

– В качестве бритвы используют лезвия из обсидиана. Острые, не дай бог! Но, вообще, молодцы. Ловко орудут, черти! У меня ни одного пореза. Не хочешь и сам сходить?

Фернан к этому времени отпустил волосы. Черные крупные кольца уже ложились на плечи. Иногда он собирал их в хвост, перевязывая тесьмой. Свою пока не густую щетину он раз в два-три дня атаковал бритвой, найденной в сумке Себастьяна.

– Ну уж нет, спасибо, – буркнул Гонсалес. – Вряд ли я буду себя спокойно чувствовать, когда какой-нибудь дикарь подберется к моему горлу с отточенным лезвием.

– Дело твое. Еще месяца два-три и сможешь себе на голове соорудить такую шикарную причёску из косичек, что любой индеец умрет от зависти. А там и до проколотого носа недалеко.

Цирюльня была всего лишь очередным проявлением высокой культуры местных жителей. Архитектура, непривычная, но искусная живопись, сельское хозяйство раз за разом подчеркивали развитие индейцев. Центральную часть города пересекали ровные дороги. И даже за его пределами испанцы обнаружили два тракта. Один из них тянулся на юг, второй – на запад. Сделанные в виде длинных прямых насыпей из камней и щебенки, с отлично утрамбованным покрытием, они возвышались над уровнем окружающих полей, теряясь где-то за линией горизонта. Таким дорогам не страшны были ливни и непогода и по ним постоянно передвигались торговцы и путешественники.

Но все же наиболее занимательной сферой деятельности оказалась торговля. На базаре царил строгий порядок. Со временем испанцы выяснили, что на рынке есть специальные сановники, которые следят за тем, чтобы торг велся честно и без обмана. В городе находились специальные постоянные дворы, где останавливались купцы. Поскольку ни лошади, ни быки, ни верблюды здесь не водились, то таскать все приходилось просто на своих плечах. Торговый караван выглядел примерно так: длинная вереница носильщиков, каждый из которых несет

на спине большой тюк. Носильщики как на подбор были крепкие, кряжистые и удивительно выносливые люди. Каждый из них мог нести ношу в треть собственного веса на протяжении целого дня.

Никакой единой валюты не существовало. Иногда шел простой прямой обмен, когда одни товары меняли на другие. Но все же некоторые предметы широко использовали в качестве денег: маленькие слитки меди, рулоны ткани, красивые мелкие ракушки или какао-бобы. Золота в этом регионе оказалось мало. Лишь небольшие партии этого металла в ювелирных изделиях попадались на рынке. Даже у местной знати золотых украшений было немного. Здесь выше всего ценился нефрит, а еще и вправду великолепные, длиной в руку взрослого мужчины, зеленые перья. Позволить себе такой плюмаж могли лишь самые богатые люди.

Какао конкистадоры оценили по достоинству. Перемолотые зерна заливали кипятком, добавляли соль, специи и в итоге получался пенистый, терпкий напиток, бодрящий и придающий сил. Иногда, наоборот, вместо соли добавляли мед и ваниль. Увидев, что белолицые чужаки не оценили спиртное, которое здесь делали из перебродивших растений, индейцы с тех пор поили их почти только какао. Испанцы поначалу не восприняли это как что-то необычное. Лишь со временем, вволю побродивши по базару и увидев, что здесь бобами расплачиваются как в Европе монетами, Фернан и Себастьян поняли, что их тут потчуют в буквальном смысле жидкими деньгами. Это в очередной раз стало поводом для вопроса – а почему к ним такое почтительное отношение?

Жизнь индейцев открывалась перед испанцами все больше. Многим загадкам находилось вполне обыденное объяснение, что, однако, не облегчало их понимания. Например, косоглазие, столь широко распространенное среди местного населения, оказалось искусственным. Конкистадоры заметили, что у маленьких детей перед глазами болтается какой-то шарик, привязанный к волосам ниткой. Шарик этот был невелик, не больше абрикосовой косточки, и ребенок постоянно косил на него глазами.

– Думаешь, из-за этого здесь половина людей косоглазых? – поинтересовался Фернан.

– Похоже на то, – задумчиво произнес Себастьян. – Постепенно глаза привыкают пялиться на этот шарик, после чего его снимают. У взрослых я ни разу не видел таких бусин. Меня больше интересует, зачем они это делают? Может, это какой-то оберег? Или украшение? Неужели индейцы не понимают, что дети вырастают и выглядят как дурачки?

– Взрослые стараются сделать потомков похожими на себя. Ох и странная здесь мода.

– Я однажды слышал, что в Африке есть племена, которые украшают головы куском мяса. Считается, что человек тогда выглядит просто неотразимым. Можно представить, какой нимб из мух и прочей мошкеры окружает головы таких модников.

Некоторые процедуры были очень болезненными. Шраммирование, татуировки, сверление зубов, чтобы инкрустировать их камнями или ракушками. Не говоря уж о сережках, которые у индейца могли торчать чуть ли не из любой части лица.

Однажды испанцы стали свидетелями того, как мужчине прижигали кожу на макушке. Индеец, подвергнутый этой операции, сидел, стиснув зубами деревяшку, крепко сцепив ладони, и стоически переносил боль. Он не был связан, не пытался сопротивляться или отбиваться. Рядом с ним суетился экзекутор. Держа в руках небольшую раскаленную медную пластину с деревянной рукоятью, он со знанием дела прикладывал ее к голове. Раздавалось шипение, в воздухе распространялся запах горелой плоти. Затем мастер или палач – конкистадоры не знали, кем считать руководителя процедуры – отнимал пластину и любовался результатом. Затем подогревал свой инструмент в огне и снова прикладывал к голове сидящего перед ним человека.

– Думаешь, это наказание? – шепотом спросил Фернан.

– Если и наказание, то очень распространенное, – так же тихо ответил Себастьян. – Обрати внимание, здесь у многих дикарей кожа на макушке в ожогах. Скорее всего, это созна-

тельная попытка уничтожить волосы. Хорошо, что в Европе монахам тонзуры не выжигают, а просто выбривают. Здесь люди к полумерам не привыкли. Дикари, что с них взять. Один раз постарались, зато результат на всю жизнь.

– Идем отсюда, меня от этого запаха мутит.

Особенно шокировало испанцев зрелище подточенных пемзой зубов, которые в итоге приобретали заостренную треугольную форму. Улыбка такого человека могла не на шутку перепугать неподготовленного человека.

– Все эти процедуры наталкивают меня на мысль, что индейцы считают человеческую внешность несовершенной и стараются на свой лад исправить недочеты природы, – сказал как-то Фернан. – Короче, для них тело – это податливая глина, которую было бы преступлением оставлять в первозданном виде.

– Что же тут удивительного, – ответил Себастьян. – Чем больше украшений, тем, по местным меркам, красивее. Сам видишь, простые крестьяне ходят в обычных однотонных набедренных повязках, а у вождей вся одежда пестрит узорами, вышивками и бусинами. Да и на головах настоящие короны из перьев. То же самое касается домов. Хижина бедняка ничем не примечательна, зато любой дворец стоит на каменной платформе, к тому же испещрен барельефами, красками и лепниной.

Все странности, увиденные в этом городе, требовали объяснений. И конкистадоры упорно пытались понять речь индейцев. Вскоре Фернан осознал, насколько ему повезло с девушкой. Чика была не просто красивой танцовщицей. Она оказалась незаменимой помощницей. Живая, энергичная и непоседливая, она, тем не менее, проявляла недюжинную усидчивость и терпеливость, когда дело касалось изучения языка. Видимо, тоже очень хотела поговорить с Фернаном. Чика могла без устали повторять Гонсалесу какое-то слово и слушать, как он его произносит до тех пор, пока оно не начинало звучать более-менее правдоподобно.

Местный мудрец проводил с испанцами не так и много времени, а вот Чика была рядом почти постоянно. Благодаря ее участию изучение языка продвигалось быстрее. И Фернан с восторгом расписывал Себастьяну то, как Чика ему помогает. Риос только хмуρο кивал, но подозрения его крепили с каждым днем. Мальчишка все-таки влюбился! Конечно, выучить речь индейцев нужно как можно быстрее, но что-то Фернан уж слишком много внимания уделял своей танцовщице. В восемнадцать лет сложно не влюбиться в красивую девушку. Себастьян с тяжелым сердцем ждал от этого любовного наваждения каких-то неприятностей в ближайшем будущем.

Обучение давалось Гонсалесу с трудом. Любое не слишком длинное новое слово вело себя покладисто, когда он его учил, но стоило отвлечься буквально на пять минут, как буквы в памяти начинали прыгать и меняться местами. Голова, забитая обрывками чужих разговоров, бесконечным нагромождением звуков и ударений, гудела как колокол. Из этой каши невозможно было выделить хоть одно недавно выученное слово. Фернану иногда казалось, что он такими темпами скорее забудет испанский язык, чем выучит индейский.

Чика иногда не могла удержаться от смеха. Слушая потуги Гонсалеса овладеть ее речью, она поначалу мужественно боролась с весельем, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимое выражение лица. Но и ее терпению рано или поздно приходил конец и девушка разражалась хохотом. Титанические усилия, которые испанец прикладывал, и полное отсутствие результата зачастую приводили его в бешенство. Видя, что Фернан выходит из себя, она начинала его поддразнивать. Чика потешно хмурилась, закусывала нижнюю губу, ожесточенно терла подбородок и медленно, по буквам произносила те же слова, над которыми бился он сам. Потом вскакивала и начинала ожесточенно бегать из угла в угол, стуча кулаком одной руки по ладони другой, грозно выкрикивая при этом испанские ругательства, полностью пародируя поведение Фернана. Глядя на эти сцены, он и сам не мог удержаться от смеха. Раздражение его рассеивалось, он сноровисто ловил за талию пробегавшую мимо девушку и привлекал к себе.

– Что и говорить, к языкам у тебя большая способность, – говорил он. – Ругаться по-испански ты научилась буквально моментально.

Она, разумеется, не понимала ни слова из того что он говорил, но по интонации догадывалась, что ярость его улеглась, и все это благодаря ее шутке. Чика с гордостью улыбалась, поблескивала на Фернана темными глазами и прижималась щекой к его груди.

Гонсалес быстро понял, чего ему не хватает для ускорения обучения. Ему нужна была возможность записать все услышанное. Когда эти непослушные слова окажутся в плену, заключенные в несокрушимую темницу сохнувших на бумаге чернил, то уж тогда они больше не позволят себе переставлять буквы по своему усмотрению. Вот тогда-то он окажется настоящим хозяином положения! Но как объяснить индейцам, что ему нужны перья, краски, кисточки и бумага?!

Фернан вышел в коридор и позвал Себастьяна. Заходить без спросу в его комнату он не решался, понимая, что тот вполне может быть всецело занят общением со своей наложницей. На этот раз Себастьян отозвался сразу же:

– Заходи!

Фернан отодвинул матерчатый полог и шагнул внутрь. Долорес, призванная скрашивать одиночество его товарищу, обеспокоенно смотрела на вошедшего. Назвал ее так сам Себастьян, будучи не в силах запомнить и произнести настоящее имя девушки. Долорес относилась к Фернану насторожено, хотя он и не понимал, почему. Гонсалес, не обращая внимания на замершую в углу девушку, уселся на кровать рядом со своим товарищем и спросил:

– Как думаешь, дикари снабдят нас бумагой?

– Разумеется, – рассеянно ответил Себастьян. – Сам видишь, они предоставляют нам все самое ценное. Дворец, пища, украшения, роскошные одежды, прекрасные девушки. И я в очередной раз задаюсь вопросом – чем нам придется за все это платить?

– Ты все еще ждешь от них подвоха? – с легким раздражением спросил Фернан.

Сам Гонсалес, сказать по правде, настолько свыкся с почитанием местных жителей, что почти и не вспоминал о том, что они, по сути, пленники. Молодой и богатый аристократ, он вел здесь столь же праздную жизнь, как и в родной Севилье. Прислуга обеспечивала его всем необходимым для комфортной жизни, и он понапрасну не ломал голову. Рано или поздно нужно будет отсюда сбежать. Но пока что можно наслаждаться роскошью и почтением окружающих.

– Фернан, я не вчера родился на свет, – с усмешкой ответил Себастьян. – Мы ничего не получаем даром. Так в турецких притонах доверчивых людей приобщают к курению гашиша. Первые несколько раз угощают бесплатно. Дурачки верят, что это дармовое угощение. Но постепенно втягиваются и уже не мыслят себя без этой дряни. Готовы что угодно сделать, только бы вновь надыхаться дымом. Хоть деньги отдавать, хоть на убийство пойти. За все приходится платить.

– Ладно, думаю, ворох бумаги не слишком увеличит наш и без того немаленький долг перед дикарями.

– Хочешь записать удивительную историю наших путешествий?

– Может быть, когда-нибудь и до этого очередь дойдет, но сейчас у нас дела поважнее есть. Мы куда быстрее изучим язык, если сумеем записать их слова на бумаге.

– Я об этом уже думал, – со вздохом признался Себастьян. – Даже пытался жестами объяснить слугам, что мне нужно, но, то ли они такие бестолковые, то ли уж я не слишком доходчиво показывал.

– Давай действовать проще, – предложил Фернан. – Идем в мастерскую!

Испанцы отправились на фабрику, где индейцы делали бумагу. Мастера охотно поделились с ними своей продукцией. После этого они пошли на базар. Вскоре конкистадоры вернулись домой, неся, как величайшую драгоценность, ключ к пониманию местных жителей – бумагу и краску. Когда они указали торговцу, что им нужна лишь черная краска, он посмотрел

на них чуть ли не с жалостью, как на умалишенных. Какой же смысл в одном черном цвете? Ведь письмена должны петь на все голоса! Выражать разные чувства, подчеркивать оттенками то, что невозможно высказать просто изображением! И купец щедро выделил им целый десяток баночек всех возможных цветов. Предложенные ему в обмен бобы какао принимать отказался наотрез. Такой подарок стоил немалых денег. Испанцы уже устали удивляться щедрости местных жителей по отношению к двум чужакам.

Возможность писать казалась Фернану настоящим подарком судьбы. Он разложил рулон на столе и задумался. Что же ему делать дальше? Как передать эти звуки, способные свести любого христианина с ума, привычной для него письменностью? Начать с того, что он любое индейское слово произносил неправильно. Как же безошибочно перенести его на бумагу? Да просто невозможно написать эти щелкающие, шипящие, клокочущие, будто кипящая вода, звуки знакомыми ему буквами – в испанском языке зачастую таких звуков попросту не было.

Фернан начал с давно выученных слов: приветствий и некоторых простых названий. Он писал их в столбик, а рядом выводил перевод на испанский язык. С этим проблем не возникало. Гонсалес знал, что он в любой момент сумеет их прочесть, но стоило ему взяться за новые слова, которые он услышал буквально сегодня от своей маленькой красавицы, как трудности появились сразу же. Пытаясь передать какой-нибудь сложный, незнакомый звук, для которого буквы не было, он применял сочетание нескольких букв, но очень быстро понял, что в разных словах он передает один и тот же звук разными сочетаниями.

Гонсалес отложил лист бумаги и задумался. На Себастьяна надежды у него было мало. Тот, разумеется, тоже умел читать и писать, но себя Фернан справедливо полагал куда более образованным. Если уж он с трудом справляется, то что ждать от товарища. Все же он отправился в соседнюю комнату. Себастьян сидел и учился плести сеть.

– Ты только подумай, эти индейцы, даром что дикари, сети плетут такие, что можно быка поймать, – встретил он Фернана. – Немного не так делают, как у нас заведено. Вот, сижу, пытаюсь научиться. Один из местных показал мне, как они ставят ловушки на мелкого зверя. Нужно будет потренироваться. Когда снова отправимся блуждать по этим лесам, то такое умение нам еще ох как пригодится.

– А я думал, ты сейчас тоже над письменностью бьешься, – с укором ответил Фернан.

– Ай! – разочарованно махнул рукой Риос. – Я и бился до тех пор, пока не почувствовал, что схожу с ума. Звуки индейской речи на бумагу не так и просто перенести. Вот решил пока за сеть взяться. Чуть позже опять вернусь к письму.

Объединив усилия, они добрый час бились над тем, чтобы выработать единую систему, позволяющую правильно писать индейские слова. Под конец оба настолько запутались, что решили отложить это дело до следующего раза. Переключились на остальные, не менее насущные проблемы.

Себастьян обладал куда более практичным умом, чем его молодой товарищ. Он постоянно перенимал у местных жителей разные мелкие хитрости и уловки, позволяющие выжить в лесу. Как понять, что фрукт созрел, соком какого растения можно отогнать надоедливую мошкату. Какие змеи и пауки опасны, а какие нет. Какие лианы достаточно прочны, чтобы при необходимости использовать их как веревку. Бесконечная вереница знаний, которыми он постепенно обучал еще и Фернана.

Вечером Гонсалес снова сидел и бился над письменами. Упорство давало свои результаты. Все удлинялись столбики слов, запечатленных на бумаге. Они пополняли словарный запас испанца, приближая его к пониманию индейцев.

Чика с любопытством смотрела на буквы, которые выводил Фернан. Она, не скрывая скепсиса, перебирала исписанные листы, неодобрительно качая головой. Потом посмотрела на испанца чуть ли не с жалостью и молча протянула руку. Фернан, сообразив, чего она хочет, отдал ей кисточку. Девушка тут же с энтузиазмом принялась за работу. Трудилась она долго.

Фернан успел заскучать. Он несколько раз порывался посмотреть на результат ее художеств, но Чика в притворном гневе махала на него узкой ладошкой, отгоняя и не давая посмотреть на рисунок. Она, от старательности высунув кончик языка, долго выводила какие-то линии, очаровательно морщила лобик, что-то бормотала под нос, критически осматривала свое творение. Одним цветом дело не ограничилось. Индианка хватала то одну, то другую кисточку и использовала самые разные краски.

Видя, что работе далеко до финала, Фернан вздохнул и принялся негромко повторять заученные слова индейского языка. Чика, казалось бы, с головой ушла в свою деятельность, но, тем не менее, иногда прыскала, слыша неуклюжие попытки испанца говорить на ее языке.

Приблизительно через полчаса она оторвала взор от своего листа бумаги и с торжеством посмотрела на Фернана. Он понял, что пришло время оценить ее труд, и подошел к столу. Индианка нарисовала целую картину. Довольно устрашающую, следовало признать. Огромная птица, немыслимо когтистая и взъерошенная, расправив широкие крылья, опускалась на землю, где замерла в ужасе человеческая фигурка, закрыв голову руками. Понять страх нарисованного человечка было совсем нетрудно – орел, или кто это был, превосходил размером взрослого мужчину минимум вдвое. Ко всему прочему, в распахнутом клюве торчали огромные кривые клыки, окрашенные темно-красной краской. Таким же багрянцем пылали и когти чудо-птицы. Видимо, до того, как попасть на этот рисунок, она уже успела кого-то загрызть. На голове у нее топорщился хохолок, многообразием красок не уступающий пышным султанам местных вождей. Пушистый хвост с малиновой кисточкой на конце почему-то был задран трубой, ну прямо как у кошки.

Рисунок оказался действительно очень красочным. Чика явно обладала художественным талантом. Ей удалось отлично передать стремительное, резкое движение мощных лап, готовых сомкнуться на теле жертвы, максимальное напряжение мышц орла, нацелившегося на добычу, отчаяние и безысходность миниатюрного человечка. Это был момент высшего триумфа хищника, тот миг, ради которого он и жил. Рядом виднелась обычная тростниковая хижина. Небольшая и довольно простецкая – ей девушка уделила куда меньше внимания, чем живым персонажам своего творения. Она здесь находилась скорее просто как элемент пейзажа. Птица вряд ли поместилась бы в эту хижину.

Чика была своим творением несказанно горда. Стоило лишь посмотреть на ее сияющее личико, чтобы в этом убедиться. Она ослепительно улыбнулась и лукаво посмотрела в глаза Фернану. Он перевел взгляд на исписанные его крупным почерком листы, которые выглядели далеко не так великолепно, как эта чудовищная сцена охоты. Гонсалес сообразил, что Чика так и не поняла, что нарисованные испанцем закорючки – это письменность. Она в них видела только рисунки и справедливо полагала свой шедевр куда более выдающимся, а посему искренне ожидала похвалы.

Фернан вздохнул и послушно сказал по-индейски:

– Красиво!

Это было чуть ли не первое слово, которому его научила Чика. Ей далеко не сразу удалось объяснить ему значение такого отвлеченного понятия, но упорство вознаградилось сторицей. Теперь она готова была по сто раз на день слышать о том, что она красивая, ее лицо красивое, ее глаза красивые, ее губы красивые и, конечно же, ее рисунок тоже красивый.

Чика расплылась в довольной улыбке от услышанного комплимента, усадила Фернана на кровать и сама уселась ему на колени, обвинив руками шею.

– Господи, надеюсь, что эта тварь всего лишь результат богатой фантазии моей красавицы, а вовсе не реально существующий хищник, – пробормотал Гонсалес. – Не хватало еще, чтобы подобное чудовище напало на нас с Себастьяном, когда мы все-таки сумеем сбежать от индейцев. Этот орел размерами не уступает хорошему коню.

Чика непонимающе взглянула на испанца. Тот лишь покачал головой и улыбнулся, показывая, что не сказал ничего важного. Рисунок танцовщицы с этого дня лежал на самом видном месте в центре большого стола, где и полагалось находиться бесспорному шедевру.

Фехтованию конкистадоры по-прежнему уделяли много времени, не допуская никаких зрителей. Слушая из соседней комнаты частый перестук деревянных мечей, Чика сгорала от любопытства. Она уже поняла, что ее белолицый любовник – великий воин. Ну и что из того, что его сумели пленить вообще без боя?! Наверняка, это простая случайность! Почему он так скрывает свое мастерство? Однажды она шагнула к кровати, взяла в руки меч, и подошла к Фернану, протягивая ему оружие. Гонсалес выдернул клинок из ножен и вопросительно посмотрел на нее. Чика устроила целую пантомиму, пытаясь объяснить, что она хочет увидеть, как нужно обращаться с мечом.

Фернан взял в левую руку кинжал. Сделал несколько пробных взмахов, разминая руки, после чего разразился целой серией рубящих, режущих и колющих ударов. Он атаковал воображаемого противника, уходил от мнимых выпадов, наседавал, отступал. Клинки со свистом разрезали воздух. Оценить смертоносность фехтования мог только опытный воин, но девушка, сама прирожденная танцовщица, видела в этом представлении скорее танец. И могла по достоинству оценить его сложность. Чика, едва не прыгая от нахлынувшего возбуждения, с нескрываемым восторгом что-то закричала, сопровождая свою тираду активной жестикуляцией. Она с детской непосредственностью подбежала к замершему испанцу и несмело прикоснулась пальцем к заточенной кромке меча. Ощувив его остроту, она только удивленно ахнула.

– Ты так ничего не поймешь, – сказал Гонсалес. – Пойдем к Себастьяну, увидишь, что такое бой с настоящим противником.

Счастливые и немного запыхавшиеся, они ввалились в соседнюю комнату.

– Себастьян, вставай! Давай покажем, что такое искусство настоящего испанского кабальеро.

Риос, услышав такое предложение, посмотрел на Фернана волком.

– У меня к тебе предложение куда лучше. Отошли свою красавицу, нам нужно серьезно поговорить.

Молодой человек, совмещая слова и жесты, объяснил Чике, что представление откладывается. Девушка разочарованно пожалала плечами, надула губки и вышла.

– Ты что, совсем головой думать разучился? – напустился Себастьян на друга. – Мы же договаривались никому не показывать свое мастерство.

– Ну Чике-то почему нельзя? Подумаешь, девушке хочется посмотреть на нашу тренировку. Когда бы она еще увидела схватку таких бойцов? – Фернана распирало от желания похвастаться своим искусством.

– Проклятье, я смотрю, эта маленькая ведьма так тебя очаровала, что ты уже совсем соображать перестал! Захотелось покрасоваться перед девушкой? Ответь мне на один простой вопрос – ты собираешься возвращаться на Кубу? – серые глаза Риоса смотрели гневно и неодобрительно.

– Конечно, собираюсь! – возмущенно ответил Фернан. – Какие тут могут быть сомнения?

– Самые основательные. Ты с Чикой почти не расстаешься. Язык учишь с ней, отдыхаешь с ней, даже на прогулки по городу она тоже через раз увязывается вместе с нами.

– Вот так претензия! – рассмеялся Фернан. – Можно подумать, ты мало времени проводишь в объятиях своей любовницы.

Разговор предстоял сложный. Себастьян начал его с тяжелым сердцем. Неужели размеренное течение местной жизни, всеобщее почитание да еще эта наложница настолько поглотили Фернана, что он готов забыть обо всем на свете? Больше всего Риос опасался услышать от товарища признание, что тот влюбился в Чику и собирается забрать ее с собой.

– Послушай. Ты правда думаешь, что эта дикарка тебя любит?

Гонсалес не успел ничего сказать. Стоило Себастьяну посмотреть на расплывающееся в довольной улыбке лицо друга, как он сразу же угадал ответ.

– Не обольщайся, Фернан. Нам тут предоставляют все, чего бы мы не захотели. Поселили во дворце, одели как вождей, кормят деликатесами, – перечисляя, Риос загибал пальцы. – Каждый день угощают какао. А ведь оно здесь вместо монет. Считай, потчуют настоящим золотом этой земли. Когда ты проявил интерес к Чике, то разве тебе могли отказать? Девушка выполняет то, что велели местные правители.

– Ну так и давай пользоваться всеми этими благами, не забывая головы всякой ерундой! Что тебе покоя не дает?!

Голос Гонсалеса звучал раздраженно. Себастьян мысленно выругался. Похоже, что его молодой и совсем еще неопытный товарищ действительно влюбился. Разбивая его иллюзии, можно запросто лишиться друга. Что уж может быть хуже, чем рассориться в такой ситуации, когда вокруг тысячи индейцев и только в единстве сила? Да и кто знает, что натворит рассерженный Фернан?

– Ты ждал от дикарей подвоха постоянно, пока не заполучил любовницу, – терпеливо ответил Себастьян. – С этого дня тебя как подменили. Ты, похоже, больше ничего не опасешься. Сколько живу, ни разу не видел, чтобы с пленниками так обращались. Поверь, я много чего повидал. Не злись, может быть, ты Чике и в самом деле приглянулся. Но отнесись серьезно к моим словам. Я не исключаю вероятность того, что она, возможно, все, что узнает про нас, сразу же передает местным вождям.

– По-твоему, ее приставили шпионить за нами? – холодно спросил Фернан.

– Не исключено, – настойчиво повторил Риос.

– Ты несешь какую-то чушь. Что такого она может про нас узнать? Мы же и так перед дикарями как на ладони! Да, к нам относятся, как к королям, но ты и сам подумай! Индейцы ведь никогда не видели таких людей. Вот и преклоняются. Может, и моя золотая статуэтка сыграла свою роль. От тебя только и слышно: будь осторожен, жди подвоха, кругом враги! Ты можешь толком сказать, что нужно делать?

– Я вижу только, что ты без Чики уже и дня прожить не можешь! – вспыхнул и Себастьян. – Вон, волосы уже отрастил, осталось только собрать их в пучок на макушке и украсить перьями. Я не знаю, чего от тебя и ждать. На следующий раз заявишься в мою комнату с татуировкой через всю физиономию и заявишь, что своей наложнице ты так больше нравишься. А там и вовсе надумаешь остаться тут жить.

– Я хочу сбежать, но ты и сам понимаешь, что сейчас это невозможно. Куда идти? Тут куча городов и мы не можем быть уверены, что в любом из них нас ждет теплый прием. Мы вынуждены оставаться здесь, где к нам хотя бы относятся достойно. И хватит клеветать на мою красавицу!

– Ладно, Фернан, ответь на один вопрос. Когда появится шанс покинуть город, ты не будешь колебаться?

Ответ был для Себастьяна крайне важен. Он отлично понимал, что даже вдвоем выбраться отсюда будет невероятно сложно. Пытаться преодолеть сотни миль джунглей в одиночку казалось сущим самоубийством.

– Уйдем при первой возможности, – решительно кивнул Гонсалес, радуясь тому, что неприятный разговор подходит к концу.

– Самое главное, чтобы ты Чике своей не проболтался, что мы хотим сбежать. Не хватало еще, чтобы она потом случайно рассказала об этом кому-нибудь из индейцев.

– Не проболтаюсь! – раздраженно ответил Фернан. – Совсем меня дураком считаешь? Я не меньше твоего хочу оказаться среди наших соотечественников.

Слова Фернана не убедили Себастьяна. Он понимал, что его молодой друг говорит сейчас искренне, но что ждет их в будущем? Привычки засасывают человека не хуже зыбучих

песков. Прожив среди индейцев достаточно долго, Гонсалес вполне может свыкнуться с местным бытом, обычаями, даже со странной модой, и прийти к выводу, что такая жизнь совсем неплоха. Тогда о возвращении на Кубу останется лишь мечтать. Сам Риос, хотя и охотно пользовался всеми предоставленными благами, но знал, что сумеет от них отказаться, если появится шанс сбежать.

8. Религия

Размеренный ритм жизни вскоре всколыхнул очередной праздник. День начинался так же, как и обычно. Чика осторожно выскользнула из-под руки Фернана, стараясь его не разбудить. Она вообще вставала раньше испанца. Гонсалес сквозь дрему слышал, как девушка возится, умываясь и одеваясь. Он что-то неразборчиво буркнул и снова провалился в сон. Когда испанец все же проснулся, то его маленькой красавицы в комнате не было. Досадливо поморщившись, он встал, потряс головой и потянулся к кувшину с водой. Через несколько минут, сполоснув лицо и ладони, и нацепив местную одежду, Фернан позвал слуг. Те появились практически сразу же и, выслушав приказ насчет завтрака, поспешно удалились.

В голове мелькнула мысль, что кое-что, как будто бы, и вовсе не изменилось с тех пор, как он покинул Севилью. Просторное жилище, вежливая прислуга, девчонка хорошенькая вот еще всегда под боком. Несколько странная, чего уж греха таить, как на испанский вкус. Но спасибо и на том, что хоть голова не сплющена! Короче говоря, жизнь он сейчас вел вполне приличную для кабальеро! Однако различий было больше, и уж на что он теперь никак не мог пожаловаться, так это на скуку. Не зря, выходит, покинул родину и отправился на другой конец света. С другой стороны, подвигов, о которых он так мечтал, Фернан пока тоже не совершил. Так куда все-таки подевалась Чика?

Через минуту вернулись слуги, таща настоящую гору всяческой еды и следом за ними в комнату ворвалась запыхавшаяся, совершенно счастливая Чика, у которой на запястьях звенели колокольчики. Она чуть ли не скакала от возбуждения, скороговоркой выдав целую тираду прочим индейцам, громко смеялась и энергично жестикулировала. Те, выслушав девушку, и сами заметно оживились и, переговариваясь между собой, поспешили к выходу.

Фернан уселся за стол, поманил девушку к себе, думая, что она разделит с ним завтрак, но Чика была так взвинчена, что не могла усидеть на месте. Она сыпанула целым ворохом слов, из которых испанец еле уловил несколько знакомых. «Люди», «солнце» и «красиво» – не слишком много, чтобы понять, что же она пыталась объяснить. Девушка пробежалась по комнате, окутанная звоном бубенцов, выглянула из окна, затем снова двинулась к сидящему Фернану. Все движения резкие, порывистые – она будто никак не могла унять бьющую через край энергию. Поняв, что словами понимания не достигнуть, Чика ткнула себя пальцем в грудь, потом указала сквозь стену на центр города, где возвышались пирамиды. После чего вышла на центр комнаты и принялась танцевать, покачивая бедрами и иногда резко встряхивая руками, дополняя движения аккомпанементом колокольчиков.

Фернан сообразил, что на сегодня намечаются какие-то народные гуляния, на которых его красавице предстоит выступить с танцем. Он приподнялся из-за стола, собираясь одеться и идти на праздник, но девушка подскочила, положила узкую ладошку ему на плечо и опять рассыпалась в каких-то объяснениях. Поняв, что он не разобрался в ее словах, она нахмурилась, закусил губу и сподобилась на более простую фразу:

– Сиди. Ешь.

Фернан пожал плечами и потянулся за очередной лепешкой. Видимо, до начала праздника времени хватало. Чика же усидеть на месте не могла. Она продолжала приплясывать, покачиваться, вращаясь вокруг своей оси, грациозно взмахивая руками и время от времени стреляя глазами на испанца. То ли разминалась перед выступлением, то ли дразнила его своим гибким точеным телом. Гонсалес быстро сообразил, что более верным является второе предположение. Он решительно встал и направился к ней. Чика, безошибочно прочитав намерения Фернана по его загоревшимся глазам, довольно рассмеялась, отскочила и кокетливо бросила:

– Нет!

Затем выпорхнула из комнаты, остановилась сразу за дверным проемом и поманила испанца за собой. Фернан, уразумев, что она совсем не собирается даваться ему в руки, фыркнул и принялся одеваться. Не желая заставлять девушку ждать, он спешил, но одежды было куда как много. Штаны, рубашка, куртка, кираса, пояс, плащ, шлем, сапоги, оружие... Пока все это напялишь, уже и праздник закончится! И все же Гонсалес скорее пропустил бы выступление Чики, чем согласился выйти на улицу в дикарском обличи. Он верил, что идея носить испанский наряд за пределами дома являлась абсолютно правильной. Рано или поздно, когда придет время сбежать, они должны быть полностью экипированы и не вызывать этим подозрений ни у одного из индейцев.

В коридоре его, кроме Чики, поджидал еще и Себастьян со своей наложницей. Риос только что вышел из соседней комнаты.

– Доброе утро! – беззаботно поздоровался Себастьян. – Похоже, сегодня у местных жителей большой праздник. Твоя Чика успела нас оповестить. Готов?

– А мне-то чего готовиться? – ответил Фернан. – Это вон Чика будет танцевать, а нам с тобой роли отведены куда скромнее – среди зрителей.

– Уверен? – на мгновение помрачнев лицом, спросил Себастьян. – С этими дикарями никогда не знаешь, чего можно ожидать.

Они выбрались на улицу, в сопровождении неизменного эскорта. Семь воинов и трое слуг – всего, вместе с девушками, получалось четырнадцать человек. Вроде и немало, но снаружи людей было так много, что они тут же растворились в общем потоке. Чика не отходила от Фернана, ежесекундно дергая его за рукав и указывая пальцем то на какое-нибудь строение, то на кого-то из идущих в толпе, и без умолка щебетала. Видимо, в азарте забыла, что Гонсалес понимал в лучшем случае одно из пяти ее слов.

Испанцы осматривались по сторонам. Окружающие их индейцы несколько примелькались и уже не производили такого ошеломляющего впечатления, как при первой встрече. Некоторых они даже узнавали. Вот слева шел важный, немолодой уже мужчина, с властной осанкой и гордо вскинутой головой. Вокруг него виляла целая стайка слуг. Фернан и Себастьян уже несколько раз видели его на базаре. Насколько им удалось понять, это был купец, прибывший издалека. Именно с ним испанцы надеялись переговорить, как только изучат язык получше. Возможно, он, много странствовавший и много повидавший, что-нибудь слышал про таких же людей, как они. Или же этот купец сможет хотя бы рассказать, что за земли лежат вокруг. Но сейчас, с их-то познаниями в местном наречии, к нему было еще никак не подступить.

Чика на секунду отстала от своих спутников. Она восхищенно замерла возле громадного попугая, который с важным видом восседал на руке у сухого, сморщенного, как печеное яблоко пожилого индейца. Красно-сине-желтая птица, встопорщив перья на шее, что-то неторопливо и с важностью ворковала. Фернан обернулся и подошел поближе. Поначалу он думал, что попугай просто бормочет, но вскоре из мешанины звуков ухо уловило знакомое слово – «Солнце». Гонсалес недоверчиво тряхнул головой, решив, что ему почудилось и вслушался внимательнее. Вскоре до него донеслось еще несколько варварски искаженных, произнесенных с ужасным говором, но все-таки узнаваемых слов индейской речи.

– Себастьян, ты только посмотри! Да эта птица говорит!

Попугай строго покосился на них. Крупный, вместе с хвостом чуть ли не в половину человеческого роста, с очень большим круто изогнутым клювом, он сидел на запястье у хозяйки совершенно спокойно, не делая попыток улететь. Чика несмело протянула к нему палец, коснулась крыла и что-то сказала. Птица тут же повторила ее слово, чем вызвала у девушки настоящий восторг.

Но чтобы полюбоваться бесконечными диковинками не хватило бы целого дня. Чика сама же первая отвернулась от попугая и решительно направилась в сторону высящихся уже совсем недалеко пирамид. Фернан двинулся вслед за ней, мысленно проклиная местную жару.

Солнце стояло высоко, немилосердно нагревая воздух. Они, влекомые толпой, вскоре вышли на площадь, где людей было уже просто не счесть. Чика их покинула, видимо, отправилась готовиться к выступлению.

Испанцы вертели головами, рассматривая все происходящее вокруг. В честь праздника индейцы принарядились, яркостью нарядов соперничая с теми же попугаями. Горожан развлекали снующие туда-сюда фокусники и жонглеры. Сквозь массу людей протискивались продавцы всевозможных угощений. Они деловито таскались со своими корзинами, громко нахваливая товар. Пару раз подходили и к европейцам, но те неизменно отказывались от предложенных блюд. Еда выглядела странно, и понять ее происхождение удавалось не всегда. Испанцы уже убедились, что дикари готовы в свое меню включить практически что угодно, вплоть до сушеных насекомых, а потому остерегались пробовать незнакомую пищу.

А гомон постепенно угасал, подавленный нарастающими звуками музыки. На этот раз определить ее источник удалось без труда. У подножия одного из возвышений находился оркестр из двух десятков индейцев. Состав ансамбля оказался практически таким же, как и в тот раз, когда Фернан впервые увидел Чикю – всевозможные барабаны и трубы. Музыканты тоже принарядились в честь праздника. Здоровенный детина, без усталости колотящий широчеными ладонями в высокий стоящий вертикально барабан, широко улыбался, весьма довольный тем грохотом, который получался на выходе. Браслеты, украшенные ракушками, позвякивали у него на запястьях. Рядом приплясывали не менее пестро одетые индейцы, ударяя руками или палочками в барабаны поменьше. Трубочники, находящиеся чуть в глубине, были плохо видны за первым рядом. Над головой у каждого из музыкантов возвышался целый ворох перьев, которые, в такт движениям людей, колебались и покачивались, производя впечатление настоящего танцующего леса.

Фернан быстро определил что музыка льется еще и с обеих сторон. Справа и слева, шагах в двадцати, стояло две группы индейцев, которые столь же исправно били в барабаны и дули в трубы. Но главному действу предстояло развернуться прямо перед глазами испанцев. Каменное возвышение, перед которым они остановились, не превышало человеческого роста и, по сути, представляло собой помост. Собравшейся внизу толпе отлично было видно все происходившее. Скоро на эту сцену высыпала стайка девушек. Стройные, легконогие, они закружились в быстром танце.

Чика даже среди других отличных танцовщиц выделялась гибкостью и изяществом. Одетая в корону из переливающихся перьев, она вращалась то в одну, то в другую сторону, покачивая бедрами и выписывая сложные движения руками. Нежная смуглая кожа, видимо, смазанная каким-то маслом, сияла на солнце. Колокольчиков теперь на девушке было уж и вовсе не сосчитать: на поясе, на запястьях, на щиколотках. Они нежно и негромко перезванивались, добавляя еще больше разнообразия звучащей со всех сторон музыке. Грудь полностью скрывало массивное ожерелье из нефритовых пластин и ракушек, спускавшееся до пояса. Так она танцевала, сверкая украшениями и блистая белозубой довольной улыбкой.

Фернан смотрел на нее как зачарованный. Даже в прошлый раз, когда он впервые видел ее выступление, он не был так околдован. Теперь же, любуясь этим стройным телом и глядя на ее счастливое лицо, зная, что она улыбается именно ему, молодой испанец замер в восторге, почти не дыша. Растворившись в звуках музыки, забыв обо всем на свете, Фернан стоял неподвижно и лишь глаза его неотрывно следовали за девушкой, увлеченно исполнявшей свой танец. Себастьян неодобрительно смотрел на своего молодого друга.

«Мальчишка совсем расклеился! – думал Риос. – Он так рвался сбежать от дикарей, а теперь о возвращении на Кубу даже не заикается. Стоит и глаза не может оторвать от своей танцовщицы. Плохо дело! Того и гляди, придется мне в одиночестве покидать этот варварский город!»

Представление вскоре закончилось. Девушки убежали с помоста так быстро, как будто их ветром сдуло. Теперь там оказались другие люди. Это были какие-то местные вельможи, и речь их звучала важно и торжественно, но Гонсалес не слушал. Будучи все еще под впечатлением от танца своей красавицы, он стоял и довольно улыбался неизвестно чему. Себастьян же все больше мрачнел. Через какую-то минуту Чика, совершенно счастливая, хоть и несколько запыхавшаяся, подбежала к ним, и все внимание Гонсалеса было поглощено ею. Девушка прильнула к Фернану, глядя снизу вверх сияющими глазами и жадно ловя слова похвалы.

А праздник шел своим чередом. Пришло время плясать мужчинам. Разодетые в живописные одежды с длинной свисающей бахромой, они усердно вели свой ритуальный танец. Фернан обращал на них мало внимания, все больше любясь стоящей рядом девушкой. Она же то жадно смотрела на сцену, то отвлекалась на своего спутника, то вертела головой по сторонам, высматривая какие-то диковинки в толпе.

Время шло, становилось все жарче. Испанцы, пользуясь своим высоким, хотя до сих пор так и непонятным им самим статусом, приказали двум слугам держать над ними широкие опахала из перьев. Эта тень позволяла легче переносить зной. Чика поначалу стояла рядом с Фернаном, спрятавшись от палящих солнечных лучей. Затем она выскользнула из-под его руки и юркнула в толпу. Огромная масса людей в скором времени начала двигаться, перемещаясь к подножию одной из пирамид. Видимо, именно там должно было продолжиться представление. Фернан нахмурился, но пошел вслед за остальными.

Пирамиду венчала широкая площадка, на краю которой стояло несколько человек. И снова перья, маски, украшения, раскрашенные тела. Все, как будто, снова повторялось... Острый взгляд Гонсалеса с некоторым удивлением узнал среди вознесшихся над толпой того самого толмача, который учил их местному наречию. Интересно, кто же он такой? Люди внизу постепенно смолкли, даже музыка медленно угасала, пока не оборвалась прощальным взвизгом флейты.

Все взгляды устремились на площадку. Фернана успокаивало, пожалуй, лишь то, что там не оказалось никакого камня, на который человека можно положить и вырезать сердце. Один из стоящих наверху разодетых индейцев разразился тирадой. Голос его звучал мощно, воистину громогласно. Казалось, что этот рев, сравнимый с рокотом огромного барабана, разносится по всему городу. Мужчина в упоении размахивал руками, то поднимая их вверх, то указывая широким жестом на сгрудившихся у подножия пирамиды слушателей. Монолог завораживал. По мнению Фернана, любая речь будет внушать опасения, если у говорящего над лицом нависает деревянная маска демона с кривыми клыками и кроваво-красными глазами, а сам он полностью разрисован синей и черной краской. Когда говоривший обращал свой взор на людей, те замирали, будто бы скованные ужасом.

Хотя испанцы и не понимали, о чем эта проповедь, но все же, охваченные любопытством, они подходили все ближе и ближе. Совсем скоро Фернан и Себастьян оказались у самого подножия пирамиды. Ряд крутых гранитных ступеней, резко поднимающихся вверх, достигал верхней площадки, которая возвышалась над землей примерно на полсотни локтей. Вскоре оратор умолк и застыл на месте.

В этот момент зазвучал голос другого мужчины, стоящего наверху. Он ограничился буквально несколькими словами, встреченными настоящим восторгом слушателей. В их ликующих криках потонуло окончание речи. Индеец этот развернулся и отошел вглубь площадки, на несколько секунд пропав из поля зрения. Но через какое-то мгновение он снова появился на глаза. Разогнавшись, он добежал до края и с коротким вскриком прыгнул в пустоту.

Фернан замер, прикипев глазами к падающему человеку. Вытянувшись, раскинув руки крестом, тот летел вниз на каменные ступени. Все тело его казалось странно застывшим. Он не размахивал ладонями, не дергал ногами, не тряс головой. Лишь перья в волосах и за плечами

испуганно и мелко дрожали под напором встречного воздуха. Острые грани ступеней приближались...

Человек тяжело рухнул грудью и лицом на каменные зубы лестницы. Тело его мгновенно оказалось смято, вдавлено страшным ударом в гранит. Мускулистая, натянутая как струна фигура, чуть ли не в один момент стала бесформенной и покатилась дальше изломанной кучей костей, отмечая свой путь кровавыми пятнами. Оглушительный рев зрителей заглушил звук удара.

Фернан обнаружил, что и сам он кричит изо всех сил, что отмерила природа его голосу и легким. Вплетая свой вопль в многоголосый вой толпы, он пытался хотя бы так облегчить весь свой ужас и непонимание происходящего. Не в силах сдерживаться, он орал на одной ноте, выплескивая негодование, удивление и протест.

“Да что же такое здесь происходит?! Что это за чертовы пирамиды, на которых вечно гибнут люди? И почему их смерть вызывает такой восторг дикарей?”

Мысли теснились в голове и найти ответы не удавалось. Ошеломленный и негодующий Фернан с радостью сейчас выхватил бы меч и зарубил виновного. Но проблема-то как раз в том, что наказывать оказалось некого. Кто все затеял и с кого спрашивать ответ? Эта искореженная туша, которая только что неуклюже рухнула на землю в нескольких шагах от него, ответить уж точно не могла. Он своими глазами видел, что человек прыгнул с площадки самостоятельно. Но зачем он это сделал? Да что это за дьявольское место?!

Фернан оглянулся на своего друга. Себастьян стоял как вкопанный, и на лице его читалось такое же безмерное удивление, в каком пребывал и сам Гонсалес. Он не мог найти никакого разумного объяснения увиденному. Но почти сразу же изумление сменилось обеспокоенностью, стоило ему увидеть шокированное лицо Фернана. Себастьян искренне надеялся, что другу хватит выдержки не наделать глупостей. Будучи не в состоянии объяснить себе логику произошедшего, они с крайне изумленным видом уставились друг на друга.

В это же время к телу погибшего индейца подбежало несколько человек. Они подхватили его и сноровисто потащили куда-то в сторону. Почти в то же мгновение из толпы к конкистадорам протиснулась Чика и, подпрыгивая от возбуждения, уцепилась двумя руками за локоть Фернана. Она встала на носки, потянулась вверх и что-то, смеясь, прокричала ему в ухо. Затем, увидав застывший неподвижный взгляд испанца, осеклась, вопросительно глядя снизу на его отрешенное лицо. Улыбка ее тут же погасла. Ей еще не приходилось видеть Гонсалеса таким враждебным.

Фернан решил во что бы то ни стало разобраться в сути этих сводящих с ума ритуалов. Он отлично понимал, что в таком шуме и гомоне поговорить невозможно, потому взял девушку за руку и потащил за собой. Следом потянулся Себастьян со своей наложницей, слуги и воины почетного эскорта. Фернан, слишком взбудораженный, бесцеремонно расталкивал всех, кто оказывался у него на пути до тех пор, пока ему не удалось выбраться на более открытое место. Он огляделся по сторонам. Толпа все так же роилась у подножия пирамиды – видимо, зрелища на сегодня еще не закончились.

Чика, присмирив, тревожно смотрела на него. Ее праздничное настроение таяло, улетучивалось с каждой секундой. В темных глазах читались настороженность и недоумение.

– Что это было? – Фернан ткнул пальцем в сторону пирамиды. – Зачем он прыгнул?

Девушка лишь озадаченно хлопала глазами, совершенно не понимая, чего добивается от нее Гонсалес.

– Фернан, ты ее напугал! – вступил в разговор Себастьян. – Она, похоже, и близко не поняла, о чем ты спрашиваешь.

Ближайшие несколько минут испанцы потратили на попытки найти с девушками общий язык. Пантомима, жестикуляция, немыслимая смесь испанских и индейских слов, которую то Фернан, то Себастьян, не сдержав раздражения, прерывали потоком ругательств... После столь

длительных, хотя и весьма сумбурных объяснений испанцы пришли к выводу, что теперь-то они уже окончательно ничего не понимают. Единственное, в чем они убедились наверняка, так это то, что самоубийца прыгнул сам, по своей воле.

За время этих переговоров воины из эскорта находились неподалеку и, блюдя достоинство, стояли невозмутимо, лишь иногда перебрасываясь меж собой короткими фразами. В беседу с пленниками не вступали. Один из слуг – подвижный, непоседливый и болтливый мальчик – решив, что уж он-то сумеет ответить на терзавшие чужеземцев вопросы, вклинился в разговор. Было это весьма кстати – Фернан, доведенный до белого каления, уже с трудом себя контролировал. Так что несвоевременное вмешательство постороннего оказалось как нельзя более вовремя. Дав тому увесистый подзатыльник, чтобы не лез в чужую беседу, и, спустив немного пар, Гонсалес слегка пришел в себя. Остальные слуги, увидев такую систему поощрений, решили не вмешиваться со своими объяснениями и отошли немного в сторону, где принялись терпеливо ждать конца спора.

Чика к тому времени отчаялась растолковать непонятливым испанцам суть произошедшего. Решив, что будет лучше, если они все увидят своими глазами, она схватила Фернана за запястье и решительно потащила за собой. Роли поменялись – теперь девушка шла вперед, а он следовал за ней. Сопровождавшие их воины, опять-таки не проявив никаких признаков раздражения или недовольствия, двинулись следом. Так они прошли мимо подножия пирамиды, где совсем недавно разбился человек и проследовали дальше.

Совсем скоро их маленькая процессия остановилась возле здания, перед которым стояло несколько глиняных чанов с водой. Жадное пламя лизало их пузатые бока и вода совсем уже собралась закипеть. Но внимание испанцев привлекла отнюдь не эта кухня под открытым небом. Между чанами лежала невысокая, всего-то до колена взрослому человеку, каменная плита. А на ней покоилось тело погибшего в результате падения мужчины. Вокруг него сгрудилось несколько индейцев. Они слаженно и со знанием дела разделяли труп кремневыми ножами. Видно было, что занятие для них не новое. Работали обстоятельно, без лишней суеты, уверенно кромсая плоть, и постепенно отделяли ее от костей. Куски мяса они тут же отправляли в плавание в чаны, а кости складывали отдельно, на другую каменную плиту меньшего размера.

Один из индейцев, увидав приближение гостей, выпрямился, тыльной стороной запястья вытер пот со лба, блеснул зубами и произнес несколько слов. Чика замерла, не решаясь подойти ближе. Она указала пальцем на каменное ложе погибшего и принялась что-то объяснять. Фернан смотрел на постепенно тающее тело и понимал, что вопросов у него с каждым мгновением все больше.

– А толково работают, – вынужденно признал Себастьян. – Ни один мясник в Севилье не разделает свиную тушу быстрее, чем эти нехристи.

Гонсалес почувствовал, как кружится голова от страшной догадки. До последнего момента не желая признавать очевидное, он некоторое время молчал, затем, собрав все свое мужество, спросил девушку:

– Что с ним теперь будет? – с этими словами он указал пальцем на чаны, в которых плавали куски человеческого мяса.

– Еда. Будем есть, – любезно сообщила ему Чика.

Какое-то мгновение Фернан тешил себя надеждой на то, что он неправильно истолковал ее слова, но затем все же решился признать очевидное. Как только он увидел, что тело варят, то уже в этот момент обо всем догадался. Гонсалес отвернулся и, не разбирая дороги, двинулся в сторону. Возмущение, гнев, даже ужас отступили перед отвращением. Так эти дикари, ко всему прочему, еще и людоеды. Есть ли на свете племя ужаснее? От прочих местных жителей, с их-то рожами, он и не ожидал ничего особо хорошего. Но Чика... И вот с этой девушкой он делил ложе! Почти не дыша, восхищенно любовался миловидным лицом и точеной фигу-

рой, столь легкой и стремительной в танце! От омерзения к горлу подкатила тошнота. Желудок болезненно сокращался почти с такой же скоростью, как и трепещущее сердце. Фернан энергично потряс головой и стал дышать глубже, стараясь прогнать рвоту. Хотелось идти не останавливаясь до тех пор, пока город не отступит перед джунглями, чтобы не видеть больше никого из индейцев. Увы, это невозможно. Пока невозможно.

Себастьян хмуро шел рядом, погружившись в невеселые мысли. Он также был шокирован, хотя и в меньшей степени. Риос в своих путешествиях чего только не посмотрелся, а потому переносил даже такие ужасные известия несколько легче. Следом за испанцами тянулся неизменный эскорт. Воины, казалось, давно смирились с тем, что иноземцы – люди странные, и понять мотивы их поступков крайне тяжело. Потому они все так же упорно и неумолимо следовали за двумя чужаками. Видимо, пленники решили продолжить прогулку. Что же в этом удивительного? Они и так каждый день бродят по городу.

Слуги что-то возбужденно обсуждали вполголоса, иногда задавая вопросы наложнице Себастьяна. Чика ни с кем в разговоры не вступала. Она обеспокоенно семенила вслед за Фернаном, не решаясь его потревожить. Что-то было не так. Она не поняла причин его отчуждения, но перед тем, как он от нее отвернулся, ясно увидела отвращение в его взгляде. Девушка мысленно проклинала тот барьер, который возводило между ними плохое знание речи. Что так вывело из себя Фернана?

В этот момент страшная догадка пронзила Гонсалеса. Он резко остановился, повернулся к другу и медленно произнес:

– Себастьян, а нас-то чьим мясом все эти дни кормили?

В первую секунду по спине Риоса пробежали мурашки. Он весь мгновенно покрылся липким потом, но затем воссоздал в памяти все их трапезы и ответил:

– Бог с тобой, Фернан! Нас кормили жареной дичью. Ну и рыбой еще иногда.

Эти слова Гонсалеса совершенно не убедили. Он продолжал смотреть на своего спутника все такими же круглыми от ужаса глазами, страшась предположить наиболее жуткое.

– Да что ты, в самом деле, не можешь человеческую ногу от куриной отличить?! – расшвырял Себастьян. – Вспомни, нас кормили целыми тушками птиц. Может, какими-то перепелками или куропатками, может, фазанами. Черт знает, что еще у них тут водится. Попугаями, в крайнем случае! Приди в себя, Фернан! Мы-то человеческого мяса уж точно не ели!

Покопавшись в памяти, Фернан признал правоту своего друга. Ужас, сковавший его, постепенно развеивался, уступая место гневу.

– Проклятые людоеды! – с трудом сдерживая себя, произнес он. – Они еще осмеливаются приглашать нас на такие церемонии! Так! Пришло время разобраться во всем окончательно. Я хочу подняться на пирамиду.

Прожив здесь уже несколько недель, испанцы обходили пирамиды стороной. Это было, пожалуй, единственное приметное место во всем городе, которое они еще не посетили. О подъеме наверх конкистадоры даже не заводили разговор между собой, заключив как бы негласное соглашение о том, что лучше туда не лезть. Но сейчас оба понимали, что время пришло.

Себастьян не стал спорить. Он молча кивнул, после чего обратился к девушкам с короткой фразой, отсылая их домой. Обеспокоенная Чика пыталась поймать взгляд Фернана, но тот упорно не смотрел на свою подругу. И вот через несколько минут испанцы, в сопровождении неизменного эскорта, подошли к подножию самой большой пирамиды. Именно здесь, на ее верхней площадке, зарезали девушку в первый день пребывания конкистадоров в городе.

Ступени широкой лестницы круто поднимались вверх. Справа и слева возвышались невысокие перила, с которых скалились каменные морды то ли змей, то ли драконов – клыкастые, лупоглазые, окруженные ворохом перьев. Вот под таким пристальным присмотром испанцы и начали взбираться.

Фернан нервничал. Его выводила из себя стража, неутомимо топавшая позади, раздражали каменные слепые глаза чудовищ, смотревших на них с двух сторон. Точно так же эти застывшие на барельефах твари провожали в последний путь мужчин и женщин, которые карабкались наверх, чтобы лечь под нож. И ведь те – вот удивительное совпадение! – тоже шли добровольно, без какого-либо принуждения.

Гонсалес остановился. А вдруг обратной дороги нет? Там, на верхней площадке, ведь только завсегдатаи. Одни и те же люди, которые из раза в раз участвуют в этих кровавых церемониях. А может ли чужак по своему желанию взойти туда и затем уйти обратно живым? Себастьян замер рядом. Лицо его было хмурым и замкнутым. На этот раз он не спешил со своими обычными едкими шутками. Видимо, подъем и у него вызывал лишь негативные впечатления.

– Думаешь, нас выпустят оттуда живыми?

Вопрос Риоса показал, что его одолевали схожие сомнения.

– Можно еще долго терзать себя догадками и предположениями. Давай, наконец-то, поднимемся и увидим все своими глазами.

Ступеней оставалось все меньше. И вот верхняя площадка открылась перед ними. На самом краю находился камень. Тот самый, на котором убивали людей. Вблизи испанцы увидели, что он весь покрыт тонкой резьбой. Узоры были характерны для местного изобразительного искусства: клыкастые демоны в богатых нарядах, змеи, чудовища с черепами вместо голов. Следы крови с него смыли и он блестел на солнце ослепительно-белой краской.

Конкистадоры ожидали увидеть здесь что-то сверхъестественное, настолько дикое и ужасное, что и словами не описать. Но все оказалось достаточно обыденным. Ровная площадка, выложенная каменными плитами, на дальнем краю возвышается строение, зияя черным прямоугольником входа. Более того, никто из индейцев их здесь не встречал.

Испанцы подошли поближе к зданию. Дверной проем с двух сторон обрамляли высокие истуканы с человеческими телами и головами чудовищ. Внутри мелькали сполохи света. Конкистадоры переглянулись и Гонсалес, чтобы друг не усомнился в его мужестве, поспешил внутрь. Себастьян двинулся вслед за ним.

Помещение оказалось небольшим и, как и прочие виденные ими дома, лишенным окон. Сумрак разгонял свет множества свечей, расставленных вдоль стен. Посреди комнаты стояла каменная статуя. Сколько подобных изваяний уже попадалось на глаза пленникам? Но она превосходила уродливостью все, виденное ранее. Вся какая-то искаженная, с нарушенными пропорциями, с непомерно большой головой и выпирающим животом, раскрыв рот в немом крике, она протягивала вперед сложенные вместе ладони. А на них покоилось свежее окровавленное сердце. Стены вокруг пестрели фресками. Мотивы их были вполне узнаваемы. Вот мужчины в страшных масках держат за руки и ноги человека, лежащего спиной на каменном алтаре. Вот один из них вырезает обреченному сердце, после чего с почтением подносит его отвратительной твари, возвышающейся над людьми. Одна из картин показывала, как в котлах варят руки и ноги убитого.

До последнего момента европейцы гнали от себя самые черные предположения. Но теперь закрывать глаза на правду стало уже невозможно.

– Фернан, эти дикари поклоняются дьяволу. Приносят ему человеческие жертвы.

Слова Себастьяна звучали еле слышно. Горло его сковал ужас и даже такая короткая фраза далась с трудом. Гонсалес медленно кивнул головой и осторожно, как будто опасаясь разбудить каменного идола, неслышно двинулся к выходу.

Вокруг по-прежнему никого не было. Воины эскорта не решились навязывать свое общество двум почетным пленникам и остались ждать, не доходя немного до верха. Отсюда открывалась великолепная панорама. Город виднелся как на ладони. Справа и слева возвышались пирамиды, напротив, через обширную площадь, стояли богато украшенные дворцы. Вдалеке,

подобно зеркалу, блестело на солнце небольшое озеро, а за ним, прямая как стрела, уходила вдаль белая насыпная дорога. Но у испанцев даже мысли не возникало любоваться пейзажем.

Осознав, что ритуалы, проводимые на вершинах пирамид, суть подношение дьяволу, Фернан почувствовал страшный озноб. Такого поведения он мог ожидать только от ведьм и колдунов, которые в своей неутолимой ненависти к людям совершают кошмарные обряды во славу Сатане! Он стоял и с ужасом думал о том, что же их самих теперь ждет.

Для человека шестнадцатого века, воспитанного в духе строгой, не терпящей инакомыслия католической морали, осознать и принять такую веру было практически невозможно. Даже мусульмане, которые для любого испанца оставались извечными врагами, не запятали себя жертвоприношениями. Здесь же вся мнимая цивилизация, как оказалось, была лишь ипостасью служения дьяволу! Самые величественные и удивительные строения возводили лишь для того, чтобы их вершины осквернять богопротивными ритуалами.

Фернан стоял, глядя вдаль невидящими глазами, и не представлял, что же ему теперь делать. Попытаться вырваться из этого жуткого города любой ценой? Сражаться, разить направо и налево до тех пор, пока руки держат оружие? То, что он прожил у дикарей столько времени, вкушал их пищу, пользовался их гостеприимством... Не было ли это смертным грехом? Не погубил ли он еще свою душу? Гонсалес замер почти у самого обрыва, терзаемый этими вопросами и не находя ответа. Лишь в последний момент он спохватился и сделал два шага назад. Все же это ужасное место обладало какой-то отвратительной магией, лишавшей человека разума. Одно неосторожное движение и он, споткнувшись, покатился бы вниз по каменным ступеням. Точно так же, как тот индеец совсем недавно.

Голова горела как в лихорадке. Перед глазами все плыло, в ушах шумело. Как будто отдаленный гомон огромной толпы навязчиво что-то шептал ему, стараясь в чем-то убедить. Он оглянулся. Рядом был лишь Себастьян. Но Гонсалес уже ни в чем не мог быть уверен. Он осматривался по сторонам, ожидая, когда же индейцы покажут свою истинную суть. Где конец этой мистификации? К чему их готовили?

Фернан бы не удивился, если бы сейчас из пустого, казалось бы, храма вышел старый мудрец, учивший их местному языку и на чистом кастильском произнес: «Ну вот ты и узнал нашу тайну. Теперь скрываться больше незачем. Ты видишь, мы поклоняемся дьяволу, и он дает нам власть над миром. Давно мы готовили вас для великой жертвы. Ведь эти дикари – всего лишь бедные язычники, и нашего повелителя не удовлетворить такими подношениями. Что может для него быть более желанным, чем сердца двух добрых христиан». После этого индейцу стоило бы лишь позвать воинов, ожидающих на полпути к вершине пирамиды, чтобы они помогли в принесении кровавой жертвы.

– Себастьян, по-моему, настал момент убираться из этого проклятого богом места. Это же Содом и Гоморра воедино. Тут молятся дьяволу. Нужно уходить. Прорубаться, если не окажется другого выхода.

– С ума сошел?! Вокруг тысячи дикарей. Далеко ли мы убежим?

– Оставаясь здесь, мы рискуем куда большим. Нужно думать уже не о спасении жизней, пришло время позаботиться о спасении наших душ. Оставаясь среди дьяволопоклонников, мы навечно будем осуждены гореть в аду.

– Слушай, давай богословские диспуты оставим для более благоприятных времен, – не на шутку разозлился Себастьян. – Вот окажемся на Кубе и тогда расспросим священника, как бы нам очиститься от греха. Пока же нужно вести себя естественно.

Гонсалес вернулся обратно к храму. Там стену украшал огромный барельеф – изображение воина в страшной маске. Больше всего он напоминал ту небольшую золотую статуэтку, выигранную молодым человеком когда-то в карты в родной Севилье. Разве не та блестящая фигурка, удивлявшая своей необычностью, в итоге подвигла Фернана отправиться на поиски приключений? Сама безделушка прямо сейчас оттягивала пояс справа, лежа в кошеле. Гонса-

лес смотрел на раскрашенную известняковую маску, и в душе шевельнулось навязчивое, хотя и абсурдное подозрение. Казалось, иссиня-черные зрачки каменных глаз смотрят прямо на него с легкой насмешкой, как бы спрашивая: «Ну и чего ты добился? Захотел удивительных чудес? Славы? Я нашел способ заманить тебя на свою землю, туда, где я полновластен. Отсюда тебе никогда не выбраться».

И вот тут ужас внезапно отступил. Фернан встряхнул головой, отгоняя мрачные мысли. Разве так пристало вести себя испанскому кабальеро? Впадать в панику и предаваться унынию? Разве не в поисках приключений он отправился в Новый Свет? Разве не мечтал о подвигах, опасностях, испытаниях? Он вспомнил последние недели и со стыдом понял, что вконец разленился. Роскошный дворец, слуги, прекрасная любовница. Всего этого у него хватало и дома, в Севилье. Стоило ли переплывать океан, чтобы вести здесь такую же праздную жизнь? Если здесь царство Сатаны, то значит, у него появился, наконец-то, достойный противник! Не эта каменная маска, с издевкой кривящая толстогубый рот. А сам дьявол, губящий темные и доверчивые души местных дикарей. Если сам Фернан мечтает сравняться славой со своим знаменитым предком Алонсо Гонсалесом, то нужно радоваться испытаниям, выпадающим на его долю. Сейчас следует успокоиться и думать над тем, как бы уничтожить эту дьявольскую веру.

Испанцы двинулись вниз. Никто их не задерживал. Город жил привычной жизнью. Люди спешили по своим делам. Ремесленники работали в мастерских, носильщики сновали туда-сюда. Но все же конкистадоры никогда больше не чувствовали себя здесь в безопасности.

9. Планы побега

Сначала Фернан хотел организовать побег в первую же ночь. Осторожно снять кинжалами охрану и раствориться во тьме в надежде, что погоня их не обнаружит. Наивный и поспешный план, порожденный желанием покинуть этот кошмарный для европейцев город. Гонсалес рвался как можно скорее пробраться через джунгли, выйти к морскому берегу и попытаться доплыть до Кубы. А там, рассказав губернатору обо всех виденных здесь ужасах, уговорить его снарядить экспедицию для искоренения этой кровавой религии.

Себастьян не знал, радоваться ли ему или огорчаться. Он, конечно, хотел, чтобы Фернан готовился к побегу, но не так же быстро. У испанцев не было ни запасов еды, ни местных денег, кроме тех перьев, которые украшали их наряды. И, самое главное, им все еще очень не хватало знаний. Об окружающем мире, о том, какие трудности придется преодолеть, какие плоды можно есть и каких тварей опасаться. Поэтому Риос употребил все красноречие для того, чтобы остудить пыл своего молодого друга. Они решили повременить и собрать пока как можно больше сведений.

Молодому и порывистому Фернану сложно было принять веру индейцев. Посещение храмов вызывали у него отвращение, но он упорно ходил туда еще несколько раз, пытаясь во всем разобраться. Так испанцы узнали, что пирамид в городе больше двух десятков. Самые значительные стояли в центре, окружая огромную площадь, но и в разных районах находились свои пирамиды поменьше. Их венчали храмы, в которых стояли гротескные и пугающие, на взгляд европейца, идола.

Жертвоприношения оказались не слишком частыми. За два месяца, что конкистадоры уже провели в плену, всего лишь пять человек зарезали на алтарях. Не считая того индейца, который сам поспешил навстречу своей смерти, разбившись об каменную лестницу. Каждая подобная церемония неизменно вызывала огромный ажиотаж. Как на светлый праздник собирались горожане, которых развлекали танцами, песнями, выступлениями акробатов. А в кульминации, после речи, произнесенной жрецом с верхней площадки пирамиды, очередной индеец прощался с жизнью.

Испанцы не могли найти этому никаких объяснений. Местные жители казались вполне нормальными людьми. Это не были примитивные дикари, как на Кубе. Здесь, в глубине джунглей, стоял настоящий город, с великолепными домами и дорогами. Мужчины и женщины носили искусно сделанную одежду и обувь. Знать правила простолюдинами. Ремесленники изготавливали предметы первой необходимости и роскоши, возводили настоящие дворцы. Купцы вели обширную торговлю. Воины и чиновники следили за порядком. Строго соблюдались установленные законы. Другими словами, здесь текла самая обычная жизнь, во многих аспектах похожая на жизнь европейского города. Во многих, кроме жертвоприношений. Когда приходило время кровавого ритуала, конкистадоры получали очередное наглядное напоминание о различиях между испанцами и майя.

В такие моменты Фернан горячо благодарил бога за то, что тот снабдил его спутником. Гонсалес не обманывал себя. Без Себастьяна он бы уже давно погиб. Еще в самом начале, после битвы с индейцами на побережье. Он бы вряд ли сумел сам развести костер, собрать дождевую воду, сориентироваться на местности. Да что говорить, если даже такие необходимые вещи, как арбалет, фляга, огниво, та же бритва были у них лишь потому, что все это нашлось в сумке у Риоса.

Но лишь теперь Фернан оценил своего товарища в полной мере. Застрять в этом ярком, пестром, солнечном и в то же время таком дьявольском городе оказалось немалым испытанием. И когда вокруг бесновались от радости сотни раскрашенных дикарей, глядя на то, как одному из них вырезают сердце, Гонсалес считал величайшей удачей наличие друга. Человека,

в глаза которого можно посмотреть и увидеть, как в зеркале, отражение всего того отвращения, непонимания и ужаса, которое в такие моменты захлестывало Фернана с головой. Видя, что Себастьян столь же негативно относится к этим ритуалам, молодой испанец успокаивался. Нет, это не он сумасшедший. Это дикари вокруг ненормальные.

Европа шестнадцатого века тоже не являлась, разумеется, вершиной гуманности. Публичные казни казались нормой жизни. Плахи и виселицы забирали жизни многих десятков осужденных на смерть. И тем, кто погиб таким образом, еще, можно сказать, повезло. Как Фернану, так и Себастьяну доводилось присутствовать при сожжениях живых людей. Но здесь для двух испанцев существовала огромная разница. Казнь преступника они находили вполне обоснованной. Если человек запятнал себя убийством, грабежом, изнасилованием или чем-то подобным, то убить его было лишь проявлением справедливости. Мерзавец, совершивший грех и нанеший вред окружающим, вполне заслуживал своей участи. То же касалось и преступлений против веры. Но резать самого обычного человека просто так, не из-за того, что он убийца, а только чтобы потешить кровожадного демона – это было выше понимания конкистадоров.

Возбужденный Фернан ворвался в комнату к Себастьяну, ничего вокруг себя не видя. Он метался из угла в угол, энергично размахивал руками и тараторил без умолку:

– Был только что в храме у этих дикарей. Ох у гнусная там тварь нарисована! Ты себе даже не представляешь! Горбатая, кривобокая, во все стороны от нее какие-то перья, крылья, узоры какие-то дурацкие! Вместо головы – череп! Над ним нависает какая-то скотская морда, наподобие крокодилей. Вокруг нарисованы растерзанные трупы, лужи крови, отрезанные человеческие руки, ноги, головы! А тварь эта сидит посреди всего этого кошмара, такая довольная, ты бы видел! Спрашиваю у этой бестолочи...

Фернан внезапно остановился – перевести дыхание и сполоснуть пересохшее горло. Порывисто схватил кубок, налил туда воды, залпом выпил... Себастьян его не перебивал, терпеливо слушая. Не пытался даже узнать, кого Гонсалес титуловал «бестолочью» – в данный момент это мог быть любой из местных жителей.

– Так вот! – продолжил Фернан. – Спрашиваю: «Кто это?» А он в ответ что-то неразборчивое бормочет: «Боги... Солнце...» Будь я проклят, если понял все его рассуждения, но если так они изображают солнце, то у меня просто нет слов! Какой нормальный человек станет молиться чудовищу?! Мало того, что дикари погрязли в многобожии, так они еще и почитают совершенно отвратительных богов. Себастьян, господь не иначе как специально послал нас сюда. Чтобы мы низвергнули этих идолов.

– Не думаю. Если бы Всевышний хотел распространения истинной веры, то он вряд ли бы возложил эту миссию всего на двух человек. Господу, в его всемогуществе, ничего не стоило бы в одно мгновение перенести сюда несколько наших полков, воюющих в Италии. Испанская терция быстро бы объяснила местным язычникам всю глубину их заблуждений.

Себастьян переносил местную религию несколько спокойнее. Во время своих путешествий он неоднократно сталкивался с самыми разными культурами, а потому привык к тому, что люди молятся порой очень причудливым богам. На Востоке он общался с буддистами и зороастрийцами, в Африке был свидетелем мрачных и пугающих ритуалов, которые любому христианину показались бы дикостью. И все же даже по его меркам вера индейцев переходила разумную грань. Теперь он понимал, что даже выучив язык майя, он научится с ними изъясняться, но вряд ли приблизится к пониманию этих людей.

Во всем этом Риос видел и некоторые плюсы. Отныне ему не приходилось беспокоиться о том, что Фернан пожелает здесь остаться. Напротив, Гонсалес теперь только и думал о том, как бы поскорее сбежать из города. Его отношения с Чикой поначалу чуть не оборвались. Испанец не мог пересилить себя и относиться по-прежнему к маленькой танцовщице после всего, что ему довелось узнать. Девушка страдала, не понимая причины отчуждения. Она не находила

забвения даже в своих излюбленных церемониях и танцах. А языковой барьер разделял их, несокрушимый как скала, сквозь которую пробивались лишь несколько десятков слов.

Когда-то Себастьян уговаривал Фернана не слишком увлекаться девушкой. Теперь же ему пришлось убеждать Гонсалеса вернуть Чике свое расположение.

– Фернан, прекрати избегать встреч со своей любовницей. Повторяю в который раз – дикари следят за нами. И они заподозрят что-то неладное, увидев, как ты охладел к Чике.

– Извини, я просто не могу. Когда подумаю о том, что она всю жизнь поклонялась дьяволу и с нетерпением ждала каждого жертвоприношения...

Фернан не закончил фразу – его передернуло от отвращения.

– Ты бы не забивал себе этими глупостями голову. Подумай лучше о том, что девчонка никакого выбора не имела. Тут никто не слышал слова божия. В этих землях все живут по своим варварским законам. Откуда бедным дикарям знать что хорошо и что плохо? У них нет даже малейшего представления о грехах.

– Да тут еще и людоедство... – пробормотал Фернан, как будто не слыша друга.

– Ну так вот и соверши настоящий подвиг веры, – посоветовал Себастьян. – Объясни Чике, что нельзя с радостью взирать на эти жуткие церемонии. Отврати ее душу от дьявола. Пойми, нам нужно вести себя естественно. Мы же не хотим возбудить подозрений дикарей? Кто знает, чем это для нас завершится. А вдруг над нами усилят надзор? Тогда уж точно не сбежим.

И все-таки Гонсалесу нелегко оказалось пересилить себя. Лишь постепенно, когда Чика, обливаясь слезами, заверила его, что никогда не ела и не будет есть человеческого мяса, он несколько оттаял. Сама девушка вообще ничего не поняла. Человек, который по своей воле пожелал отправиться к богам и принес себя в жертву, почитался среди майя особо. Отведать его плоти считалось большой честью, а потому неприкрытый ужас, который она тогда прочитала в глазах Фернана, казался ей непостижимым.

Мысли о побеге прочно укоренились в головах конкистадоров. И все же это было непросто. Во дворце постоянно сновали слуги. На улице же их повсюду сопровождал эскорт из целого десятка индейцев. Они могли даже покидать пределы города, но что толку? Даже если бы удалось перебить сопровождающих, то куда двигаться дальше? Местные жители знали окрестности досконально и передвигались по джунглям куда быстрее, чем двое непривычных к таким условиям европейцев, к тому же нагруженных доспехами, оружием и припасами. На поиски беглецов вышло бы несколько сотен человек. Уйти от погони просто невыносимо.

Да и куда идти? На Юкатане хватало городов, в чем испанцы уже убедились. Какой прием может ожидать в любом из них? Давние стычки их отряда с индейцами ясно показывали, что аборигены не блещут кротостью и умеют сражаться. Как избежать всех опасностей и как, если повезет добраться до побережья, преодолеть две сотни миль, отделяющих их от Кубы?

– Я думаю, нужно попытаться уйти из города под покровом ночи, – рассуждал Фернан.

– Можешь об этом забыть. Нам даже из дворца не выйти. Я несколько раз вставал среди ночи, как раз для того, чтобы узнать, можно ли покинуть наши покои. Тут немало индейцев бодрствует на случай, если нам что-то потребуется. Кроме тех, что дежурят возле дверей, хватает еще дикарей, что ожидают в коридорах и готовы сразу же поспешить на помощь или поднять тревогу. Смотря в чем будет необходимость. Да и по периметру дворца стоит стража.

– Ладно, ну а если нам все же удастся сбежать, то что будем делать дальше? Куда идти?

– Думаю, по насыпной дороге передвигаться не следует, – сказал Риос. – Во-первых, она чересчур заметна. Людей по ней ходит слишком много. Не будем же мы убивать каждого встречного! А ведь любой из них, добравшись до города, тут же сообщит, где и когда нас видел. А во-вторых, этот тракт ведет, скорее всего, к другому поселению. Не исключая, что между городами индейцев есть сообщение. Может быть, голубиная почта или передача новостей с помощью дыма от костра. Если так, то там нас уже будет ждать. Скрутят и доставят обратно.

– Предлагаешь пробираться через джунгли? – спросил Фернан.

– Да, уж лучше так. Охотясь и собирая плоды, мы не погибнем от голода. Если будем осторожны, то сумеем обходить дикарей стороной. Как обстоит дело с картами?

Фернан взял на себя эту нелегкую задачу. Он неоднократно посещал писцов и художников, пытаясь найти у них хотя бы что-то похожее на начертание земель. Пересмотрев множество изображений, он пришел к выводу, что или же география неизвестна индейцам или же от пленников подобную информацию утаивают.

– Хвастаться нечем, – ответил он. – Ты мне вот что скажи. За три дня наших блужданий мы лишь раз повстречали речку, да и то небольшую. Где воду будем брать?

– Я тут выведаль у дикарей про растения, которые нам помогут, – сказал Себастьян. – В окрестных лесах во множестве растут необычайно сочные плоды. Их чуть ли не выжимать можно. К тому же тут водятся некоторые виды тростника. Они пустотелые и накапливают влагу внутри ствола. Думаю, не пропадем.

Но все эти рассуждения в итоге упирались в невозможность сбежать из города, который стал для них роскошной тюрьмой. Как не бились испанцы над этой задачей, но решить ее пока не могли.

Вскоре, внезапно для двух пленников, развернулась настоящая ярмарка. Индейцы о ней знали наверняка заранее, поскольку со всех сторон в город стали стягиваться люди. Одна из центральных площадей оказалась буквально запружена продавцами и покупателями. Жители окрестных деревень спешили сюда, чтобы продать изделия своих рук. Любой из местных крестьян, большую часть времени посвящавший работе в поле, умел обрабатывать камень, плести сети и корзины, вить веревки. Женщины в свободное время занимались ткачеством. Теперь все они желали продать излишки продукции.

Но помимо этих простых земледельцев, город посетило множество купцов. Важные, богато одетые, возглавлявшие целые караваны носильщиков, они прибывали один за другим. Из стоящего на возвышенности дворца конкистадорам было хорошо видно, как эти длинные вереницы людей идут по белой насыпной дороге.

Ярмарка стала главным событием в размеренной жизни города. Она захватила умы всех, не исключая испанцев, которые также пожелали побывать на базарной площади. Они, смирившись со своим неизменным эскортом, влились в большую толпу местных жителей, которая целенаправленно двигалась в одну сторону. Огромная масса людей шла неторопливо, лица у них были все больше радостно-возбужденные, как в предвкушении какого-то праздника.

Вот слева толпу рассек паланкин с навесом. Четверо крепких и мускулистых мужчин несли его на плечах. На нем, элегантно откинувшись на спинку, сидела девушка. Она скупающим и высокомерным взглядом оглядывала колышущееся у самых ее ног человеческое море. Пестрое хлопковое платье драпировало фигуру. Волосы, собранные в высокую прическу и украшенные мелкими ракушками, покачивались в такт движениям носильщиков. Запястья и лодыжки охватывали массивные браслеты. На груди покоилась, распахнув когтистые крылья, нефритовая летучая мышь. В целом, одета она была весьма богато, как по местной моде. Но на лицо ни один испанец не мог посмотреть без изумления. Крючковатый нос нависал над верхней губой, приплюснутый лоб выбрит, в носу и ушах поблескивали многочисленные серьги.

– Девчонку можно было бы счесть настоящей красавицей, если бы ее мордашку так старательно не изуродовали, – окинув проплывшие мимо носилки, поделился соображением Себастьян.

Вскоре испанцы оказались на огромной площади. Чтобы обойти ее полностью, им не хватило бы и целого дня. Солнце к этому времени поднялось уже высоко и его лучи жгли просто немилосердно, что особенно хорошо ощущали конкистадоры в металлических кирасах и шлемах. Но рынок построили с умом. Центральную часть этой гигантской площади занимала расположенная во много рядов колоннада. Крытая пальмовыми листьями, она давала тень и

защиту от зноя. Со всех сторон ее окружало бесчисленное множество маленьких лавок и навесов.

На окраинах базара расположились продавцы попроще. Усевшись на небольших скамейках, разложив товары, они предлагали их посетителям. Здесь лежали вещи первой необходимости, простые в изготовлении, а потому доступные по цене: каменные зернотерки для измельчения кукурузы, накидки, корзины, циновки. Ну и, конечно же, продукты. Кукурузные початки, тыквы, кабачки, авокадо, бобы, перец, домашняя птица. Тут торговали обычные индейцы, жители города и окрестных селений. Они в свободное время мастерили самые разные предметы и теперь хотели их продать.

Но хватало здесь и настоящих шедевров. Их явно создавали профессиональные ремесленники. Свертки тончайшей ткани, сложенная гармошкой бумага, разнообразная посуда, тонкостенная и пестро разрисованная, полированные зеркала из обсидиана, украшения из нефрита. Кое-что доставляли издалека: мед, воск, сушеную морскую рыбу, соль, хрусталь. Тут же были самые разные краски, а еще ароматическая смола, которую индейцы жгли в глиняных курильницах во время праздников и религиозных церемоний.

Торговля шла с размахом. Испанцы долго ходили по рынку, дивясь разнообразию товаров. Для них все это было не более чем развлечением. Большую часть того, что здесь продавали, они получали бесплатно. Конкистадоров, как истинных воинов, не могло не заинтересовать местное оружие. Кинжалы и наконечники копий из кремня и обсидиана казались топорными и грубоватыми по сравнению со стальными. Но в чем им нельзя было отказать, так это в остроте. Обсидиановое лезвие имело невероятную режущую кромку. Стоило легонько надавить пальцем и кожа тут же уступала, окрашиваясь кровью.

Особенно Фернана привлекли деревянные мечи – плоские дубины, оскалившиеся по краям острыми обсидиановыми вкладышами. Примерно такими же были вооружены солдаты из сопровождавшего их эскорта. Гонсалес взял один с прилавка, взвесил в ладони, сделал несколько пробных замахов.

– Тяжеловат, – посетовал он. – Ни о каком искусном фехтовании и речи не идет. Стальной клинок легче и маневреннее. Да и колоть этой дубиной нельзя, только рубить.

– К тому же обсидиан хрупкий, – отметил Себастьян. – В бою все эти острые вставки быстро сломаются или расколются. Но вот стоит всего один раз попасть по человеку... Представляешь, какую жуткую рваную рану оставит такое оружие?

А вот луки оказались неважными. В Европе и на Ближнем Востоке встречались образцы куда лучше.

Себастьян остановился возле очередной циновки, на которой лежала посуда, сделанная из бутылочной тыквы. Из мелких плодов получались чашки для питья. Большие шли на изготовление сосудов для хранения воды или пищи. Риос особенно заинтересовался одной флягой, украшенной выжженным на пузатых боках узором. Испанец, насколько позволяло скудное знание языка, выразил восхищение искусством мастера и тут же ее купил за несколько какао-бобов. С довольным видом Себастьян показал тыкву воинам из охраны, как будто хвастаясь таким удачным приобретением. Затем Риос повесил флягу на пояс и двинулся дальше.

– Она тебе так понравилась? – поинтересовался Фернан.

– Не догадываешься? Когда мы сбежим из этого города, то у нас будет две емкости для воды. Сам видишь, эти джунгли не изобилуют реками. Любая фляга пригодится.

Фернан только досадливо закусил губу. В очередной раз Себастьян показал себя более умным и дальновидным, чем он сам. Да уж, без такого товарища Гонсалес бы точно пропал.

Один из купцов прибыл явно откуда-то с побережья. Перед ним на пестром покрывале лежали многочисленные черепашьи панцири. Покрытые каким-то блестящим лаком, с выпуклыми роговыми пластинами, они казались настоящими произведениями искусства. Начиная от самых маленьких, которые с легкостью прятались в ладони, заканчивая огромными, высотой

до груди стоящему человеку. Причем продавались панцири и как сырье и как готовые изделия. Маленькие использовали как сережки или, нанизав их на нитку, делали бусы и ожерелья. Среднего размера, затянутые с одной стороны кожей, превращались в барабаны. Более крупные снабжали на внутренней стороне ремнями и использовали как щиты.

А рядом с ним еще один купец продавал звериные шкуры. Возле него Себастьян застрял надолго.

– Это наш лучший шанс разобраться в том, каких зверей можно встретить в окрестных лесах, – возбужденно начал он втолковывать Фернану.

Перебирая шкуры, он скептически рассматривал их и делился с Гонсалесом своими соображениями. мех койота не вызвал у Себастьяна никакого интереса, он лишь отметил, что это, видимо, какой-то местный шакал. Но вот когда дело дошло до ягуара, то здесь конкистадоры призадумались.

– Ты знаешь, кажется, что это все-таки не леопард, хотя и похож. У этого зверя пятна образуют как будто кольца. Да и размером он, судя по всему, превосходит хорошего мастифа.

Но еще больше удивила Себастьяна шкура пумы. Песочно-желтая, со светлыми пятнами на боках и животе.

– Я бы сказал, что хищник, с которого содрали кожу, это небольшая по размеру львица. Да уж, окружающие нас леса куда опаснее, чем я думал раньше. А вон и шкура рыси. Только медведей не хватает для полного счастья.

– Да ведь этот купец прибыл издалека. Может быть, все названные тобой хищники здесь и не водятся, – предположил Фернан.

– Возможно, что ты прав, – ответил Риос. – Но лучше готовиться к тому, что любой из этих зверей попадется нам на пути.

Скоро испанцы дошли до того участка рынка, где торговали рабами. Были ли они захвачены во время какой-то войны? Или же это люди, попавшие в рабство из-за долгов? Европейцы этого не знали. Они пока не разобрались в том, за что в этом мире можно лишиться свободы. В город невольников приводили цепочками, привязанных за шею к длинным жердям и со скрученными за спиной руками. Каждую такую вереницу сопровождали вооруженные охранники. Фернан вспомнил, как их самих когда-то точно так же привели сюда однажды вечером. С тех пор ситуация для испанцев улучшилась, но вот будущее оставалось туманным. Однако его сейчас интересовали не рабы. Гораздо больше его занимал торговец.

– Себастьян, посмотри на этого пройдоху, который заведует продажей людей. Тебе не кажется, что это наш лучший шанс на побег?

Себастьян присмотрелся к индейцу. Богато одетый мужчина, уже немолодой и надменный, с крючковатым носом и со шрамами на щеке и шее. Сейчас он разговаривал с покупателем, обсуждая с тем достоинства одного из рабов.

– И в чем тут шанс?

– Этот купец неместный. Он прибыл сюда утром, я видел его идущим по дороге. К тому же он немолод. Значит, работой своей занимается не первый год. Наверняка он отлично знает все ближайшие земли. Он мог бы стать отличным проводником, указать нам, где находятся города, реки, колодцы. Возможно, он сумеет даже нарисовать карту этого мира. Если договоримся, то, может быть, он даже поможет нам выйти из города незамеченными.

– Ну и как мы ему это предложим? “Почтенный, а как бы нам отсюда сбежать, причем так, чтобы местные нас не догнали?” Так, что ли? Это безукоризненный план станет известен всей нашей охране практически сразу же.

– Поведем беседу более искусно. Расспросим у него, что за земля вокруг, попросим похвастаться его приключениями, поделится мудростью и богатым опытом. Сделаем парочку комплиментов его знаниям, похвалим за отвагу. Чтобы по местным лесам шляться, храбрость нужна и вправду немалая. Слово за слово, мы все из него вытянем. Тем более что многие

дикари равнодушны к выпивке. Накачаем его этой дрянью, которую они так безбожно хлещут и все вызнаем.

– Чтобы вести такую хитрую беседу, нам нужно выучить их язык досконально. Ты отсюда собираешься сбежать лет через пять? К тому времени уже и купец этот, того и гляди, сто раз успеет вернуться на родину.

– Другого найдем. Это не последний торговец на весь полуостров. А язык в любом случае учить нужно. Сама идея, по-моему, хороша.

– Да, тут ты, пожалуй, прав, – признал Себастьян. – Кто, как не торговцы хорошо знают лежащие вокруг земли. Но захочет ли купец рисковать? Если станет известно, что он помог нам бежать, то ничего хорошего его не ждет.

– Он на то и купец, чтобы свою выгоду понимать. Если сумеем предложить ему достойную цену, то он наверняка согласится помочь нам с побегом.

– Ну и что ты ему отдать собираешься?

– А что здесь выше всего ценится? – задумался Фернан.

– Человеческие сердца, – подсказал Себастьян. – У нас с тобой есть парочка, но если мы ими расплатимся, то вряд ли будем нуждаться в проводнике для побега.

– Можем предложить свои услуги в качестве охранников. Таких бойцов у него наверняка нет.

Себастьян, услышав такое предложение, не удержался от смеха. Увидев, как Фернан оскорбленно вскинул подбородок, он успокоился и сказал:

– Да уж, хороши будут охранники, которых от всего защищать нужно. Опекать, кормить и водить за руку. Друг мой, мы с тобой хорошие бойцы, но на роль охранников никак не годимся. В защите торгового каравана мало умения фехтовать. Мы плохо ориентируемся в джунглях, не знаем повадок местных хищников, вряд ли сумеем заранее обнаружить подкрадывающихся к нам разбойников.

Чуть позже, оказавшись дома, испанцы подсчитали свои богатства. На подаренной индейцами одежде хватало нефритовых бусин и накладок. Этот камень здесь очень ценился. Дорого стоили и перья, украшавшие плащи. К тому же конкистадоры припасли немало бобов какао. И все же этого, по обоюдному мнению, вряд ли хватит, чтобы купец потерял голову и согласился участвовать в таком рискованном деле. Делать нечего, оставалось дальше изучать язык в надежде, что со временем удачный случай еще представится.

А ярмарка длилась около недели. За это время через рынок прошло столько товаров, что даже вообразить невозможно. Фернан и Себастьян с нескрываемым сожалением смотрели вслед удаляющимся торговцам. Любой из них был волен покинуть город тогда, когда ему заблагорассудится. Большая часть купцов уходила в одном и том же направлении. Исходя из этого, испанцы решили, что ярмарка является кочующей и переходит из одного населенного пункта в другой.

Дни шли за днями. Пленники все больше свыкались с окружающей их жизнью. Изучение языка продвигалось своим чередом и вскоре они могли более-менее понимать местных жителей. Хотя и до сих пор мимика и жестикация играла немалую роль в общении. Многие все еще оставались непонятным. Особенно это касалось религиозных церемоний. По какому принципу индейцы выбирали дни для праздников? Как отбирали людей для жертвоприношений? Как вообще могли появиться эти кровавые ритуалы?

– Слушай, купцы начали сходить в город с разных сторон. Откуда они узнали о начале ярмарки?

Вопрос Фернана заставил Себастьяна задуматься. Помолчав с минуту, он ответил:

– Тут два варианта ответа. Или же между городами есть система сообщения или такие вот базары проводят регулярно. Торговцы заранее знают дату и отправляются в путь.

– Чтобы знать дату, нужен календарь, – ответил Фернан. – Думаешь, он у индейцев есть?

– А что тебя удивляет? Если уж у них своя письменность, то почему бы не существовать и календарю?

Если календарь у майя и был, то разобраться в нем конкистадорам не удалось. Письменность индейцев вообще представлялась им каким-то неразрешимым шифром. Здесь были сотни разнообразных символов, сложных, куда более вычурных, чем европейские буквы. Каждый из них напоминал небольшой герб или значок, с кучей мелких деталей. Фернан и Себастьян прилежно продолжали свою работу, записывая местные слова привычным алфавитом.

Далеко не все религиозные праздники включали в себя жертвоприношения. Но прочие ритуалы, хоть и не отнимали ничьей жизни, изумляли испанцев иногда просто до потери речи. Крови явно отводилась в местных верованиях огромная роль. И если ее не проливали зарезанные на алтаре, то с ней расставались по своей воле многие индейцы. Когда Фернан и Себастьян увидели подобное действие впервые, то крепко заподозрили что местные жители не дикари, а попросту сумасшедшие, которые тщательно прикидываются разумными людьми.

Своеобразной вершиной абсурда было то, что в этом обряде принимали участие все главные вельможи. Самые богатые и влиятельные мужчины, которые руководили жизнью города, собрались однажды вместе во время очередного праздника. В роскошных одеждах и высоких головных уборах, сверкая украшениями, они стояли длинной вереницей на большой площади, окруженные толпой зрителей. Один за другим они протыкали себе языки и сквозь них протягивали длинную тонкую бечевку, на которой виднелись еще и небольшие колючки. Каждый из этих вождей, проколов язык, передавал блестящую от крови веревку ближайшему человеку, а сам оставался нанизан. Сосед его, нанизав и себя, передавал нить дальше. И так постепенно два десятка мужчин, высших сановников, превратились в вереницу связанных между собой звеньев одной цепи.

– Вот это ожерелье! – не сдержал изумления Фернан. – Зачем они это делают?

А жрецы рангом поменьше, не удостоенные чести стать частью этой человеческой гирлянды, сновали туда-сюда. Они подбегали к окровавленной бечевке, почтительно собирали пальцами ярко-алые капли и спешили к высокому грозному идолу. Они мазали ему свирепое лицо и толстые губы собранной жидкостью и явно оставались весьма довольны результатом. Соединенные веревкой вельможи вели себя стоически. Боль наверняка была ужасной, но ни единого стога не сорвалось ни с чьих губ. Лишь иногда лицо то одного, то другого сводила гримаса боли. Они то стояли неподвижно, то начинали ходить по кругу, образуя гротескный хоровод.

– Отличный способ единения, – прокомментировал Себастьян. – Нужно будет эту моду распространить в Европе. С удовольствием бы посмотрел, как наши графы и герцоги превращаются в огромные окровавленные бусины. Морда идола и до обряда была страшной, теперь на нее и вовсе без ужаса не взглянешь.

И такой ритуал был далеко не единственным. Во время религиозных обрядов индейцы часто пускали себе кровь. Испанцы, оцепеневшие от этого зрелища, смотрели за тем, как десятки человек прямо на площади начали истязать себя. Маленькими обсидиановыми пластинами они рассекали щеки и брови, полосовали нос и губы, плечи и грудь. Сотни других индейцев стояли вокруг и всячески подбадривали участников церемонии криками. Откуда-то доносились звуки музыки.

Фернан подтолкнул Себастьяна локтем и указал на высокого молодого парня, который стоял в центре площади, держа в руках с десяток тонких рыбьих костей. Со знанием дела он начал прокалывать себе губы насквозь. Рядом с ним приплясывал невысокий крепыш постарше. Он немилосердно хлестал себя по плечам и спине плеткой, с вплетенными в нее колючками.

– Это какая-то жуткая пародия на кающихся грешников, чьи процессии популярны у нас в Европе, – прошептал Себастьян.

– Да, но в нашем мире люди хлещут себя плетьюми, умерщвляя плоть и вымаливая у Господа прощения за грехи, – ответил Фернан. – В чем же суть местного ритуала? Неужели дьявольские боги также требуют от дикарей схожего поведения?

– Похоже, что весь мир этих несчастных дикарей построен на боли.

На самом деле у индейцев майя жертвовать богам часть своей крови считалось вполне обычным действием, но Фернану и Себастьяну это сложно было осознать. То, что в Европе представлялось одной из высших форм религиозного рвения, здесь, в глазах конкистадоров, казалось лишь насмешкой над верой. Ведь эти жертвы и мольбы возносились не истинному богу, а кровожадным демонам, которые не только заставляли местных жителей страдать, но еще и губили души доверчивых дикарей. Так все это виделось испанцам.

Человеческие жертвоприношения проходили большей частью по одному сценарию. Обреченного на смерть, как правило, выкрашенного ярко-синей краской, укладывали на спину на каменном алтаре и, разрезав грудь, вынимали сердце. Хотя однажды европейцы стали свидетелями другого ритуала, когда молодого мужчину подвесили за руки к деревянной балке и расстреляли из луков. Целью индейцев явно было растянуть пытку, поскольку стрелы намеренно пускали сначала в руки, ноги, плечи, стараясь избежать жизненно важных органов.

– Здесь практикуют столько способов истязания и самоистязания, – заметил Фернан. – Болезненные татуировки, сверление зубов, прижигание волос на макушке, шрамирование, прокалывание кожи. Да вся местная культура зиждется на страдании. Мне кажется, что дикарям нравится доставлять боль себе и окружающим.

– Знаешь, мне иногда кажется, что мы живем в бесконечном балагане! У нас только на ярмарке можно было увидеть карликов и уродцев, дающих представления. Здесь же каждый дикарь выглядит чудовищнее, чем те шуты! Я бы в жизни не подумал, что есть целый народ, у которого даже правители стремятся себя изуродовать, – ответил Себастьян. – Я окончательно убедился, что они считают человеческое тело несовершенным и, по мере сил, стараются эту ущербность исправить.

Совершенно неожиданно для испанцев индейцы стали готовиться к походу. Однажды утром добрая тысяча человек, начиная от юношей, заканчивая зрелыми мужчинами, с несколькими вождями во главе выступила из города. Среди них насчитывалось две сотни настоящих воинов, которых конкистадоры уже научились определять по богатой одежде, украшениям и отличному оружию. Но большую часть отряда составляли обычные крестьяне, своеобразное народное ополчение. Запасы еды и воды, связки стрел и дротиков и еще много чего, что могло пригодиться в походе, индейцы тащили на своих плечах. Фернан в очередной раз отметил, что жизнь в Новом Свете, где не водились тягловые животные, куда как нелегка.

Поначалу испанцы обрадовались, понадеявшись, что у местных жителей сейчас своих проблем хватает, так что им некогда будет особо следить за пленниками. Однако он ошибся. Хотя народу в городе заметно поубавилось, но оставшиеся индейцы бдительности не ослабили. Наоборот – охрана, стерегущая конкистадоров, стала даже многочисленнее.

Куда же отправилась армия? Об этом Фернан постоянно ломал голову. Хотелось бы верить, что с Кубы прибыла новая экспедиция, многочисленная и хорошо вооруженная, и как раз ее появление вызвало столь неожиданную мобилизацию. Но он и сам понимал, что это лишь мечты. Испанские колонии в Новом Свете слишком малолюдны. Им не собрать войско настолько большое, чтобы всколыхнуть весь Юкатан. Скорее всего, это какая-то междоусобица. Что она принесет для двух пленников? Что если их город потерпит поражение и будет захвачен соседним племенем? Станет ли это благом для двух конкистадоров или же погубит?

Гадать пришлось недолго. Не прошло и двадцати дней, как воины с триумфом вернулись домой. Среди трофеев особенно выделялись пленники. Около сотни индейцев, связанных и безоружных. О, тут начался настоящий праздник. Целую неделю длились гуляния, торжественные церемонии сменяли друг друга. Танцы, музыка, театрализованные представления, обильные возлияния хмельных напитков – город погрузился в атмосферу бурного веселья.

Конкистадоры не разделяли всеобщей радости. Их больше всего интересовало, что же будет с невольниками. Кто знает, а вдруг это приоткроет тайну их собственного будущего? Как оказалось, большую часть пленных обратили в рабство. Трех зарезали на алтарях в первые пару дней. Впрочем, испанцы ожидали, что крови прольется гораздо больше.

Во всем этом оказался лишь один занимательный момент. Когда очередного пленника собирались вести на вершину пирамиды, Фернан вдруг толкнул друга в плечо и произнес:

– Себастьян! А ведь я его знаю! Присмотрись!

Индеец был в одной набедренной повязке. Раскрашенное в ярко-синий цвет тело блестело на солнце. А грудь наискосок пересекал длинный шрам.

– Это же один из дикарей, которые тогда погнались за нами, – возбужденно зашептал Фернан. – Помнишь, когда мы на побережье оказались отрезаны от своих и кинулись в джунгли. За нами рванулся десяток воинов. Одному из них я располосовал грудь, но рана оказалась не смертельной. Кто бы мог представить, что мы еще когда-нибудь встретимся.

– Да может быть это и вовсе не он, – с сомнением ответил Себастьян. – Мы с тобой тогда оказались в такой ситуации, что некогда было рассматривать нападающих.

– Ты что же, думаешь, я след своего удара не распознаю?! – возмущенно ответил Гонсалес. – Да он же и сам с нас глаз не сводит. Наверняка узнал.

– Да с нас любой дикарь глаз не сводит при первой встрече. Они же никогда прежде не сталкивались с такими людьми. Ты белокожий, к тому же на тебе шлем и европейская одежда. Конечно же, для любого туземца ты редкая диковинка.

Кто из них был прав, испанцы так и не узнали. Через какую-то минуту индеец со шрамом на груди распластался на жертвенном камне, и сердце его потешило грозных богов. Но самое интересное, как оказалось, ждало конкистадоров впереди. Среди пленников оказался какой-то вождь. Теперь он свободно гулял по городу, окруженный многочисленной свитой из местных горожан. Около десяти воинов и слуг сопровождало его повсюду. Рослый, с властным и мужественным лицом, украшенный боевыми шрамами. Плащ из великолепных перьев укрывал его плечи. Тяжелое нефритовое ожерелье лежало на груди, золотые кольца и браслеты украшали руки.

По местным меркам, этот индеец явно принадлежал к самому благородному сословию. Насколько конкистадоры смогли понять, все старались ублажить высокопоставленного пленника. Для них это было вполне понятно и объяснимо. Точно так же и в Европе попавший в плен аристократ пользовался почтением и уважением окружающих и зачастую жил припеваючи, ожидая, когда же за него внесут выкуп, чтобы после этого вернуться домой.

– Интересно будет посмотреть, что же означает богатый выкуп по местным меркам, – высказался по этому поводу Себастьян. – Что это будет? Сотня рабов? Неподъемный мешок с какао-бобами? А может, огромный тюк зеленых переливающихся перьев? Однако же этот вождь не особенно тяготится пленом. Смотри, как гордо вышагивает.

– Ну а с чего бы ему тяготиться? Вокруг него носятся, как... – Фернан задумчиво потер подбородок, подбирая подходящее сравнение. – Как вокруг нас.

– А ведь и правда, – рассмеялся Себастьян. – Ты точно заметил. С таким почетом местные жители до сих пор лишь к нам относились. Хотя мы не богатые вожди и за нас некому внести выкуп. Я даже начинаю немного завидовать. За что это ему такие почести?

Узнать что-то о новом пленнике оказалось сложно. Скудные познания в языке в очередной раз стали препоной. Чика долго пыталась им что-то втолковать, но испанцы поняли лишь,

что это благородный и богатый вождь, храбрый и очень почитаемый. Но обо всем этом и так можно было догадаться. Примерно дней через двадцать во время очередного праздника этого пленного вельможу торжественно принесли в жертву на вершине пирамиды. Хотя даже в день гибели ему оказывали самые высокие почести. Конкистадоры окончательно смирились с тем, что им никогда не понять местных жителей.

– Хорошо держался до самого последнего момента, – признал Гонсалес. – Мужественный человек. Понять бы еще, почему его убили?

– Фернан, жизнь сложна. А у индейцев она вообще не подчиняется никаким законам логики. Хотя, возможно, объяснение самое обыденное. Может быть, за него не захотели внести выкуп. А может быть, в его родном городе нашлись люди, метившие на освободившийся трон. И они как раз наоборот заплатили, причем щедро, за то, чтобы плененный вождь никогда уже не вернулся домой.

– Почему же он за все это время не сделал попытки сбежать?

– Я знаю не больше твоего, – устало признал Себастьян. Его начала изрядно утомлять эта неопределенность, когда невозможно предсказать, что же произойдет буквально на следующий день. – Возможно, у него не получилось. А может быть, он не знал, что его ждет.

– Ага, – фыркнул Фернан. – А может быть, мы с тобой тоже не знаем, что нас ждет?

Услышав эту фразу, Себастьян помимо воли встрепенулся.

– Ты что, думаешь, нас собираются принести в жертву?!

– Я знаю не больше твоего, – хмуро усмехнувшись, передразнил друга Гонсалес.

Произнеся эту фразу, Фернан похолодел. Шутки шутками, но что если брошенная наугад фраза окажется правдой? Особенно настораживало то, что никаких видимых знаков или предпосылок перед жертвоприношением не было. По крайней мере, понятных для европейца. Вот так можно жить припеваючи, а потом в один из жарких солнечных дней тебя возьмут под руки и потащат на вершину пирамиды, где предложат лечь под нож. Причем, поведут те же самые люди, в которых ты до этого рокового дня видел своих расторопных и почтительных слуг.

10. Бегство от майя

Фернан влетел в комнату к другу подобно урагану.

– Себастьян, просыпайся! У меня для тебя новости.

Испуганная таким неожиданным вторжением наложница вскинулась, обеспокоенно глядя на Гонсалеса. Фернан знал, что она по-испански не свяжет и двух слов, но все же предпочитал говорить с другом с глазу на глаз, без лишних свидетелей. Он бесцеремонно подхватил девушку под локоть, поставил на ноги и резким хлопком по голому задку выдворил из комнаты.

Себастьян мирно дремал, не желая в это утро выслушивать никаких новостей. Иногда ему казалось, что выбраться из этого города невозможно, и они всю оставшуюся жизнь проведут в золотой клетке. Поэтому временами на него находила меланхолия и непреодолимая лень. В такие моменты Риос мог целыми днями сидеть, поначалу греясь на солнце, пока оно не начинало слишком припекать, а затем переползать под сень деревьев и отлеживаться в тени. В эти дни он даже почти не ел. Пускай все течет своим чередом, лишь бы его не трогали!

Именно в таком апатичном настроении Себастьян и пребывал ныне. Он даже мысли не допускал действительно встать.

– Себастьян! – повысил голос Фернан. – Я не шучу, у меня важные новости от моей маленькой красавицы!

– Станешь отцом? Поздравляю, – с трудом собрав силы для ответа, равнодушно пробормотал Риос. – Когда будешь выходить, пусти обратно мою Долорес, которую ты так бессовестно выгнал. У меня на нее планы.

Гонсалесу было не до шуток. Он склонился над лежащим, схватил его за плечи и резким движением усадил, для верности еще раз встряхнув.

– Если будешь долго спать, то проснешься уже на каменном алтаре, под ножом у местного жреца! Ты этого хочешь?!

Дрема слетела с Себастьяна мгновенно. Он дернулся и попытался встать, причем так резко, что Фернан не успел уклониться. Испанцы столкнулись лбами и Себастьян снова сел. Затем потер ушибленное место, энергично помотал русой головой, прогоняя остатки ленивого оцепенения, и уставился на Гонсалеса.

– Ты чего, Фернан? – озадаченно пробормотал он. – Что за мрачные предсказания? Кошмар, что ли, приснился?

– Я, в отличие от тебя, не злоупотребляю бездельем, – мрачно отозвался Гонсалес. – Предпочитаю больше времени уделять изучению языка наших гостеприимных хозяев.

– Ну, так что твоя красавица тебе наплела?

– Да разве поймешь! – раздосадованно бросил Фернан.

Он лихорадочно зашагал по комнате. Дойдя до стены, он разворачивался и шел обратно. Себастьян, все еще сидя, провожал своего приятеля взглядом. А Гонсалес снова заговорил.

– Я столько времени и сил потратил на освоение их языка, а вот теперь, когда от этого зависят наши жизни, понимаю, что ничего толком и не выучил. Чика говорила что-то о том, что мы присоединимся к богам, или угодны богам, или будем встречены богами. Я толком не понял...

– То есть, ты мог и неправильно истолковать ее слова? Может быть, она имела ввиду нечто совсем другое?

– Может быть!

Испанцы озадаченно уставились друг на друга. Себастьян не особенно верил в то, что Фернан правильно истолковал значение слов Чики. Несмотря на все попытки выучить местный язык, им зачастую приходилось жестами помогать себе там, где не хватало словарного запаса. Но что, если тот все понял правильно и их действительно собираются принести в жертву?

– В любом случае, – тихо произнес Фернан, немного успокоившись. – Мы же не собирались оставаться здесь навсегда. Нужно выбираться. И чем скорее, тем лучше.

Себастьян согласно кивнул. Втайне, не желая признаваться в этом даже друг другу, оба конкистадора все мечтали услышать о том, что хоть где-нибудь к побережью пристал корабль с их соотечественниками. Тогда можно смело отправляться навстречу новой экспедиции. Но таких слухов не было... А бежать просто наугад в джунгли казалось настоящим самоубийством. Им и так неслыханно повезло, что первая их самостоятельная прогулка по тропическому лесу закончилась удачно. Лишь со временем они осознали, насколько окружающий мир опасен. Не говоря уж о том, что в этих землях живет множество племен, так что, сбежав отсюда, они рано или поздно попадут в плен к другим туземцам. И кто знает, не решатся ли те принести их в жертву сразу же после поимки.

Себастьян уговорил Фернана сесть и они принялись держать совет. Испанцы знали слишком мало. С горем пополам они научились добывать воду прямо из растений, запомнили, каких зверей, насекомых и змей стоит опасаться больше всего. Себастьян даже научился у местных жителей ставить примитивные ловушки на мелкую добычу типа птиц или кроликов. Но они по-прежнему очень смутно представляли свое местоположение. Земли вокруг казались бескрайними. В какую сторону бежать, чтобы не догнала погоня, да еще чтобы, по возможности, не наткнуться на какое-нибудь другое племя?

– Может быть, следующая экспедиция уже достигла Юкатана? Они могли высадиться на берег в ста милях отсюда, потому известия об этом и не достигли наших ушей.

– Да, ты, возможно, прав, – согласился Риос. – Но как нам эту экспедицию отыскать? В какую сторону будем двигаться? Возможно, они попытаются пристать там, где высаживался Кордоба.

– Нам нельзя возвращаться в место нашей битвы с дикарями. Нас там точно не ждет теплый прием. Себастьян, а не могло быть так, что следующий отряд тоже не сумел договориться с индейцами и все конкистадоры погибли?

Риос с сомнением покачал головой.

– Нет, Фернан, не думаю. После попытки Кордобы вторая экспедиция, наученная его горьким опытом, должна быть оснащена куда лучше. Полагаю, в ней окажется сотни четыре солдат. Да плюс еще кавалерия, арбалеты, а то и десяток аркебузов. Такое войско местным людоедам сумеет внушить должное уважение. Да и держаться наши соотечественники будут крайне осторожно. Постараются не лезть в серьезные сражения.

– Где его искать, этот отряд...

И все же затягивать побег было рискованно. Испанцы прекрасно понимали, что индейцы не сообщат им дату отправки под жертвенный нож. Любой прожитый день может оказаться последним.

– Выйти из города мы можем хоть сегодня, – задумчиво произнес Себастьян. – Нас не связывают, не запирают, почти не ограничивают свободу передвижений...

– Пока что, – уточнил Гонсалес.

– Да, задерживаться нельзя.

– А не многого же мы достигли! – невесело рассмеялся Фернан. – Если удастся покинуть этот город, то окажемся мы снова в диком лесу, такие же одинокие и беспомощные, как и раньше. А шансов добраться до Кубы как не было, так и нет.

– Не скажи, – возразил Себастьян. – Мы уже не одну неделю провели здесь, среди непроходимых лесов, кишящих хищниками, змеями и воинственными дикарями. Сам тот факт, что мы все еще живы, уже немалое достижение. Нам нужно добраться до Острова Женщин. Там сделаем лодку и доплывем до Кубы.

– Хорошая идея, – насмешливо ответил Фернан. – От Острова Женщин до Кубы плыть добрых двести миль по открытому морю. И ты предлагаешь пересечь этот пролив в утлом корыте, сделанном из древесной коры. Мы погибнем от жажды или же станем добычей акул.

– Во-первых, нам вовсе не обязательно выбирать одно из двух. Мы вполне можем сначала умереть от жажды, а затем еще и попасть на обеденный стол к акулам. Ну, или на чем они предпочитают трапезничать. А во-вторых, Эрнан Кортес в свое время был готов отважиться на подобный поступок.

– Это еще кто?

– Ты слишком мало времени провел на Кубе, потому и не успел познакомиться с Эрнаном Кортесом. А он, между тем, личность весьма примечательная. Гордый идалго, прославленный фехтовальщик, уложивший на дуэлях немало людей, владетель солидного поместья. Он занимал высокий пост при дворе губернатора Диего Веласкеса. Но потом отношения между ними не заладились. Веласкес управлял Кубой очень властно, и многим это стало поперек горла, в том числе и Кортесу. Но кому ты станешь жаловаться на губернатора? На острове Веласкес является безграничным владыкой. Кортес решил доплыть до Эспаньолы в обычной лодке, причем сделать это планировал в одиночку. А там сотня миль открытого моря.

– Если Кортесу надоела жизнь, то это еще не причина брать с него пример. К тому же, нам нужно будет покрыть расстояние в два раза больше.

– Ну так ведь и нас-то двое, – улыбнулся Себастьян.

– И что же, ему удалось осуществить свой план?

– Нет. У Веласкеса хватает преданных людей. Заговор раскрыли, Кортес оказался под арестом перед отплытием и лишь чудом избежал казни. Но сам пример должен нас вдохновить. Фернан не особенно проникся этой идеей.

– Самодельная лодка – это самоубийство, – ответил Гонсалес. – У нас даже инструментов никаких нет. Не мечом же ее вырезать. Помнишь, на побережье мы встречали множество поселений? Думаю, нужно добраться до одного из них. Дикари строят на удивление хорошие лодки. Постараемся найти с ними общий язык, купим небольшую пирогу и припасов. Если повезет, то доберемся до Кубы. Расплатиться нам есть чем.

Действительно, «денег» у испанцев хватало. Какао-бобы и украшения из нефрита здесь весьма ценились. В крайнем случае, можно отдать местным жителям стальной кинжал. Вся сложность в том, чтобы пересечь морской пролив. Конкистадоры отлично помнили о том, какой шторм трепал их корабли, когда они только подплывали к Юкатану. Устоит ли пирога против ярости открытого моря?

– Да удастся ли нам договориться с индейцами? Что помешает им просто пленить двух чужаков, чтобы убить или обратить в рабство? – задумчиво спросил Себастьян.

– Ладно, это мы еще успеем обсудить, когда будем путешествовать по джунглям. Сейчас нужно уходить из города. Может быть, стоит рискнуть и попросить Чика о помощи?

– Ну уж нет, – отмел такое предложение Риос. – Я так и не научился понимать этих дикарей. Сам вспомни – многие индейцы шли к жертвенному алтарю без понуканий. Похоже, у них быть зарезанным на вершине пирамиды – это особая честь. Я не решусь довериться ей. Риск слишком велик. Чика даже не поймет, почему мы пытаемся избежать своей участи. И если она откроет наши планы остальным, то нас уже ничто не спасет.

– А своей Долорес ты тоже не доверяешь?

– Нет, – отмахнулся Себастьян. – Чика, по крайней мере, действительно к тебе привязана. А вот Долорес вряд ли жить без меня не может. Насколько я понял, проституция здесь не то чтобы процветает, но все же она есть. И моя наложница как-то уж слишком искушена в вопросах любви. Я бы не удивился, узнав, что она всего лишь элитная куртизанка, чьи услуги оплачивает город. Местные жители снабдили нас всем, что только можно пожелать. Стоит ли удивляться, что они обеспечили меня профессиональной любовницей? Я бы ей жизнь не доверил.

Выйти за пределы города испанцы могли беспрепятственно, но их неизменно сопровождала охрана и слуги. Кто знает, не изменится ли отношение индейцев к своим почетным пленникам теперь, когда их совсем скоро должны принести в жертву? Да и десять человек эскорта... Это не так и мало. Справиться вдвоем нелегко. Но тянуть время пленники не могли...

На следующее утро Фернан встал рано. Ему не спалось, мысли крутились вокруг намеченного на сегодня побега. Чики рядом не оказалось. Девушка, как это иногда бывало, на рассвете покинула его постель и куда-то умчалась. Она действительно очень привязалась к Гонсалесу, но отнюдь не желала становиться его тенью. У нее были и свои дела. Ушла ли она навестить родственников, или же спешила для репетиции очередного танца? Этого Фернан не знал, но он почувствовал облегчение, когда увидел, что ее нет рядом. Ему не хотелось, чтобы она увязалась за ним. Чика, как и любая красивая девушка, бывала иногда своенравной и капризной. Если бы она решила, что пойдет на прогулку вместе с конкистадорами, то переубедить ее было бы крайне трудно.

Фернан оделся, забрал оружие. Потом срезал с индейских нарядов нефритовые украшения и высыпал их в кошелек. Они еще могут пригодиться, если придется покупать лодку на побережье. Гонсалес водрузил на голову шлем и в последний раз окинул комнату взглядом. Она долго оставалась его пристанищем. Два месяца? Три? Он потерял счет дням. Посреди стола лежала картина с чудовищным орлом, нарисованная когда-то Чикой.

В памяти у него начали всплывать воспоминания, связанные с девушкой. Как он впервые увидел ее и кинулся на сцену. Как она учила его местному наречию. И сотни других мелких ситуаций, курьезных и забавных. Образ этой обворожительной красавицы встал перед глазами. Фернан с досадой осознал, что действительно привязался к девушке. Такой веселой, энергичной, любознательной и нежной.

Фернан досадливо тряхнул головой. Хватит! Выбора нет. Он в любом случае вскоре расстанется с Чикой. Или сегодня или в тот день, когда его поволокут на вершину пирамиды. Сейчас как раз самое время, чтобы вычеркнуть девушку из жизни! Она принадлежит этому миру, где любой испанец всегда будет чувствовать себя чужаком. Гонсалес не мог взять ее с собой – поход слишком опасен. Да и кто знает, оценит ли маленькая танцовщица идею сбежать из города. А если она действительно откроет их планы другим индейцам? Пора выходить. К тому времени, когда она вернется в эту комнату, он сам будет уже очень далеко.

Больше всего Гонсалеса беспокоил вопрос о погоде. Вряд ли желание выйти на прогулку в ливень не вызовет у индейцев удивления, а затем и подозрений. Но погода стояла великолепная. Яркое солнце залило город и если не знать, какими ритуалами развлекаются местные жители, то картины прекраснее невозможно было бы и представить. Аккуратные ряды домов, вдалеке можно разглядеть возделанные поля. Веселые, жизнерадостные люди, снующие по улицам, спешащие по своим делам, улыбающиеся встречным прохожим. Даже их необычная для испанцев внешность уже примелькалась и не так резала глаза.

В стороне возвышалась, подобно настоящей горе, исполинская пирамида. Хоть издалека, хоть вблизи, она производила ошеломляющее впечатление, как гигантскими размерами, так и сложностью отделки. А рядом с ней, уступая размерами, но тоже гордо устремляясь в небеса, стояли другие пирамиды и дворцы. Опять-таки, удивительный архитектурный ансамбль, способный у любого зрителя вызывать неизменный восторг, до тех самых пор, когда он увидит алтарь и то, что на нем вытворяют.

«С точно такими же счастливыми лицами эти кровожадные мерзавцы спешат на площадь, чтобы полюбоваться зрелищем жертвоприношений» – подумал Фернан, осматривая снующих по улицам индейцев.

Он стоял, шурясь от яркого света, и всем своим видом старался подчеркнуть полнейшую беззаботность. Получалось плохо. По крайней мере, ему так казалось. Себастьян никак не выходил, хотя они и договаривались, что встретятся на улице рано утром. Гонсалес недо-

умевал, как его приятель умудряется так безмятежно спать, зная, какая опасность над ними нависла. Наконец Риос все же вышел на улицу. Он ничем не выдавал внутреннего напряжения, беспечно позевывая и пытаясь навести порядок в своих взлохмаченных русых волосах перед тем, как надеть на голову шлем.

– А тебе, смотрю, не спится? Ну что, готов к путешествию?

Фернан передернул плечами, не желая давать очевидные ответы. Сложно сказать, чувствовал ли он себя готовым, но уходить нужно в любом случае. Гонсалес уже неоднократно мысленно похвалил себя за старое правило – выходить из дома всегда в полном снаряжении. Кираса, шлем, щит и оружие, которые он с неизменным упорством таскал на себе, давно уже стали неотъемлемыми деталями его внешности. Это была нелишняя, но крайне изнурительная предосторожность – доспехи стесняли движения и нагревались на солнце. Зато теперь никто из туземцев не удивлялся тому, что он стоит здесь в полном облачении, как будто прямо сейчас собирается идти в поход. Именно к такому его виду индейцы давно привыкли.

О желании отправиться на прогулку Фернан заявил сразу же после пробуждения. Почетный эскорт уже собрался: шестеро воинов и двое слуг. Испанцы втайне надеялись на чудо и мечтали увидеть отряд поменьше. Конкистадоры мрачно переглянулись, но делать было нечего.

Их маленькая процессия двинулась по улицам. К виду пленников индейцы уже вполне привыкли, так что они не привлекали особо пристального внимания. Себастьян болтал без умолку, то рассказывая Фернану о каких-нибудь давних приключениях, то обращаясь к индейцам. Речь аборигенов он понимал плохо, но красноречивые жесты и живая мимика помогали восполнить эту недостачу. Короче, выглядел Риос совершенно беззаботно.

Фернан же заметно нервничал. Такая игра эмоций давалась ему с трудом, он безостановочно прокручивал в голове различные варианты того, во что выльется их попытка побега. Что, если они потерпят неудачу в самом начале? Не сумеют победить своих спутников или же позволят одному из них поднять переполох. Как далеко они смогут сбежать в таком случае? Но даже если все пройдет хорошо, то каковы шансы уйти от обязательной погони? Местным жителям этот лес знаком до последней тропки, до самого ничтожного цветка. Они пройдут по нему с закрытыми глазами, если потребуется. К тому же, Гонсалес уже убедился, что индейцы могут двигаться в джунглях с немыслимой скоростью, и читать следы не хуже, чем он сам читает книги. Ко всему прочему, преследователи не будут облачены в тяжелые доспехи.

Себастьян быстро заметил обеспокоенность друга.

– Фернан, выбрось из головы мрачные мысли. Ты должен вести себя непринужденно. Спутники наши хоть и дикари, но уж точно не простаки. Они не должны ничего заподозрить.

– Легко сказать, – пробормотал Фернан. – Как думаешь, удастся ли нам отойти от города достаточно далеко, туда, где не будет лишних свидетелей?

– Вспомни, мы ведь уже не раз забирались в джунгли, и случайных прохожих не встречали. Индейцы по этим чащам просто так не шастают. Даже неподалеку от города можно повстречать ягуара.

Беседа помогла немного скоротать время. Улицы сменились возделанными полями, которые затем уступили место деревьям. Начинаясь лес. Впереди шло двое воинов. Они цепкими взглядами осматривали окружающие заросли, держа наготове копья с обсидиановыми наконечниками и круглые деревянные щиты. Следом за ними шагала пара слуг. Каждый из них нес по корзине, щедро наполненной едой. Эти вели оживленную беседу, смотрели по сторонам рассеянно, шутили и смеялись.

Фернан, у которого в ушах начало шуметь от возрастающего напряжения и азарта, слышал их плохо. Единственное слово, которое он явно разобрал, было «праздник». У него почти не возникало сомнений в том, кому уготована роль жертв на этом будущем празднике. Затем

шли они вдвоем с Себастьяном. Замыкали процессию еще четверо воинов, вооруженных не только копьями и щитами, но и грозными деревянными мечами с обсидиановыми вставками.

Себастьян беспечно осмотрелся по сторонам и сказал:

– Мы удалились достаточно далеко. Вокруг никого нет...

– Думаю, нужно в первую очередь перебить воинов, – с трудом разлепив пересохшие губы, произнес Фернан. – Со слугами мы потом без труда справимся.

– Наверное, в этот раз ты не прав, – с сомнением покачал головой Себастьян. – Эти воины – храбрые мужи, они вряд ли покинут поле боя. Если мы сначала возьмемся за них, то пока будет длиться схватка, слуги успеют сбежать. Они поднимут переполох и тогда нам далеко не уйти. Предлагаю сначала убить слуг. А затем уже придет черед воинов. Они-то уж точно не удерут. Правда, еще неизвестно, будет ли нам сопутствовать удача – эти дикие нехристи ловко обращаются с оружием.

Фернан вперил взгляд в затылки идущих впереди слуг. Сама мысль нанести удар в спину казалась ему отвратительной. На него самого неоднократно нападали сзади в те дни, когда он бродил по подворотням Севильи в поисках приключений. Каждое такое покушение оказывалось бесплодным, а сам Фернан проникался все большим презрением к мерзавцам, нападающим исподтишка. Испанскому кабальеро так вести себя не пристало. Опытный Себастьян сразу же понял причину колебаний, явно отразившихся на лице Гонсалеса.

– Фернан, у нас тут не рыцарский турнир. Представь, что ты на настоящей войне и нужно беззвучно снять вражеского часового, чтобы произвести неожиданную атаку на лагерь противника. Ты же не подойдешь к нему открыто, лицом к лицу, иначе он сразу же поднимет тревогу. Ты подкрадешься со спины. А затем перережешь горло. Так и здесь.

– Я лучше возьму на себя двоих воинов, которые идут позади.

– Ладно, – кивнул Риос. Затем помолчал и немного неуверенно добавил. – Справишься?

– Ты меня еще поучи! – не сдержался Фернан. Нервное напряжение, сводившее судорогой мышцы, давало о себе знать. – Я кинжал не первый раз в жизни в руках держу!

– Ладно, – повторил Себастьян. Затем он рассмеялся. – Я никогда раньше даже мечтать не смел о том, чтобы идти на расстоянии вытянутой руки от врагов и вслух рассуждать о том, кого из них и как лучше зарезать. А сейчас, пожалуйста – шагаем рядом с будущими жертвами, делим их между собой, а они и в ус не дуют. Ну что – сейчас?

– Да, – коротко бросил Фернан.

Он резко развернулся, одновременно хватаясь правой ладонью за рукоять кинжала. Одним молниеносным движением рука выхватила оружие и, завершая дугу, полоснула по горлу ближайшего индейца. Во все стороны брызнул широкий веер кровавых капель. Убитый еще даже не начал терять равновесие, а Фернан уже кинулся на следующего противника. В глазах у того мелькнуло удивление, но тренированное тело отреагировало мгновенно – он попытался отскочить и заслониться щитом. Гонсалес толкнул его в грудь и повалил на землю. Досадливо отпихнув щит локтем, он всадил кинжал в грудь индейцу. Через секунду испанец уже был на ногах, желая проверить – не нужна ли помощь Себастьяну. Но тот справился столь же ловко. Первый из слуг лежал на животе, уткнувшись лицом в траву, и не подавал признаков жизни. Второго в это мгновение Себастьян небрежно отшвырнул в сторону с перерезанным горлом.

Конкистадорам повезло, что в густых зарослях сложно было двигаться рядом, и их маленький отряд растянулся колонной. Идущие впереди и позади воины оторвались на несколько шагов. Это давало лишнее мгновение, чтобы выхватить мечи. Расчет Себастьяна оказался верным – воины даже не думали о бегстве. Сейчас двое из них мчались к одному испанцу, а еще двое – к другому. Фернан изначально допустил ошибку, выхватив кинжал правой рукой. Перекладывать его оказалось некогда – противники были в каких-то трех шагах. Гонсалес лихорадочно отшвырнул оружие в сторону и еле успел вытащить меч из ножен. Индейцы налетели, замахаясь копьями.

Фернан прыгнул в сторону, спасаясь от черного обсидианового наконечника, нацеленного в лицо, а сам тут же отсек кисть одному из нападавших. Второй ударил в грудь, но конкистадора спасла кираса. Гонсалес тут же ответил, всадив острие меча в живот неприятелю. После чего без помех добил первого воина с отрубленной рукой.

Себастьян столь же легко отправил на тот свет одного из своих противников. А вот последний оставшийся в живых проявил недюжинную сообразительность и прыть. Бросив оружие, он рванулся в сторону города. Себастьян не стал состязаться с ним в скорости. Он выхватил из-за пояса узкий нож и метнул его в убегавшего. Клинок вонзился между лопаток и индеец упал. Еще полминуты назад здесь было десять человек, теперь же осталось лишь двое.

– Ну вот и все, – шумно выдохнув, сказал Себастьян. – Это оказалось совсем несложно. Теперь тела спрячем в заросли, чтобы их как можно дольше не нашли, и можно смело отправляться навстречу новым приключениям.

Он подошел к поверженному солдату и выдернул у него нож из спины. В этот момент раздался негромкий вскрик. Конкистадоры вздрогнули от неожиданности и как по команде вскинули головы. Зажав рукой рот, глядя на побоище широко раскрытыми немигающими глазами, на тропинке стояла Чика. Непонятно было, зачем она вообще шла вслед за испанцами, к тому же скрываясь в зарослях. И вот, нагнав вырвавшуюся вперед процессию, она узрела все произошедшее и не смогла сдержать изумленного возгласа.

Фернан замер. Он еще никогда не испытывал такого замешательства. Он не решался сдвинуться с места, не зная, что же теперь предпринять. В голове водоворотом мелькали мысли.

«Отпустить? – А вдруг она расскажет обо всем в городе?.. Увести с собой? – Она может сбежать в любой момент, не станешь же ее неусыпно караулить!»

Чика также молчала, не сводя изумленных глаз с неподвижно лежащих тел. Похоже, она тоже никак не могла решить, что же ей делать. Первым стяхнул с себя оцепенение Себастьян. Девушка была совсем рядом с ним. Он с коротким ругательством рванулся к ней. Увидев воина с окровавленным оружием в руках, Чика тоже мгновенно пришла в себя. Фернан кинулся вслед за Себастьяном, опасаясь самого худшего. Увы, он стоял слишком далеко и не успевал вмешаться. Девушка развернулась с явным намерением убежать. Она была проворна и быстронога, но на краткий миг опоздала с принятием решения.

Себастьян налетел на нее и сбил с ног. Падая, Чика взвизгнула от ужаса, но голос ее тут же оборвался, сменившись каким-то булькающим всхлипом. От этого звука Фернан похолодел.

Риос медленно поднялся. Он зажмурился, затем широко раскрыл глаза, глядя в небо. Посмотреть на лежащую на животе девушку он не отваживался. Ему казалось, что он до сих пор ощущает судороги, еще мгновение назад сотрясавшие хрупкое девичье тело.

– Проклятье! – сквозь зубы выдавил он. Сердце болезненно сжалось. – Надо уходить...

Он повернулся в сторону Фернана и застыл на месте. В лицо ему смотрело острие меча...

Внешний вид Гонсалеса не предвещал ничего хорошего. Побелевшая кожа резко контрастировала с горящими, как в лихорадке, глазами. Он стоял неподвижно, но был собран и похож на взведенную тетиву арбалета – стоит коснуться и она сметет все на своем пути.

– Ты что сделал, мерзавец? – еле вытолкнул из себя Фернан, с трудом разомкнув непослушные, помертвевшие губы.

Себастьян замер, не решаясь не то что сделать шаг, но даже пошевелить рукой. Ему уже неоднократно доводилось видеть людей в таком состоянии во время сражений. Чего ожидать от Фернана в этот момент? Может быть, он через мгновение подломится в коленях и распластается на земле, сотрясаемый рыданиями? Возможно. Но не исключено, что он прямо сейчас рванется вперед и всадит меч в горло своему товарищу. Риос не осмеливался даже моргать, опасаясь, что стоит хоть на мгновение потерять зрительный контакт и смерть его окажется неизбежна.

– Фернан, не было другого выбора... – чуть слышно произнес он.

Инстинктивное желание отскочить и приготовиться к бою Себастьян тут же подавил. Он уже давно убедился в том, что с Фернаном ему не сравниться. Да и разве не глупо устроить здесь дуэль именно в это время, когда каждая минута бесценна, когда в любой момент их могут хватиться и снарядить десятки отрядов на поиски. Разве не следовало сейчас бежать со всех ног, надеясь уйти как можно дальше от неминуемой погони. От нее и так крайне сложно будет скрыться.

– Фернан, если бы мы ее отпустили, то шансов сбежать у нас не было бы вовсе.

– Она бы нас не предала! – сорвался на крик Гонсалес.

– Ты не можешь этого знать...

Ситуация зашла в тупик. Себастьян ждал, когда же его молодой и вспыльчивый приятель остынет, молясь, чтобы тот все-таки не решился нанести удар. Фернан же опять оказался на сложном перепутье. Ему было жаль Чику, но покарать Себастьяна у него не поднималась рука. Они столько всего пережили вместе, столько раз рисковали жизнями, пробирались по джунглям, сражались, охотились. Да и что теперь можно изменить? Девушку не воскресить...

«Чокнутый молокосос! – мысленно ругался Риос. – Выбрал же время сводить счеты. Как божий день ясно, что она в испуге побежала бы домой и выболтала все, что увидела. Просто от страха и удивления. Каждая секунда дорога, а он застыл, как изваяние».

– Фернан, а если бы Чика все же разболтала о нашем побеге. Тогда уже поздно было бы каяться.

– И ты решил ее на всякий случай убить, чтобы не терзаться сомнениями?! Выдаст или не выдаст? Себастьян, я отрублю твои подлые руки, а раны перевяжу, чтобы ты не истек кровью до того, как тебя найдут индейцы!

«Вот уж дурацкая получится смерть, – мелькнуло в голове у Риоса. – Сражаться с дикарями, беречься от хищников, с трудом добывать пропитание и воду, попасть в плен, сбежать из него, а в финале получить фатальный удар от своего же земляка. Который, к тому же, этим ударом подпишет и свой смертный приговор, поскольку не протянет в этих джунглях и трех дней без моей помощи!»

– Фернан, посмотри правде в глаза – я просто избавил тебя от необходимости делать это своими руками.

Гонсалес не опускал оружие и продолжал смотреть в глаза Себастьяну. Он не мог убить человека, с которым прожил столько времени рядом. Риос показал себя надежным товарищем. Фернан медленно повернулся и пошел вперед наугад, почти ничего не видя перед собой. Он не решился бросить на Чику даже прощальный взгляд. Зрелище ее безжизненного тела стало бы непосильной ношей. Так можно и разум потерять. Гонсалес хотел запомнить ее живой. Чика всегда была такой подвижной, веселой, любопытной. Похоже, что именно любопытство ее и сгубило.

Себастьян с трудом восстановил дыхание. Он видел – Гонсалес в таком состоянии, что лучше его не трогать. Хорошо еще, что идет он в правильном направлении. Заметать следы схватки в одиночку оказалось трудной задачей, но он обладал большой силой. Риос по очереди хватал тела индейцев и тащил их в заросли. Только к Чике он не решился подойти.

«По счастливому стечению обстоятельств, она и так лежит в кустарнике» – подумал он, а затем спохватился, поняв, как глупо и бездушно говорить о счастье, когда речь идет о гибели беззащитной девушки.

Потом Себастьян разровнял землю ногами. Тропка, на которой разыгралась вся эта сцена, была песчаной, так что следы крови удалось засыпать без особого труда. Он не сомневался, что любой опытный следопыт сразу же разберет следы и поймет все, что здесь произошло так же ясно, как если бы видел эти события своими глазами. Оставалось надеяться, что

дорожка, с виду теперь практически самая обычная, в ближайшее время не привлечет внимание индейцев.

Затем он взял одну из корзин, которые несли с собой слуги, забросил ее в кусты, чтобы тоже не попала кому-нибудь на глаза, а вторую захватил с собой и устремился вдогонку за Фернаном. Еда будет далеко не лишней. Себастьян понимал, как же им повезло – побег удался, о нем пока никто не знает, они оба не получили ни одной царапины, да еще и снабжены на первое время продуктами. Впереди неизмеримо долгий путь, и кто знает, где и чем он завершится.

Фернан шел вперед не разбирая дороги. В ушах все еще звучал предсмертный крик девушки. От жалости и отвращения временами его начинало мутить. Погибнуть вот так: глупо, на ровном месте, ни за что! Господи, в мире нет справедливости! В память лезли обрывочные сумбурные воспоминания. Как он впервые увидел Чики во время выступления. Как, презрев рассудительность и осторожность, он кинулся тогда к ней на сцену. Как она рисовала картину. Как шептала ему на ухо нежные слова, непонятные, но не нуждающиеся в переводе. Молодой человек и сам не осознавал того, как сильно он к ней привязался. А ведь без случайно вырвавшегося предупреждения Чики они были бы обречены! Гонсалес яростно встряхнул головой и закусил губу. Нужно думать о чем-то другом, иначе он сейчас накинется на Себастьяна с оружием.

Фернан шагал не останавливаясь, все еще сжимая меч в руке. Он не оборачивался, не желая видеть ни своего товарища, ни тропинку, ведущую в город, ни пройденный путь. Если бы можно было вот так же просто уйти от воспоминаний! О том, что ждет их впереди, он в эти минуты даже не думал. Время шло. Гонсалес слышал, что позади него столь же быстро и неумолимо идет Себастьян. Постепенно все мысли выветрились из головы. Он просто двигался вперед, не обращая внимания на жару, жажду и усталость.

Солнце поднялось высоко. Испанцы провели в пути уже несколько часов. Даже их выносливости был положен предел. Не сговариваясь, они остановились на привал. Все так же молча беглецы сели в тени раскидистого дерева. Себастьян запустил руку в корзину и выудил оттуда большой кусок вяленой оленины и несколько кукурузных лепешек. Обедали в полной тишине, прихлебывая поочередно воду из фляги. Гибель Чики на обоих произвела гнетущее впечатление. Говорить не хотелось.

Риос жевал и думал о том, надолго ли им хватит провизии. В корзине, которую он подобрал после сражения, оставались еще фрукты. Какие-то запасы он нес и в сумке. О еде они побеспокоились заранее, но много ли ее могло поместиться в обычный заплечный мешок? На пару дней должно хватить...

После краткого отдыха испанцы снова были на ногах. Джунгли внезапно закончились. Лес отступил и перед конкистадорами раскинулась обширная пустошь. Пожухлая трава почти не скрывала каменистую почву. Лишь кое-где идеально ровную плоскость оживляли небольшие кустарники. Выходить на открытую местность было очень опасно. Себастьян смотрел на этот простор прямо как на собственную могилу. К этому времени их бегство уже ни для кого не секрет в городе. Здесь от погони не укрыться. А они видны как на ладони! Обойти же это поле просто немыслимо. Оно казалось бескрайним и терялось за линией горизонта. Но и не возвращаться же обратно по своим следам! Постояв минуту на краю зарослей, испанцы все же двинулись вперед.

Решившись пересечь эту голую равнину, конкистадоры как будто замерли на одном месте. Уже добрых два часа они брели по огромной выжженной степи. Вокруг них ничего не менялось. Где-то далеко, на горизонте, виднелись верхушки деревьев. Но они не приближались, оставаясь все такими же далекими. Иногда испанцы оглядывались назад. Они с тревогой ожидали, что рано или поздно за спиной покажется погоня. Но там все было так же пусто и безжизненно, как и в любой другой стороне.

Солнце, грозный и требовательный бог индейцев, вовсе не собиралось отказываться от обещанной ему жертвы. Сердца двух европейцев предназначались ему в дар, и оно делало все, чтобы беглецы не избежали этой участи. Лучи обжигали кожу, накаляли доспехи, отнимали последние крохи сил. Идти становилось все труднее. Борьба против светила была невозможна.

Испанцы родились и выросли в теплой стране, но местный зной даже для них казался адским. Пот струился по лицам, разъедал глаза. Фернан уже устал вытирать лоб. Пышный рукав куртки пропитался насквозь. Да, впрочем, сейчас вся одежда была мокрой от пота. Тело затекло. Кираса, шлем, щит, оружие... Все то, что раньше неоднократно спасало жизнь, теперь превратилось в обузу.

Фрукты из корзины они давно съевали, а саму корзину выбросили. Даже фляги с водой подчас вызывали глухое раздражение, поскольку имели какой-то вес. Идти по каменистой почве оказалось крайне тяжело. Перешагивая через булыжники, конкистадоры еле находили силы поднимать ноги. А солнце безжалостно высасывало из них энергию.

Гонсалес брел вперед только за счет гордости и упрямства. Он не хотел оказаться менее выносливым, чем Себастьян. А ведь тот тоже шагал из последних сил. Даже держать глаза открытыми было все труднее. Окинув окрестности взором и убедившись, что идут они в правильном направлении, Себастьян вновь ронял голову и упорно двигался дальше. Да и то правда, смотреть особо не на что! Пустошь простиралась безгранично...

Фернан не желал сдаваться ни беспощадному солнцу, ни кровожадным индейцам, ни жажде и усталости. Воды у них оставалось все меньше. Поблизости не было никаких растений из тех, которые могли снабдить бесценной влагой, не говоря уже о реке или хотя бы самой несчастной луже. Да и какая лужа выдержала бы подобную жару? Казалось, они уже попали в ад и идут по безразмерной раскаленной сковородке. Временами налетал обжигающий ветер, принося тучи серой жесткой пыли. Она царапала кожу, набивалась в горло, слепила глаза.

В конце концов, испанцы все же решили сделать привал. Дойдя до ближайшего кустарника, они повалились на землю. День близился к концу. Солнечные лучи падали под острым углом, так что даже за невысокими кустами беглецы смогли укрыться в тени. Напившись, перекусив и отдохнув, они снова двинулись в путь. Целеустремленность конкистадоров все-таки помогла им преодолеть эту пустыню. Когда на землю опустились сумерки, они добрались до небольшой рощи. За ней, вдалеке, виднелись еще деревья. Одна беда, воды у них почти не осталось.

Землю окутала тьма. Искать сочные плоды не было ни сил, ни возможности. Оставалось надеяться, что утром, проснувшись, они сумеют найти фруктовые деревья. О том, чтобы дежурить посменно, испанцы даже не задумывались. Нарезав побольше веток для походной постели, конкистадоры устроились на ночлег. И сразу же провалились в глубокий сон без сновидений.

На следующее утро Фернан проснулся поздно. Себастьян к этому времени уже обследовал приютившую их рощу и обнаружил, что никаких полезных для них растений здесь нет и в помине. Наспех перекусив и допив последнюю воду, путники с надеждой поспешили к следующим зарослям. Отдохнувшие, они смотрели в будущее с некоторым оптимизмом.

Скоро опять начались джунгли. Высокие деревья надежно укрыли испанцев от безжалостного солнца. Сочные плоды помогли восстановить силы. Но лес становился все гуще и гуще. Продираться сквозь него удавалось лишь с большим трудом. Ветки цеплялись за одежду, длинные лианы стегали по лицу, кустарники оплетали ноги. А в этих кустарниках водились змеи. Мечи оставались в руках не ради предосторожности, теперь они нужны были, чтобы прорубать дорогу.

Ближе к полудню испанцы устроились на привал. За это время они проделали не больше трети того пути, который прошли бы по открытой местности.

– Если дальше лес станет еще гуще, то мы тут просто завязнем, как в болоте, – впервые за сутки нарушил тишину Фернан.

Себастьян с надеждой вскинул голову. Он понимал, что до полного примирения еще очень далеко, но первые слова, прозвучавшие после угроз убить его, давали надежду на то, что они с Гонсалесом все же сумеют снова найти общий язык.

– Другого пути нет, – ответил он. – Будем прорубаться. Не пойдем же мы обратно по своим следам. Здесь, по крайней мере, солнце не так жарит.

– Зато обзора никакого нет. Честно сказать, я все жду, когда же в нас полетят стрелы дикарей. Или тех, что нас преследуют или каких-нибудь других. Отвратительное чувство. Не знаешь, откуда ждать угрозы.

– Беда еще и в том, что по этой просеке, которую мы проделали, любой толковый следопыт выследит нас в два счета, – сказал Себастьян. – Пустошь была каменистая, там следов мы почти не оставляли. А здесь с таким трудом движемся вперед, своими руками оставляя для погони не только явные указания, где нас искать, но еще и удобный проход.

– Что будем делать, если нас настигнут?

– Сражаться насмерть.

Ничего другого в голову не приходило. Утешало лишь то, что погибнуть можно будет в бою. Все же для воина это достойная смерть. Особенно по сравнению с кошмарной перспективой лечь на жертвенный алтарь. Участвовать в языческом ритуале им совсем не хотелось.

Час проходил за часом, но легче не становилось. Как будто вся окружающая их природа восстала против чужаков. Джунгли поддерживали местных жителей и стремились сделать все, только бы не дать испанцам уйти от погони. К вечеру второго дня закончилась вся припасенная заранее еда. Лишь соли и специй, спрятанных в сумке, пока хватало. Но отныне конкистадорам еще предстояло добыть то, что потом можно будет этими приправами посыпать. А охота отнимет драгоценное время. Кто знает, насколько далеко индейцы?

Спали беглецы плохо. Полноценно дежурить сил не было и они время от времени вскидывались, вырываясь из объятий чуткого сна. Заросли наполнились звуками. Шорохи могли свести с ума. Казалось, что к ним постоянно кто-то подкрадывается. Стоило лишь приподняться и оглянуться, как все стихало. Но снова опустив голову, испанцы слышали шуршание листьев и хруст веток. Скорее всего, это суетилась какая-то мелкая и совершенно безобидная живность, но кто мог поручиться, что рано или поздно к ним не подберется ягуар или же преследователи?

Третий день начался удачно. Заросли немного поредели, идти стало легче. Вскоре Себастьяну посчастливилось подстрелить кролика. Голод испанцы утолили, но тревогу унять было не так просто.

– Нас догонят еще до заката, – задумчиво сказал Фернан, держа в руках половину поджаренной тушки. – Как бы мы ни старались... Чертовы заросли сожрали почти все наше имущество. Вчера мы вряд ли покрыли больше десяти миль.

– Похоже, нам придется принять бой. Знаешь, как в Африке буйволы устраивают ловушки для преследующих их охотников? Они делают большой круг, возвращаются к своему же следу и ждут в засаде в кустарнике. Как только нарушители их покоя покажутся, они тут же кидаются в атаку.

В предложении Себастьяна был смысл. Конечно, на поимку беглецов отправилось не меньше трех-четырёх сотен человек, но, возможно, они разделились, потеряв след в каменистой пустоши. Если так, то напав на небольшой отряд, можно надеяться на успех. Гонсалес взвесил в руке меч. Надежда призрачная, зыбкая, как тень на воде. Перебить несколько десятков человек... Да, эффект неожиданности, кирасы, фехтовальное искусство. Но все же врагов будет в десять, а то и в двадцать раз больше. Однако никакой толковой идеи у него самого не было. Засада виделась более удачным вариантом, чем столкновение в открытом поле.

– Такую прорву индейцев нам вдвоем не перебить, – высказался Фернан. – Но хотя бы захватим с собой побольше. Нужно готовиться к последнему сражению.

Себастьян решительно встал. Он и сам понимал, что спасти их может лишь какое-нибудь чудо. В его жизни хватало рискованных авантур, и раз за разом ему удавалось выбраться из них живым. Возможно, и это приключение окажется не последним, хотя, глядя правде в глаза, он понимал, что шансов на это до смешного мало. Хладнокровие совсем еще молодого Фернана вызывало у него искреннее уважение. А сам Гонсалес мысленно храбрился, вспоминая героических предков и не желая опозорить свой род. Лишь в этом он находил опору для своего мужества.

– Пройдем еще немного, а потом вернемся к своему следу, – предложил Риос. – Там, дальше, заросли гуще. Нам будет легче спрятаться, да и дикари не смогут пользоваться в такой чаще метательным оружием. Там и примем бой.

Испанцы двинулись в путь. Впереди действительно виднелась небольшая роща. Фернан угрюмо рассматривал ее, видя в ней свою будущую могилу. Славная будет битва, но выйти из нее живыми практически невозможно. Сколько времени придется провести среди густого кустарника в терпеливом ожидании? Да и чего ждать, кроме смерти? Кто знает, как далеко погоня...

Нырнув под защиту деревьев, конкистадоры вскоре услышали шум. Сюда явно направлялся большой отряд! Но звуки эти доносились совсем не с той стороны, откуда они ожидали. Затаившись среди сочной зеленой травы, они с изумлением смотрели на воинов, проходящих всего-то на расстоянии двадцати шагов. Десятки индейцев быстро и неумолимо двигались вперед. Они шли откуда-то с севера, куда как раз и пробирались беглецы. Но самым важным было то, что это войско спешило на юг. Туда, откуда два испанца уже третий день ждали погони.

Фернан и Себастьян, не веря своим глазам, переглянулись. Похоже, что на город, в котором они провели так много времени, планирует напасть какое-то соседнее племя. Впереди шли воины, в богатых плащах, украшенные пышными перьями. Они несли причудливые пестрые щиты, длинные копья, топоры, мечи с обсидиановыми вставками. Кроме них хватало обычных индейцев из ополчения, одетых и вооруженных попроще. Замыкали шествие носильщики, тащившие на спинах запасы воды и провизии, связки стрел и дротиков. Знакомое уже испанцам зрелище местной армии, идущей на войну.

Фернан облегченно уронил голову на землю. Кто бы мог подумать, что спасение придет от туземцев! Даже если погоня где-то поблизости, то она как раз наткнется на идущее навстречу войско. И как же вовремя они сами укрылись в рощице. Иначе уже попали бы на глаза этому отряду. Вряд ли в плену их ждало что-то хорошее. Опомившись, он снова приподнялся на локтях, рассматривая ряды идущих солдат. Всего их оказалось около двух тысяч. Серьезная сила по местным меркам. Через несколько минут индейцы удалились достаточно далеко, чтобы можно было разговаривать, не опасаясь, что их услышат.

– Эта междоусобица как нельзя более кстати, – негромко произнес Гонсалес.

– Ты, Фернан, давно уже не ребенок, но все еще смотришь на мир с оптимизмом, – неодобрительно ответил Себастьян. – А вдруг это союзники наших дикарей, которые идут для объединения сил, чтобы вместе напасть на еще какое-нибудь племя.

– Даже если и так, то это нам тоже на руку. Если индейцы затевают войну, то им уж точно не до погони за всего-то двумя беглецами. Себастьян, а ведь они шли с севера. Видимо, там у них селения, а то и город. Нам бы лучше обойти его стороной.

Так испанцы и сделали. Отклонившись на восток, они продолжили свой путь. Открытых мест старались избегать. Миля за милей оставалась позади, а они неумолимо двигались вперед. Настроение у них улучшилось. Никто не мог сказать, какие еще испытания ждут впереди, но на данный момент опасность миновала.

11. Блуждания по Юкатану

Уже пятый день друзья пробирались по бескрайним просторам Юкатана. Погоня то ли отстала, то ли потеряла их след. Если предположения о войне оказались правильными, то индейцам в городе сейчас вовсе не до двух сбежавших пленников. Как бы то ни было, но после большого военного отряда испанцы вообще пока не видели местных жителей. Вокруг расстилались леса. Кое-где их перемежали песчаные, прокаленные солнцем равнины. Эти пустоши конкистадоры предпочитали обходить стороной. Сейчас они уже не так спешили и прекрасно помнили, сколь беспощадным бывает светило на открытой местности. Двигались путники медленно. Много ли пройдешь за день, если приходится постоянно петлять, избегая то слишком густых зарослей, то обширных каменистых полей.

– Ей-богу, мы с тобой так никогда не доберемся до побережья, – сказал Себастьян. – У нас в Кармоне делают отличное вино. Сам понимаешь, насекомых так вокруг больше, чем дикарей в этих лесах. Помню, как я сидел совсем еще ребенком и наблюдал за пчелами, которые разлетались в разные стороны от виноградного пресса. Меня тогда особенно поразило, что они летают зигзагами. Впрочем, поразмыслив, я решил, что ничего странного в этом нет. Много ли нужно пчеле чтобы напиться? Их шатало из стороны в сторону прямо как матросов, выходящих из таверны. Лишь со временем я обнаружил, что они всегда так летают. Вот и мы с тобой прямо как те пчелы. Такие петли накидываем, обходя заросли и овраги, что зло берет. Шли бы по прямой, давно уже купались бы в океане.

– Да, с дорогами здесь дело плохо обстоит, – согласился Фернан. – Но даже если мы обнаружим проложенный тракт, то осмелимся ли им воспользоваться? Наткнувшись на дикарей, мы быстро снова окажемся в плену.

– Все равно рано или поздно нужно будет с ними договариваться. Когда выйдем на берег, без покупки лодки нам не обойтись. Ты язык-то местный еще не позабыл? Я вот с трудом вспоминаю эти чертовы слова.

Гонсалес неопределенно пожал плечами. Сводящая с ума речь, которую он с таким трудом осваивал, быстро выветривалась из головы. Большую часть листов, исписанных переводами индейского наречия, он оставил во дворце. Они просто не помещались в сумку. Сейчас он лишился практики и словарный запас постепенно таял. Сумеют ли они договориться с рыбаками на побережье?

Но вскоре начались такие дебри, что об открытых пространствах беглецы стали говорить с ностальгией. Себастьян забросил бесполезный арбалет за спину и вытащил меч. Длинный клинок рассекал сучья, расчищая дорогу. Они медленно пробирались в густой чаще тропического леса. Нырять под низко нависающими ветками, обходя поваленные деревья, конкистадоры зорко смотрели по сторонам.

Опасности подстерегали на каждом шагу. Крупные омерзительные пауки с длинными волосатыми лапами и серповидными челюстями бежали по своим делам. Один вид подобной твари вызывал отвращение. И опаску, чего уж греха таить. Испанцы узнали от индейцев, что яд этих чудовищ не является смертельным, но может вызвать лихорадку и тошноту. А им и без того тошно было. Пауки водились и у них на родине, но даже самые крупные из них не шли ни в какое сравнение с монстрами, которыми кишели эти леса.

Отводя рукой очередную свисающую лиану, Фернан ощутил, как на него что-то упало. Длинная серо-зеленая змея шлепнулась ему на плечо. Он с проклятием дернул рукой, стряхивая ее на землю. Себастьян тут же подскочил и зарубил свернувшегося кольцами гада. Гонсалес лихорадочно закатывал рукав куртки, внутренне холодея от дурных предчувствий. Они вдвоем внимательно осмотрели руку от ладони и до самого плеча. Следов укуса не оказалось. Фернан, все еще не веря своей удаче, с облегчением вздохнул и запрокинул голову вверх. Смерть про-

махнулась. Потом он с подозрением осмотрел нависающие над головой ветки. Сколько там еще тайлось змей? Выбирать не приходилось, нужно было идти вперед.

Местность вокруг стала еще более гиблая. Земля вскоре начала мерзко хлюпать под ногами, засасывая сапоги и с неохотой отдавая их обратно. Поскользнувшись, Себастьян оперся ладонью об ветку. Притаившийся на ней паук тут же вскинулся, угрожающе подняв вверх передние лапы. Испанец отдернул руку, выругался, и мечом смахнул восьмилапую тварь вниз. Паук нырнул в траву и побежал куда-то в сторону Фернана. Тот, видя такое развитие событий, отскочил в сторону, настороженно высматривая подбирающегося врага. Нападать на них не спешили. Похоже, что паук предпочел не связываться. И подобные ситуации происходили одна за другой. Змеи с шипением вздымали плоские головы и смотрели вслед людям своими немигающими застывшими глазами.

Скользкая почва проседала под ногами. Кое-где стали попадаться лужи, полные мутной зеленоватой воды, совершенно непригодной для питья. Приходилось довольствоваться плодами и влагой, собранной из стволов растений. Дышать становилось все труднее. Деревья постепенно уступили место камышу.

Фернан брел, с трудом переставляя ноги. Жидкая грязь чавкала под ногами. Рука уже устала рубить высокие упругие стебли. Временами он менялся с товарищем местами. Так они поочередно прокладывали дорогу вперед. Звук рассекаемых стальным клинком растений стал таким же привычным, как и гудение бесчисленных комаров. Хорошо еще, что Себастьян в плену времени зря не терял. Он многому научился у индейцев. Срезав какой-то водянистый бесформенный куст, он добыл из него немало бесцветного сока. Гонсалес, стараясь дышать ртом, прилежно намазал себе лицо и шею. По его мнению, запах этого сока был просто отвратительным. Видимо, в этом вопросе его вкусы вполне совпадали с комариными. Москиты висели в воздухе целыми тучами, но садиться на людей не спешили.

– Кружат над нами, как вороны над трупами, – бросил Фернан. – Ждут, наверное, когда же у нас запасы этой дряни подойдут к концу.

– И чего привязались? – бурчал Риос. – Можно подумать, кроме нас тут и еды нет. Что они вообще жрут, когда поблизости людей нет? Вот жрали бы это и сейчас, а то за полчищами мошкары скоро солнце скроется.

Себастьян лишь выдавал желаемое за действительное. Светило стояло в зените. Камыш оказался смехотворно слабой защитой. Солнце пронзало тонкие стебли сотнями стрел и без промаха било в цель. Жара и влага могли dokonать кого угодно. Все же здесь было лучше, чем в каменистой пустоши. По крайней мере, можно опустить руку, зачерпнуть пускай даже теплой воды и смыть с лица едкий пот. Но приходилось соблюдать осторожность. Того и гляди вокруг запыстят обовьется змея, которая, как будто только и ждет такого шанса.

Фернан не удержался на скользкой кочке и с проклятьем упал в лужу. Она оказалась на диво глубокой, засосав его чуть ли не до середины бедер. Себастьян тут же кинулся на выручку. Кое-как он вытащил друга на возвышенность. Гонсалес в изнеможении лежал на спине. Солнце не собиралось оставлять его в покое. Жгучие лучи резали глаза даже сквозь опущенные веки. Он вскинул руку, заслоняя лицо. Потом вспомнил, что в этих гиблых местах никто не может позволить себе роскошь беззаботно валяться, не глядя по сторонам. Фернан сел и осмотрелся. Вокруг земля все больше покрывалась мутными затхлыми лужами, заросшими водорослями. Пить эту воду нельзя. Вскоре им придется не идти, а плыть. Себастьян молча протянул ему флягу. Она была почти пуста.

– Себастьян, ты в жизни много успел нагрешить?

Риос с подозрением покосился на товарища.

– Всякое бывало, – уклончиво ответил он. – А что?

– Мы тут с тобой скоро повторим судьбу великого грешника Тантала, который стоял по шею в воде и не мог напиться. Как думаешь, заслуженно?

– Нам это вряд ли грозит. Тантал страдал целую вечность, ну а мы через пару дней просто умрем от жажды.

– У меня предложение получше. Через пару дней мы отсюда выберемся.

Собравшись с силами, Фернан встал и зашагал дальше. Он не позволит этому враждебному миру взять над ним верх! Гордость и упрямство подстегивали измотанное тело. Вот так запросто умереть?! После всех пережитых опасностей?! Погибнуть от жажды?! Ну уж нет!

Ночевать им все же пришлось посреди болота. С трудом выбрав местечко посуше, они с горем пополам развели костер. Гонсалес дежурил первым. Он сидел, обхватив колени руками и время от времени подкармливая умирающее пламя очередной веткой. До утра топлива, скорее всего, не хватит. Света ровно столько, чтобы кое-как рассмотреть протянутую вперед руку. Был ли огонь сейчас помощником, помогающим вовремя заметить ползущую змею? Или же наоборот предателем, приманивающим своим сполохом какую-нибудь тварь из темноты? Испанец не решился бы дать ответ. Но лежать в крошечной тьме, понимая, что в этот самый момент к нему, возможно, подкрадывается голодный хищник, казалось верхом глупости.

«Странно, – думал Гонсалес. – Первые дни, проведенные в этих лесах еще до пленения, виделись мне увеселительной прогулкой. Нам почти не попадались змеи и пауки, ягуаров и крокодилов мы замечали издалека, солнце было далеко не таким беспощадным, даже в воде недостатка не ощущалось. Теперь же тяготы обрушиваются одна за другой. Как далеко еще до побережья? И что ждет нас там?»

Он достал из кошелька на поясе золотую фигурку, выигранную когда-то в карты. Статуэтка продолжала скалиться в насмешливой гримасе. В очередной раз Гонсалесу пришла в голову мысль о том, что истукан радуется злключениям двух путников. Из глубины души поднялась волна гнева. Захотелось швырнуть фигурку в болото, чтобы она не смела больше потешаться над проблемами двух заблудившихся конкистадоров. Пускай лежит где-то на дне, в объятиях ила, не видя солнечного света! Останется ли она и тогда такой же веселой? Но Фернан этого не сделал.

«Зря скалишься, – прошептал он золотому идолу. – Мы отсюда выберемся, обязательно выберемся. Вот увидишь. Ты даже не представляешь, на что способны испанские солдаты»

Враждебная природа и на этот раз не смогла погубить путников. Примерно к обеду следующего дня конкистадоры все же пересекли огромное болото. Возвращение в джунгли, укрывающие от солнца и дарующие хоть какую-то пищу, воспринималось ими чуть ли не как возвращение в родной дом. Не прошло и часа, как Себастьян подстрелил кролика. Набрав плодов и выкопав парочку съедобных клубней, они устроили для себя просто царский, по нынешним меркам, обед.

Далеко позади осталась погоня, и выжженная безводная пустошь, и бескрайнее пространство затхлой воды, которую нельзя пить. И хотя никто не мог сказать, какие испытания ждут их впереди, но конкистадоры смотрели в будущее с оптимизмом. Раз уж они преодолели все эти прошедшие трудности, то почему бы столь же успешно не преодолеть и грядущие?

Поначалу добывать пищу оказалось сложно. В лесу водилось мало живности, а та, что попадалась, была зачастую слишком мала, чтобы утолить голод. Какие-то лягушки, змеи, ящерицы, мелкие птицы. Кролики, петляя, пускались наутек и практически мгновенно скрывались из виду в густой траве или кустарнике. Лишь один раз Себастьяну удалось подстрелить небольшого оленя. Это стало настоящим праздником.

Испанцы продвигались вперед медленно. Самые жаркие часы они предпочитали пережить где-нибудь в густой тени. Охота и приготовление пищи также отнимали время. Да и идти приходилось осторожно. Несколько раз им попадались следы крупных кошачьих. По ночам слышался рев хищников.

Постепенно конкистадоры приловчились добывать пищу. Себастьян изучил повадки кроликов и привык стрелять мгновенно, как только они попадались ему на глаза. Сейчас на арба-

лет и на меткость Риоса была вся их надежда. Одними плодами вряд ли можно было наестся. Фернан в очередной раз подумал, что ему очень повезло с товарищем. Да и в целом, в лесу со временем животных стало попадаться все больше. Призрак голодной смерти с досадой отступил от двух испанцев.

Проведя в этих краях уже немало времени, они ко многому стали относиться спокойно и без удивления. Привычными деталями пейзажа стали пестрые шумные попугаи, любопытные туканы с длинными клювами, разноцветные бабочки. На глаза стали чаще попадаться огромные игуаны. То зеленые, то красные, то ярко-синие, они сидели, греясь на камнях, или деловито поедали плоды. Испанцы проходили мимо них спокойно. Индейцы объяснили, что эти гигантские ящерицы не представляют угрозы. Наоборот, наличие игуан успокаивало – Фернан и Себастьян уже знали, что их можно употреблять в пищу, так что в случае неудачной охоты на привычную дичь можно будет подстрелить экзотическую добычу.

Иногда двум путникам доводилось спугнуть стадо пекари. Эти заросшие жестким волосяным созданием, похожие на небольшую свинью, с визгом разбегались, продираясь сквозь кустарник. Однажды удалось даже подстрелить молодого самца. Мясо оказалось весьма приятным на вкус. Кукурузная крупа давно уже закончилась, зато запасов соли и специй еще хватало. Как великую драгоценность конкистадоры несли мешочки с нефритом и какао-бобами. Этот неприкосновенный запас, возможно, позволит купить лодку, когда они выйдут на побережье.

Пробираясь по джунглям, Фернан не терял бдительности. Оба клинка он держал в руках, готовый отразить любое нападение. Но все же атака оказалась неожиданной. Внезапно справа от него из густых кустов возникла длинная пятнистая фигура и рванулась к человеку. Испанец не оплошал. Меч описал дугу и опустился на зверя сверху. Но бросок того был слишком быстр. Ягуар подмял под себя человека, заливая его кровью из рассеченного плеча.

Глухой утробный рык звучал подобно раскатам грома. Могучие челюсти сомкнулись на узорчатой гарде меча. Хищник дернул головой, едва не вывихнув Гонсалесу запястье. Передние лапы без толку скользнули по стальной кирасе, разодрали рукав куртки. Зато когти задней вцепились в бедро. Разъяренный зверь трепал испанца как тряпку. Фернан резко всадил кинжал в брюхо зверю. Вытащил, еще раз ударил. Адреналин заглушил боль. Все происходило слишком быстро. Он не успел даже испугаться. В голове билась лишь одна мысль: «Эту тварь нужно убить!»

Это длилось всего секунду. Сбоку подскочил Себастьян, нанес скользящий удар мечом. Бить в полную силу он не решался, опасаясь убить друга, с которым хищник сплелся воедино. Ягуар тут же бросил Гонсалеса и обернулся к новому противнику. Фернан, лежа на спине, с яростным криком ударил вдогонку врагу. Удар оказался удачным. Стальной клинок свистнул над землей и отсек зверю заднюю лапу. Тот заревел, свиваясь клубком и корчась от боли. Себастьян и вскочивший на ноги Фернан лихорадочно рубили гигантскую кошку. Через полминуты от нее уже ничего не осталось, кроме груды истерзанного, окровавленного мяса. Убедившись, что хищник мертв, испанцы принялись осматриваться по сторонам. Вокруг все было тихо и спокойно. Джунгли замерли. Птицы, испуганные звуками борьбы, разлетелись в разные стороны.

Гонсалес поморщился от нахлынувшей боли и ухватился за распоротую ногу. Себастьян осмотрел себя с ног до головы, удивляясь тому, что вышел из такой схватки без единой царапины и тут же присел возле друга. Когти оставили четыре глубокие борозды чуть ниже бедренного сустава. Риос облегченно вздохнул – рану вряд ли можно считать серьезной. Мышцы и крупные кровеносные сосуды не задеты. Выручил костюм по европейской моде – верхнюю часть штанов украшали шарообразные буфы с толстой набивкой. Разодрать такую подушку даже самому опасному хищнику оказалось нелегко.

Добыв из сумки кусок чистого хлопкового полотна, взятого когда-то в городе, они забинтовали ногу. Но о том, чтобы сегодня продолжить путь, не могло быть и речи. Фернан терпел

перевязку, глядя на убитого ягуара. Пасть его застыла в неподвижном оскале. Снежно-белые клыки влажно блестели. Повезло, что они сомкнулись на мече, иначе испанца ничто бы не спасло. Повезло, что на нем надета стальная кираса, защитившая от грозных когтей. Повезло, что рядом оказался Себастьян. В одиночку такой поединок человеку не выиграть. Не схватка, а сплошная полоса везения.

«Как быстро можно из свирепого хищника превратиться в самую обыкновенную падаль» – подумал Гонсалес.

Победа утешала, но, с другой стороны, ягуар ведь тоже до этого дня справедливо считал себя непобедимым. Кто знает, чем закончится следующая схватка с хищником?

Себастьян помог другу уместиться в тени, а сам поспешил на поиски подходящих растений, надеясь пополнить запасы воды. Почти все содержимое фляги он использовал при обработке раны. А ведь если у Фернана начнется жар, что вовсе не удивительно при такой кровопотере, то без питья никак не обойтись. Совсем рядом испанец наткнулся на небольшой ручеек. Это было просто чудо. Юкатан не баловал своих обитателей обилием рек или озер. В этом конкистадоры уже успели убедиться. До утра они провели время в вынужденном бездействии.

Гонсалес мужественно терпел боль. Он старался ничем себя не выдать. Бедро горело как будто в огне. Казалось, когти огромной кошки все еще терзают его. И все же гордость переполняла молодого кабальеро. Победить такого зверя, пускай даже вдвоем – это можно считать настоящим подвигом! Риос же не терял времени даром. Он набрал воды и сделал запасы сочных плодов. А также установил несколько петель, надеясь добыть в них какую-нибудь мелкую живность.

Спал Себастьян плохо. Постоянно вскидывался, подбрасывая веток в большой костер и прислушиваясь к дыханию спящего товарища. Тот дышал ровно. Похоже, никакой лихорадки у него не было. Что же, столкновение с ягуаром обошлось малой кровью. Дождаться на одном месте выздоровления раненого путники не могли. Себастьян сделал для друга костыль из крепкой палки с перекладиной. За день Фернан сумел пройти около двух миль. Шли с длительными остановками. Так они и продвигались вдоль ручья.

Юкатан казался им бесконечным. Сколько еще дней предстояло идти, попадая из одной передраги в другую? Индейцы, пустыни, топи, змеи, хищники... Стоило испанцам решить, что их уже ничего не может удивить, как происходила какая-нибудь новая неприятность. Именно эту идею сейчас Себастьян и втолковывал Фернану:

– Да уж, в этих краях за один год можно тысячу раз погибнуть. Странно, что мы пока живы! Чего ждать в будущем? Что перед нами внезапно раскинется горный хребет, во время преодоления которого начнется извержение вулкана, а потом нас еще и накроет лавина? Осторожнее, вон там слева на дереве змея.

Гонсалес послушно сделал пару шагов вправо, обходя опасную рептилию. Себастьян шел впереди, при необходимости расчищая дорогу. В одной руке меч, в другой зажат арбалет. Одной рукой прицелиться и выстрелить невозможно, но и клинок оставлять в ножнах нельзя. Никогда не угадаешь, какое оружие пригодится в следующее мгновение. А ну как сейчас выскочит из зарослей ягуар! И что тогда делать?! То ли рубить, то ли стрелять, то ли падать на колени и молиться Деве Марии! На Фернана сейчас надежда невелика.

Гонсалес же шел следом. В правой ладони привычно лежал меч. В подмышку левой упиралась перекладина костыля. А нижний конец этого костыля, будь он неладен, находил на дороге каждую ямку, каждый рыхлый пяточок песка и тут же уходит вглубь на добрую ладонь! И приходилось раз за разом его вытаскивать! Как будто даже земля Юкатана старалась досадить путникам, хватаясь за эту деревянную подпорку и мешая идти вперед. Утешало то, что рана заживала хорошо, так что скоро можно будет снова передвигаться на своих двоих.

Через несколько дней испанцы с огромным сожалением попрощались с ручьем. Тот сворачивал на запад, в обратную от Кубы сторону. Но, как оказалось, причин для уныния не было.

На Юкатане с приходом лета начался сезон дождей. В этом году он несколько запоздал, зато теперь наверстывал упущенное. Больше не приходилось, холодея от дурных предчувствий, взвешивать флягу, пытаясь определить, сколько же в ней осталось жидкости. Вода падала просто с неба. Ее было столько, что ни о какой экономии уже и речи не шло. Испанцы вздохнули с облегчением. Одна из самых серьезных угроз отодвинулась на дальний план, растворилась, смытая потоками ливня.

Путникам больше не досаждали беспощадные солнечные лучи, насквозь пронзающие любые заросли и жадно забирающие силы. Но заметно изнуряла влажность. Роса оседала на листьях, траве, сотнями маленьких капель украшала шлемы и кирасы. Дышать с непривычки было тяжело. Казалось, что влага сама рвется в легкие, забивая их и вызывая постоянные приступы кашля. Вода не задерживалась на поверхности и быстро уходила вглубь, но лишь для того, чтобы с неба в скором времени выпала новая порция. Джунгли, и до того пестрые, теперь окончательно расцвели. Каждое растение, будь то цветок, кустарник или дерево, стремилось перещеголять яркостью красок соседей.

Дожди пока что не слишком досаждали испанцам. Они не длились сутками напролет, несколько смиряли ярость солнца, обеспечивали водой. Идти стало чуть труднее – грязь все больше покрывала собой землю. Но это было ничтожной платой за избавление от жары и жажды.

Однажды утром прямо посреди леса они наткнулись на каменный дом. Он стоял в одиночестве, зияя провалами окон, без крыши, наполовину скрытый растущими вплотную деревьями.

- Вот это да, – выдохнул Фернан. – Тут живут люди!
- Вернее, жили. Сам видишь, хибара давно заброшена.
- Это еще не значит, что поблизости нет жилых домов.

Гонсалес перекинул щит со спины, привычно уместив его на левом локте. Мирные переговоры хороши, но следует приготовиться к неприятностям. Бедро уже почти зажило и двигался он без проблем. Себастьян начал осторожно обходить здание. Даже если индейцев внутри и нет, то какой-то зверь запросто мог облюбовать его под логово. Это был самый обычный дом, таких они видели немало в городе. Одноэтажный, сложенный из известняка, с одним входом. Некогда его венчала тростниковая крыша, но сейчас от нее ничего не осталось. Внутри сквозь земляной пол проросли травы, в которых копошились мелкие ящерицы. Голые стены. Вообще ничего больше. Люди покинули его уже много лет назад.

Фернан первым заметил серый бок еще одной постройки. Подойдя ближе, они увидели очередное здание, а чуть дальше рассыпавшуюся каменную кладку. Картина была странной. Высокие могучие деревья стояли вперемешку с некогда жилыми домами. Давно уже никто не тревожил покой покинутых жилищ. По-прежнему прочные, они стояли тут десятилетиями, а может и веками. Джунгли постепенно наступали, поглощая их, укрывая тенью от огромных веток, заплетая лианами и хороня под высокими травами.

Конкистадоры медленно шли вперед. Внимательно осматривая брошенные дома, они нигде не видели ни малейших признаков жизни. Человеческой жизни. Лесная была вполне привычной. На верхушке одного из домов уместилась крупная игуана. Распластав длинное зеленое тело, она блаженно грелась в лучах солнца, не обращая на людей никакого внимания. То тут, то там мелькали птицы. Темные дверные проемы настороженно провожали взглядами двух путников. Давно, уже очень давно не видели они никого, кроме дикого зверья. Гонсалес оглядывался, подсознательно ожидая, что вот сейчас откуда-то на них ринется... Кто? Фернан бы даже сам не сумел ответить, чьего нападения он опасался. Кто поселяется в мертвом городе после того, как его покинули люди? Но все было тихо...

Строений впереди попадалось все больше и Фернан сказал:

– Себастьян, а мы ведь уже давно идем по этому городу. Окраины растворились в джунглях. Там находились поля и огороды, хижины из глины и тростника. Деревья и кустарники поглотили их без следа. А сейчас мы приближаемся к центру. Тут каменные постройки, над которыми не властно время.

Говорил он шепотом, как будто опасаясь громким голосом разбудить этот мертвый город от многовекового сна. И все же здесь было тише, куда тише, чем просто в лесу. Или это только так казалось испанцам? Совсем скоро они наткнулись на настоящую дорогу. Сложенная на фундаменте из белых известняковых глыб, присыпанная сверху мелкими камнями, она тянулась вперед – прямая, как клинок меча. Индейцы строили на совесть. Между камней во многих местах проросла трава, но все же идти по проторенному пути было куда легче. Конкистадоры двинулись по нему, слыша, как под ногами хрустит гравий.

Примерно через полчаса они вышли на огромную площадь. Справа и слева возвышались гигантские ступенчатые пирамиды. Самая огромная взметнулась в небо прямо перед ними. Как будто в старой сказке – потерялись во времени и, блуждая, вернулись обратно в тот самый город, где прожили так долго. Где изумленными глазами увидели высокую культуру индейцев, их достижения в архитектуре, ремеслах, искусстве. Где узрели ужасные кровавые жертвоприношения. Вот только у испанцев путь занял несколько дней, а здесь прошли века.

Картина вокруг была очень знакомой. И в то же время очень чужой. Фернан силился вспомнить, так ли выглядела главная площадь в том городе, из которого они сбежали. Сотни мелких различий отвлекали, сбивали, мешали думать. Здесь кругом царил дикость и запустение, там кипела жизнь. Здесь лишь два человека стояли, глядя вокруг, там же их насчитывались сотни. Нет, все же это другой город. Гигантские постройки казались похожими, но немного отличались. Пирамид оказалось всего четыре, да и форма у них была немного иной.

Конкистадоры замерли посередине площади. Даже она, обильно усыпанная утрамбованным гравием, уступала натиску леса. Тут и там проросли травы и кустарники, выющиеся растения карабкались вверх по ступеням пирамид. Испанцы замерли, не решаясь даже громким вздохом нарушить тишину. Почему жители покинули свои дома? Что стало причиной? Война? Эпидемия? Проклятие? Джунгли укрыли мертвый город, спрятав от любопытных глаз ответ на этот вопрос. Если местные жители все вымерли, то где тела индейцев? Растащили ли их дикие звери? За прошедшие века всякое могло произойти.

Фернан стряхнул с себя оцепенение и тронул Себастьяна за плечо.

– Пойдем.

Рука его указывала на верхнюю площадку самой большой пирамиды. Сказано было решительно. Риос неодобрительно качнул головой и спросил:

– Что ты там хочешь увидеть? Город покинут, там только немые камни.

Гонсалес упрямо качнул подбородком и двинулся к лестнице. Себастьян, бурча что-то себе под нос, зашагал вслед за ним. Нижнюю ступень с двух сторон украшали привычные змеиные головы, с коронами из перьев. Их пасти застыли в каменном оскале, глаза свирепо глядели на двух неожиданных гостей. Испанцы стали подниматься. Шли довольно долго. Подъем был очень крутым, да и камни кое-где выщербилась.

И все же через несколько минут конкистадоры достигли верхней площадки. Прямо перед ними стоял алтарь. Он давно лишился того дьявольского великолепия, которым снабжали его индейцы. Века оставили свой след. Краски смыло дождями, вырезанные на боках символы стали еле различимы. Просто серый камень, потускневший от воды и ничем не примечательный.

А на противоположном краю площадки возвышался каменный храм. Внутри царил тьма.

– Жаждай факел, – решительно сказал Фернан.

– И что ты там хочешь увидеть? – недовольно ответил Себастьян.

– Чего ты опасешься? – Губы Гонсалеса искривила легкая усмешка. – Сам сказал – там всего лишь немые камни.

Испанцы вступили в чертоги давно забытого святилища. Фернан и сам не смог бы сказать, зачем его потянуло в это совершенно дьявольское, с его точки зрения, место. Наверное, это было то же самое стремление, которое толкнуло его отправиться в Новый Свет. Если есть враг, то с ним нужно обязательно помериться силами. Что за жизнь без триумфа? А в этом далеком краю самым грозным и могущественным противником для любого доброго католика являлся Сатана. Гонсалес просто не мог пройти мимо его обиталища, чтобы не заглянуть внутрь и не бросить таким поступком вызов дьяволу.

Ничего хорошего испанцы не ждали, а потому шли во всеоружии. Сталь клинков должна помочь в схватке против существ из плоти и крови, а вера и молитва станут опорой в борьбе против порождений ада. Пляшущее пламя металось, освещая углы, звук шагов эхом отражался от стен. Конкистадоры двигались осторожно, оглядываясь по сторонам и выставив мечи остриями вперед.

Здесь, укрытые каменной крышей от дождей и ветров, на стенах расстилались красочные фрески. Сцены сражений сменялись картинами праздников. Танцоры и певцы били в барабаны и дули в трубы, от души веселясь. Толпы пленников шли, понутив головы, склоняясь перед победителями. И шли они, разумеется, к алтарю. Там сидел огромный монстр, нарисованный в лучших местных традициях: зубастый, крючконосый, горбатый. Он пялил свои жадные глаза на только что вырезанное сердце, которое с почтением подносили ему на блюде два жреца.

Фернан помимо воли передернул плечами. Давно уже сгинул народ, потчевавший своих богов человеческими сердцами. Покинул этот проклятый город и растворился во тьме веков. Но живопись все помнит. И сейчас, как и сто лет назад, как и еще через сто лет, сидит и будет сидеть на помосте уродливый демон и тешить свою алчность муками и страхом приносимых в жертву людей. Сжечь бы весь этот мрачный храм, как будто вознесенный сюда прямоком из преисподней! Да разве камню что-то делается!

Он одернул себя. Как можно так забывать об осторожности?! Смотреть нужно по сторонам, а не на стены. Дальние комнаты храма все еще не исследованы. Кто знает, что там таится? Конкистадоры медленно шли вперед. И все же глаза их помимо воли раз за разом обращались на фрески. Неровный свет факела оживлял неподвижные фигуры. Танцоры как будто двигались, воины заносили над врагами копьяд, жрецы беспощадно разрезали обреченным на смерть грудные клетки и доставали дымящиеся, пульсирующие сердца. А кровожадные боги с восторгом смотрели на все это. Стоит прислушаться, и можно будет уловить отзвуки битв, ритуальной музыки, криков и стонов! Фернан с досадой выругался. У него просто разыгралось воображение! Это всего лишь картины. Неподвижные, застывшие, но все же удивительно сохранившие огромную выразительную силу спустя века после создания!

Испанцы вошли в последний зал. Себастьян поднял факел повыше, желая рассмотреть помещение полностью. Фернан издал тихий возглас и изготовился к схватке. В дальнем конце виднелась какая-то фигура! Но тревога оказалась преждевременной. Вырезанная из камня статуя ягуара в натуральную величину. Зверь повернул к ним оскаленную морду. В свете огня он весь сиял. Блестели полированные нефритовые глаза, сверкали клыки, вырезанные из какого-то молочно-белого камня. Пятна на его шкуре были сделаны из кусков обсидиана. Теперь они отбрасывали отблески на стены, щедро множа полученный в подарок свет и позволяя людям осмотреть зал.

Себастьян подошел к зверю, легонько коснулся рукой носа, провел пальцами по клыкам.

– Острые! – изумленно поведал он.

Фернан не ответил. Он наконец-то нашел того, кто был олицетворением всей местной религии. Позади ягуара, упершись спиной в каменную стену, возвышался идол. Как будто сошедший с фрески. Вырвавшийся из тесных рамок нарисованной картины, чтобы встретить

нарушителей его покоя. Куда выше человека, с искаженным как будто от муки лицом, обвитый змеями, с толстыми и бугристыми, словно древесные ветви, руками. Гонсалес замер, высоко вскинув голову, с вызовом глядя на изваяние.

«Вот и прошли дни твоей славы! Никто больше не возносит тебе молитв, никто не ползает в пыли у твоих ног, вымаливая снисхождения. Ты забыт и покинут. Ты уже даже не демон! Просто заключенное в камне воспоминание! Тебе из него не вырваться! Ничего не осталось от твоего культа!»

Фернан и сам не мог впоследствии вспомнить, были ли это лишь мысли или же он вслух бросил эти слова в гротескное лицо идола. Испанец поднял меч и ударил острием в нос гранитной маске, как будто закрепляя брошенные слова вызова.

Истукан, естественно, не ответил. Глубоко посаженные глаза, скрывающиеся под нависшими бровями, терялись во мгле. Но неверный свет факела заставлял их оживать. Зрачки как будто вспыхивали, со злобой глядя на ничтожно маленького человека, дерзнувшего бросить ему вызов.

«Не зазнавайся, – как будто говорил этот взгляд. – Я стою здесь уже сотни лет. Целый город был воздвигнут людьми, которые называли меня богом. Воздвигнут во славу мне! Что для меня год? Или два? Или десять? Ты даже не в состоянии повредить моему каменному обличию, поскольку побоишься испортить свой меч. А я простою здесь еще века. Когда тебя давно уже не будет на свете, я все так же буду вкушать покой своего несокрушимого жилища, ожидая, когда же вернуться те, кто снова наречет меня богом. Те люди опять начнут приносить мне жертвы, признавая мое безграничное могущество. Вновь на алтарях прольется кровь и свежие сердца усладят мой взор»

Именно такие слова воображение нашептывало разгоряченному Фернану Гонсалесу.

– Не будет тебе никаких жертв, – уверенно прошептал он. – Храбрые испанские воины изгнали грозных мусульман из пределов своей родины. Неужели ты думаешь, что ваши кровавые культы перед нами устоят? Неужели надеешься, что мы будем спокойно смотреть на те дьявольские ритуалы, которыми вы тут тешитесь?! Ваша мелочная и жестокая религия пуста и бессмысленна. И я тебя не боюсь.

Факел начал трещать и плеваться искрами, огонь его ослабел. Гонсалес обеспокоенно оглянулся. Себастьян пытался зажечь от него второй факел, но тот никак не хотел одеваться в огненные покровы.

– Что происходит, черт возьми?! – бормотал Риос. – Древесина почти сухая. Воздуха ему не хватает, что ли?

Выхватив из-за пояса пригоршню смолистых щепок, он сумел зажечь их и почти сразу же факел погас. Крошечное пятно света, как у самой маленькой свечи, не разгоняло мрак, а лишь подчеркивало его торжественную черноту.

Фернан поневоле занервничал. Он оглянулся по сторонам. Тщетно! Вокруг совершенно темно. Испанец взвесил меч в руке, подсознательно ожидая атаки. Рядом возвышалась неподвижная громада идола.

«Ты сначала попытайся выбраться отсюда, чтобы призвать на помощь своих братьев. Не из этих земель, даже не из этого города, а хотя бы из храма!» – прозвучало в голове у Гонсалеса.

Он яростно встряхнул головой. Воображение разыгралось. Не может иметь власти этот проклятый демон там, где есть истинно верующий человек!

– Я еще вернусь! – яростно прошептал он, погрозив клинком истукану, укрытому тьмой.

Но слова словами, а в глубине души Гонсалес признавал, что победа вовсе не на его стороне. Сколько на Юкатане городов, где кровавые жертвоприношения остаются нормой? Что же, пока придется отступать!

– Фернан, идем отсюда. Похоже, здесь слишком застоявшийся воздух и потому огонь плохо горит. Не хотелось бы выбираться на ощупь!

Следуя за ничтожным, растворяющимся в черной пустоте пятном света, Фернан медленно отступал назад, в любое мгновение ожидая нападения из тьмы. Меч был занесен для удара. А воздуха и впрямь не хватало. Прерывистое дыхание двух человек разрезало тишину. Вереницы нарисованных индейцев злорадными и торжествующими взглядами провожали ретирующихся испанцев. Дерзкие чужаки уходили и никто больше не осмелится осквернить их святыню.

«Это чужая территория, – думал Фернан. – Нас здесь терпят лишь до поры до времени. До сих пор ни местные жители, ни жара, ни голод или жажда, ни даже грозный ягуар не смогли нас убить. Каковы же будут следующие опасности, подстерегающие на пути?»

Тьма давила со всех сторон, выталкивая путников оттуда, где им было явно не место. Через какую-то минуту они выбрались из давно оставленного верующими храма. На улице сияло солнце. То самое солнце, которое индейцы так старательно потчевали людскими сердцами. Даже лишённое такой диеты, оно ничуть не утратило яркости своего света. Оказавшись снаружи, конкистадоры вздохнули с облегчением.

– А может быть, у меня просто факел отсырел? – задумчиво произнес Себастьян. – И поэтому мы чуть не остались в темноте? Чертов сезон дождей! От влаги спасения нет.

Фернану казалось, что его друг просто отчаянно пытается найти хоть какое-то объяснение такой яростной атаке тьмы, затаившейся в мертвых залах храма. Версию, которая позволит успокоиться и поверить, что всему есть разумное толкование.

– Но ведь смолистые щепки горели нормально, – заметил Гонсалес.

– Их я заготовил сегодня утром из сердцевины сухой ветки, – ответил Риос. – А факел сделал несколько дней назад. Видимо, он отсырел в сумке.

Фернан не стал спорить. Он пожал плечами и уставился на темный дверной проем храма. Там царил чернота, густая, как смола. Это была территория, где чужаков не жаловали. Входить туда еще раз не имело смысла, да испанцам и не хотелось больше этого делать.

– Все как я и говорил, – облизав пересохшие губы, сказал Себастьян. – Город покинут уже давно, в храме пусто. Нужно двигаться дальше.

– Не терпится покинуть это гиблое место?

– Честно говоря – да. Брошенные дома выглядят пугающе и неестественно, как не погребенные тела.

Фернан лишь согласно кивнул. На него весь окружающий пейзаж тоже оказывал гнетущее впечатление. Он еще раз оглянулся на храм. Снаружи его украшали барельефы. Люди и чудовища, потускневшие от времени и непогоды, потерявшие первоначальную яркость красок, они выглядели далеко не так грозно, как те, что таились внутри. Испанец с досадой подумал, что прозвучавшие в его голове слова истукана были правдой – он не мог разрушить эту дьявольскую обитель. Не мог даже разбить хотя бы одну ухмыляющуюся рожу на фасаде. Для этого нужен молот. А так только клинок испортишь!

Конкистадоры осмотрелись по сторонам. Вид открывался величественный. Широкая площадь видна как на ладони. Окаймленная по периметру пирамидами, она терпеливо ждала хоть чего-нибудь. То ли того, что жители вернутся сюда, то ли того, что джунгли окончательно поглотят постройки. Как же выглядела эта площадь, когда город был в зените своей славы? Воображение Фернана рисовало огромные толпы народа. Причудливо одетые, безмерно украшенные индейцы, в богатых плащах, с пышными коронами из перьев на головах. Проплывающие над скоплением людей паланкины. Танцоры, певцы, грохот барабанов. Фокусники и акробаты. Жрецы в пугающих масках. Все это он уже видел когда-то. Наверняка примерно так это выглядело и здесь.

Солнце припекало немилосердно и Себастьян предложил спускаться. Фернан шагнул вниз по крутым ступеням. Им постепенно овладевало сожаление. Да, поначалу он радовался тому, что дьявольские храмы стоят заброшенные и никто больше не приносит жертв кровожадным

демонам. Но в то же время... Здесь некогда процветал грандиозный город: богатый, многолюдный, по своему весьма красивый. Гонсалес ведь хорошо представлял, каким впечатляющим он был когда-то. Сколько времени и сил было приложено, чтобы возвести пирамиды и храмы, проложить дороги, построить тысячи домов... И теперь все это заброшено. Куда делись жители? Почему этот блистательный город застыл, постепенно теряя все свое величие, старея, растворяясь в бескрайних зарослях? Скованный одиночеством, он и вправду выглядел как разлагающийся труп, и лишь случайные путники нарушали его мертвую тишину.

Пройдя по площади, они устремились к своей неизменной цели – к далекому морскому побережью, где соленые волны набегали на песчаные отмели, неумолимо отделяя двух испанцев от Кубы. Оглянувшись через плечо, Фернан в последний раз посмотрел на ступенчатую пирамиду. Ему показалось, что на вершине мелькнула какая-то фигура и он раздраженно пожал плечами – да что же это такое?! В этом немом застывшем городе можно сойти с ума! Разумеется, никого там не могло быть. Они же только что все обследовали. Сколько пройдет еще веков прежде чем кто-то вновь войдет в этот древний храм?

Рядом живописный барельеф украшал фасад дворца – оскаленная морда гигантской змеи, украшенная высокой короной из перьев. Скульптура в очередной раз подчеркивала, что человеческие творения уступили лесу. Ползучие растения обхватывали голову рептилии, душа ее в мягких, осторожных, но неослабевающих объятиях. Листья набивались в пасть, вились вокруг клыков, заставляя грозную хищницу становиться травоядной. Побегі ослепляли извращение, заплетая ему глаза, скрывая от взоров двух путешественников. Так трава прорастает сквозь ребра лежащего на земле скелета. Фернан протянул руку, стараясь отодвинуть зеленый заслон. Обсидиановый зрачок змеи пристально и недобро вперился в испанца. Он убрал руку. Пускай город и лес сами ведут свою войну. А им пора двигаться дальше.

Идти по городу предстояло еще долго. Дома возле центра зачастую были двухэтажные. Путники проходили мимо, внимательно глядя по сторонам. Эту местность джунгли давно уже захватили. Обзор сузился до нескольких шагов. Вновь приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Слева из зарослей метнулась еле различимая тень. Себастьян тут же вскинул арбалет, Фернан поднял меч для удара. Тревога оказалась напрасной. Всего лишь кролик, который тут же пустился наутек. Испанцы переглянулись и облегченно расхохотались. Потенциальный обед сбежал, но ведь они только что могли и сами угодить кому-нибудь на зуб.

Вскоре начались кустарники. Продираясь сквозь них, конкистадоры внезапно оказались на краю обрыва. Фернан, идущий впереди, замер, глядя на этот котлован. Он имел в диаметре около пятидесяти шагов и казался почти идеально круглым. Далеко внизу, метрах в двадцати от поверхности, неподвижно застыла вода. Солнечные лучи не освещали ее и она казалась черной и блестящей как столь популярные среди индейской знати обсидиановые зеркала. По отвесным шершавым стенам невозможно было бы выбраться наружу. Рядом остановился Себастьян.

– Как думаешь, это природное озеро или же водохранилище, построенное индейцами?

– Кто знает, – проворчал Риос. – Я уже ничему не удивляюсь. Познания местных жителей временами просто поражают. Хотя, скорее всего, это естественный колодец. Подобные попадались мне на глаза в самых разных странах.

– Я тебе больше скажу, – осенило вдруг Фернана. – Это тоже жертвенник, алтарь, куда дикари бросали людей, как подношение своим языческим богам.

В памяти его всплыли фрески, виденные в двух городах. Там прослеживался схожий мотив. Человек, беспомощно взмахивающий руками и падающий в глубину колодца, на краю которого стоят жрецы, столкнувшие его вниз. А в толще вод сидит уродливый демон и ждет беспомощную жертву.

Себастьяну не потребовались объяснения. Он тоже видел настенные росписи и отлично помнил этот сюжет.

– Сколько же там скелетов на дне, – прошептал он. – Вот оно, место массового захоронения индейцев. Надеюсь, живопись местных жителей иносказательная и в глубине на самом деле не сидит тот демон, которого они изображали на фресках.

– Даже если он там и сидел, то давно подох от голода, – мрачно ответил Фернан. – Сам подумай, сколько его уже не кормили. Туда ему и дорога.

– А нам дорога дальше на восток. Пойдем, не будем задерживаться.

Положа руку на сердце, испанцы не верили, что в колодце сидит чудовище. И все же, они вряд ли решились бы бросить вниз камень, потревожив неподвижную траурную поверхность.

Конкистадоры обошли круглый провал и двинулись дальше, оставив позади храмы, пирамиды и дома, давно покинутые жителями.

– Мрачное зрелище, – прошептал Фернан. – Мертвый город, мертвые дома. Даже вода выглядит неживой. Застывшей, как изваяние. Готов поспорить, что пить ее невозможно.

12. Индейская деревушка

Прошла неделя после того, как испанцы покинули заброшенный город. Местность вокруг стала совершенно гиблой. Густые непроходимые леса тянулись на десятки миль. Здесь не было троп и открытых участков. Конкистадоры плутали, постоянно обходя препятствия, раздвигая свисающие сверху лианы и рубя листья, которые мешали обзору. Невысокие, но близко расположенные деревья широко раскидывали ветки, практически полностью закрывая солнце.

По земле слались кустарники, в которых шла своя жизнь. Там шуршали змеи и лягушки, пробиралась прочая мелкая живность. Приходилось ежесекундно смотреть вниз, чтобы какая-нибудь тварь не цапнула за ногу. На некоторых участках леса царила настолько густая тень, что здесь как будто вовсе никогда не наступал день и только сумерки и ночь сменяли друг друга. В таком полумраке каждый солнечный луч, пробившийся сквозь густой полог листвы, казался настоящим чудом.

Фернан осторожно пробирался вперед, мечом раздвигая свисающие сверху ветки. Ощущение грозящей со всех сторон опасности ни на секунду не покидало его. И хуже всего было то, что от нее невозможно было защититься. Поневоле на ум приходили мысли о том, что героическим предкам жилось все же чуть проще. Война с маврами – дело, конечно, рискованное, но там, по крайней мере, ты видишь врага и можешь сразиться в открытую. А здесь, где под каждым листом может прятаться змея, где в тени, неразличимый для глаз, возможно, готовится к прыжку ягуар, смерть никогда не смотрела в глаза. Она старалась подкрасться незамеченной.

Сзади, точно так же постоянно вертя головой во все стороны, шагал Себастьян. Чутко вслушиваясь во враждебные звуки леса, испанцы пытались определить, откуда же может исходить угроза. Подойдя к стволу поваленного дерева, конкистадоры уселись немного отдохнуть.

– Эта земля не жалует гостей, – хрипло произнес Фернан. – Как будто намекает, что мы и так задержались.

Собственный голос ему очень не понравился. В этой сырой, удушливой местности дышать оказалось очень трудно, кашель стал постоянным спутников испанцев. Вода была повсюду. Она пропитывала почву, делая ее влажной и труднопроходимой. Капли росы выступали на коре деревьев и на упругих широких листьях. Каждый день шли дожди. Но нигде они не находили воды достаточно много, чтобы нормально искупаться. Да и если бы им удалось найти водоем, то вряд ли бы путники решились в него войти, памятуя о крокодилах и многочисленных змеях, скрывающихся там.

Себастьян пошарил в сумке, достал оттуда кусок копченого мяса и выругался.

– Проклятая сырость! Я с таким трудом набрал тогда сухих веток, чтобы закоптить этого кролика, а теперь мясо заплесневело. Придется обходиться фруктами.

Фернан, услышав это, лишь угрюмо промолчал. Вопрос еды становился все острее. Несколько дней назад им удалось подстрелить трех кроликов. Этот был последним.

Плоды деревьев стали попадаться все реже. Несколько раз Себастьян убивал змей и лягушек, но даже для такого скудного обеда им приходилось долго собирать топливо в этом царстве сырости. Поначалу Фернан с опаской смотрел на перспективу закусить змеей, но выбирать не приходилось. Риос тогда мастерски запек рептилию. На вкус она оказалась совсем неплоха.

– Насчет твоих слов о гостеприимстве. Я бы с огромным удовольствием покинул эту землю, раз уж она нам так не рада, – заметил Себастьян, жуя найденный в сумке ярко-оранжевый плод. – Да вот только она ведь нас отпускать не хочет. Похоже, эти леса вознамерились нас убить.

– Сколько мы проходим за день?

– По таким-то чащам? Хорошо, если хотя бы миль десять, но, скорее всего, меньше.

А окружающая со всех сторон вода нанесла им еще один серьезный удар. Отсырели запасы специй. Их пришлось выбросить. Да и соль, которой конкистадоры раздобыли совсем немного, сейчас уже почти закончилась.

Оставшийся далеко позади заброшенный город как будто подвел черту жилым землям. После его посещения испанцы вступили в полосу гибельной территории, где не было места человеку. Фернан постепенно начал приходить в отчаяние. Час за часом и день за днем они блуждали по этим густым, непролазным джунглям и ничего не менялось в лучшую сторону. Деревья обступали конкистадоров со всех сторон, мешая идти и даже не давая осмотреться по сторонам. Пищу добывать становилось все труднее.

Иногда Гонсалес думал, что они просто заблудились и ходят кругами. Впрочем, Себастьян, кое-как ориентируясь по слабо различимому движению солнца, утверждал, что это не так и они все же пробираются на восток. Но кто знает, не ошибался ли Риос?

Так прошло еще два дня. Испанцы, не веря в свою удачу, все же добрались до края непроходимого леса. Перед ними, залитое лучами солнца, играя всеми оттенками зеленого, расстилось огромное открытое пространство. Густой травяной ковер укрывал землю, которую тут и там рассекали ручейки, впадающие в мелкие озера. Повсюду шумел высокий тростник.

Фернан, обозревая все эти небольшие, но такие многочисленные водоемы, произнес:

– Так, похоже, теперь главной угрозой для нас станут крокодилы.

– Если бы только они, – пробурчал Себастьян. – Похоже, мы вышли прямо в болото.

Опытный Риос не ошибся. Продвижение максимально замедлилось. Себастьян очень осторожно пробирался вперед, сжимая в одной руке меч, а в другой длинную палку, срубленную на опушке леса. Он прощупывал почву перед каждым шагом, а за ним, стараясь идти след в след, шел Фернан. Вокруг кипела жизнь, но спасения от голода она не сулила. Над землей порхали птицы, но были они слишком мелкими для того, чтобы пытаться одну из них подстрелить. Лягушки с плеском кидались в воду при приближении людей. Иногда испанцам на глаза попадались ягоды, но есть незнакомую пищу путники не решались. Воды вокруг становилось все больше. Она как будто старалась окружить двух заблудившихся людей, заманив их вглубь болота и отрезав все пути для отступления.

Вечером конкистадоры остановились на привал, выбрав для этого небольшой пятючок твердой земли. Им повезло найти гнездо с полудюжиной мелких яиц, но есть их пришлось сырыми, так как в этих топях невозможно было найти сухих дров для костра. Фернан решил дежурить первым.

Он сидел, поджав колени к подбородку, стиснув меч в руке и до боли в глазах всматривался в царящую вокруг темноту. Висящая высоко в небе луна давала слишком мало света. Это призрачное сияние посеребрило окрестности и мир вокруг казался нереальным, подернутым дымкой тумана. Гонсалес с тревогой думал о том, что в таких условиях ему никак не обнаружить подбирающегося к ним крокодила или змею.

Фернан встал, разминая ноги. В этом зыбком, полном топей месте он даже не решился сделать несколько шагов в сторону, опасаясь попасть в трясины. Внезапно над головой что-то мелькнуло, легонько прикоснувшись к его волосам. Гонсалес шарахнулся в сторону, выписав великолепную восьмерку мечом и едва не потеряв равновесие. Рубить оказалось некого. Это просто пролетела летучая мышь. С колотящимся об ребра сердцем он шагнул вперед и снова уселся рядом со спящим Себастьяном.

Внезапно слева послышался звук. Низкий короткий стон нарушил царившую до этого момента тишину. Затем еще и еще раз. Это было настолько похоже на стенания раненого человека, что испанец просто не поверил своим ушам. Как будто где-то совсем рядом, скрытый в полумраке, лежал какой-то бедолага и стонал от мучительной боли. Но ведь вокруг не было никаких людей! В этом Фернан не сомневался.

В памяти начали всплывать легенды, слышанные им о болотах. О душах людей, умерших в топях мучительной смертью, которые теперь блуждают возле места своей гибели. О всякой нечисти, которая жаждет убить любого встреченного человека. И где же еще водиться всем этим тварям, если не здесь – в суровом и жестоком мире, где людям вырезают сердца на алтарях, где льется жертвенная кровь и нет никого, кто мог бы бросить вызов дьяволу, искоренив эти сатанинские культы.

Фернан застыл, привстав на одном колене, вытащив кинжал и приготовив оба клинка к бою. Неизвестно, поможет ли сталь в предстоящей схватке, но с оружием в руках он чувствовал себя увереннее. Он чутко вслушивался в навалившуюся на него тишину. Стон больше не повторялся. Гонсалес вспомнил угрозы, которые звучали в его ушах, когда он вторгся в заброшенный храм и стоял напротив каменного идола, оскорбленного такой дерзостью. Истукан тогда как будто предрекал что испанцам вряд ли удастся выбраться из его чертогов.

– Из храма мы вышли без проблем, – прошептал Фернан. – Из этого болота тоже выберемся. Погоди, тварь, я сюда еще вернусь.

Ответа ему никакого не было. Вместо этого в нескольких шагах впереди вспыхнул небольшой бледно-голубой огонек. Он висел в воздухе на высоте человеческой груди. Слабый, дрожащий, покачивающийся иногда то вправо, то влево. Он несколько раз мигнул, как будто приглашая человека подойти поближе и рассмотреть его.

От изумления у Фернана перехватило горло. Он, не рассчитав силы, пнул Себастьяна по ноге и Риос, спавший очень чутко, тут же вскочил, выставив перед собой меч и вертя головой.

– Что случилось? – хрипло спросил он и почти сразу же заметил огонек.

– Сначала кто-то стонал, – справившись с волнением, объяснил Фернан. – Точь-в-точь как раненый человек. А потом почти сразу же загорелась эта свеча. Кто ее держит?! Там же трясина, мы еще вечером это поняли. Человека бы сразу же засосало.

Себастьян забормотал молитву, одновременно бросив меч и прицелившись из арбалета. Огонек, как будто почуяв угрозу, несколько раз мигнул и начал плавное движение вправо, стараясь обойти стоянку конкистадоров.

– Стреляй! – яростно прошептал Фернан.

– А толку? – сквозь сжатые зубы буркнул Риос. – Только болт потеряем. Ты же не думаешь, что эту свечу держит человек? Его было бы видно в отблеске света, да и как он, по-твоему, передвигается по сплошной трясине? Шагает беззвучно, да и не тонет.

Себастьян и сам понимал, что целиться в огонек нет смысла, но это был просто рефлекс солдата, привыкшего стрелять в любую возможную угрозу. Он опустил арбалет. Испанцы оглянулись по сторонам и увидели еще один слабый белый огонек, застывший в пяти шагах за их спинами.

– Вот ты и попался! – хищно усмехнулся Фернан. – Там твердая земля.

С этими словами он встал в полный рост, приготовив меч для удара и собираясь ринуться навстречу огоньку. Себастьян с ругательством бросил арбалет, схватил в охапку своего молодого друга и повалил его на землю.

– Ты в своем уме?! Куда собрался?! Идти за болотными огнями нельзя! Еще ни одному человеку не удалось их настичь. Зато любой, кто станет их преследовать, рано или поздно угодит прямо в трясину.

– Тебе уже приходилось видеть такое на болотах? – спросил Фернан, внимательно продолжая наблюдать за висящим просто в воздухе тусклым, мертвенно-белым пятном света.

– Да, случалось. Они заманивают путников в самые гиблые места, откуда невозможно выбраться.

– Откуда они берутся? – спросил Гонсалес, осматривая окрестности, пытаясь найти новые источники угрозы.

У Себастьяна в голове роились самые разные версии, слышанные о болотных огнях. О неупокоенных душах, о привидениях, о нечисти, жаждущей человеческой крови. Легенд он знал немало, и ни одна из них не говорила об этих огнях ничего хорошего. Но Риос отлично понимал, что пересказывать их не стоит. Зачем еще больше удручать молодого товарища, которому и без того жутко?

– Этого никто не знает. Но опасаться нечего. Я никогда не слышал, чтобы они подходили к человеку вплотную. Обычно вот так и блуждают где-то неподалеку, завлекая за собой. К костру они боятся приблизиться.

Произнеся это, Себастьян понял, что утешение получилось слабым, ведь костра-то у испанцев как раз и не было. Тем временем первый огонек, как будто досадуя, что его обнаружили, и подкрасться незамеченным не удалось, несколько раз мигнул и погас.

– Не могу сказать, что мне стало легче, – шепнул Фернан. – Сначала за ним хотя бы следить можно было. А теперь тварь, которая его разожгла, скрывается во тьме. Попробуй пойми, с какой стороны она постарается подкрасться.

Молодой Гонсалес поехал. По коже помимо воли пробежали мурашки. Храбрый воин, он готов был сразиться с любым врагом, которого можно убить оружием. Но эти бескрайние непроходимые болота, где на многие мили вокруг нет ни одного человека, но совсем рядом слышатся стоны раненых и зажигаются свечи в невидимых руках, пугали даже его. Это темное, унылое пространство, которое испанцы решили так дерзко пересечь, явно не благоволило к чужакам. На фоне лунного диска мелькали стремительные тени летучих мышей, белый огонек все так и висел в воздухе, совершенно, казалось бы, равнодушный к судьбе двух блуждающих по болоту людей. Себастьян вздохнул и сказал:

– Фернан, мы не можем бодрствовать всю ночь. Но и идти в темноте тоже не можем. Раз уж ты меня разбудил, то давай я посторожу. Ложись спать.

– Думаешь, я смогу уснуть? Если хочешь, то отдыхай. Я лучше посижу за окрестностями.

– Ладно, разбудишь меня через пару часов.

С этими словами Себастьян снова улегся, но, судя по дыханию, он долго еще не мог уснуть. Фернан остался сидеть, наблюдая за призрачным белым огоньком, который, похоже, стал понемногу удаляться. Впрочем, скоро у него появилась компания. Еще несколько пятен, белых и зеленых, вспыхивали в темноте. Некоторые из них почти сразу же гасли, другие горели долго. Но ни одно так и не отважилось приблизиться к лагерю испанцев. Гонсалеса это, скорее, раздражало.

«Хоть бы один из вас набрался смелости и подлетел поближе, – думал он. – Проклятое болото! Здесь нельзя даже шага сделать без риска утонуть, да еще и эти огоньки мельтешат»

Чуть позже, разбудив Себастьяна, Фернан лег и закрыл глаза, думая, что уж точно не сумеет уснуть. Но постоянное недоедание и недосыпание давно подтачивало его силы. Он провалился в глубокий сон сразу же, как только закрыл глаза.

Следующий день прошел чуть легче. По пути им несколько раз попадались небольшие группы деревьев, которые обеспечили путников дровами для костра. К тому же Себастьян подстрелил средних размеров птицу. Вместе с двумя пойманными на мелководье рыбинами, она показалась изголодавшимся испанцам просто королевским пиром. И все же дорога давалась с трудом. Дважды Риос, идя первым, проваливался в трясины. Фернану пришлось изрядно помучиться, вытаскивая его на сушу. После трех дней блужданий конкистадоры все-таки пересекли болото и снова очутились в лесу.

Дни шли за днями. Густые заросли сменялись более открытыми участками, болота им больше не попадались. Сезон дождей все длился, спасая от жажды, но по пути испанцы так и не встретили ни одного более-менее приличного озера. В лучшем случае это были обширные лужи, вода в которых быстро просачивалась сквозь почву, оставляя лишь вязкую грязь. Реки же не попадались вовсе. Фернан шел и думал, что они очень удачно выбрали момент для бегства

из индейского города. Если бы они отправились в путь в сухой сезон, то давно бы уже умерли от жажды, так как сочные растения, из которых Себастьян научился добывать воду, вокруг почти не росли.

И хотя они сумели преодолеть самые разные опасности, Гонсалес с каждым днем все больше мрачнел. Он прекрасно видел, что ситуация ухудшается. Добывать пищу в этом зеленом аду становилось все труднее. Здесь не водились кролики или игуаны, даже змеи и лягушки теперь почти не попадались на глаза. Сорванные незнакомые плоды большей частью оказывались жесткими и почти не съедобными. И это недоедание, умноженное на постоянное недосыпание из-за ночных дежурств, а также изнуряющий зной, медленно, но неумолимо лишало испанцев последних сил.

Себастьян тоже стал мрачным и молчаливым. Он заметно похудел, лицо стало более угловатым, с резко очерченными скулами. Но глаза смотрели все так же зорко, и во взгляде горело неистребимое стремление вырваться из этих гибельных земель. Так конкистадоры и брели вперед, тратя на поиски пищи времени почти столько же, сколько и на продвижение вперед.

Через шесть дней после спасения из болота испанцы неожиданно вышли на опушку леса. Перед ними расстиралось большое поле, а на нем, за специально посаженной изгородью из колючего кустарника, росла кукуруза. Среди растений деловито копошились индейцы.

Фернан и Себастьян переглянулись. Местные жители не вызывали у них никакого доверия, но оба конкистадоры понимали, что они слишком измучены для продолжения пути. Без запасов пищи и полноценного отдыха они скоро погибнут. Посоветовавшись, они решились приблизиться к поселению.

Фернан шел вперед, с огромным трудом сохраняя невозмутимый вид. Он периодически бросал взгляд на Себастьяна. Риос же шагал с таким спокойным лицом, как будто им ничего не угрожало.

«Мы еле вырвались из одного индейского города, и все для того, чтобы сейчас по собственной воле прийти в другой! – стучала мысль в голове у Фернана. – На этот раз дикарям нас даже ловить не придется. Сами в лапы идем!»

Их скоро заметили. Как и ожидали испанцы, появление двух столь диковинных на вид чужаков вызвало среди местных крестьян настоящий переполох. Несколько работавших на поле индейцев, побросав все дела, кинулись к видневшимся вдалеке хижинам. Остальные же сгрудились и, негромко переговариваясь, шли в некотором отдалении от испанцев, которые, обойдя колючую изгородь, двинулись по земляной тропинке к селению.

– Думаешь, дикари побежали за солдатами? – шепотом спросил Фернан.

– Почему обязательно за солдатами? Может быть, просто сообщить вождю о прибытии путников. Я не думаю, что они любого странника встречают оружием.

Гонсалеса этот ответ не слишком успокоил. Да, многочисленные индейцы свободно приходили в тот город, где два испанца долго пробыли почетными пленниками. Но кто знает, распространяется ли это правило на чужаков? Фернан с делано-беззаботным видом вертел головой по сторонам, как будто просто обозревая окрестности. А сам внимательно осматривался, пытаясь понять, не нацелен ли на них лук или дротик какого-нибудь не в меру воинственного индейца. Справа шумели заросли кукурузы, где так удобно прятаться стрелку. Но все было спокойно. Сопровождаемые, словно шлейфом, гомоном возбужденных крестьян, конкистадоры вошли в селение.

Навстречу им катилась волна людей. Десятки местных жителей, услышав весть о диковинных чужаках, побросали свои занятия и шли увидеть все своими глазами. Они теснились, стараясь держаться поближе друг к другу, обретая в единстве уверенность. На испанцев смотрели с опаской.

– Да дикари, похоже, боятся нас больше, чем мы их, – заметил Себастьян.

Фернан внимательно осматривал индейцев. Они весьма походили на жителей покинутого некогда города. Невысокие, смуглые, с длинными волосами, перехваченными в пучок на затылке или на макушке. Среди них хватало людей с татуировками и подпиленными зубами, кое-кто щеголял деформированной, вытянутой вверх головой. Глаза у многих косили, что создавало комический эффект, поскольку индейцы, обратив лица к испанцам, в то же время глядели как будто в сторону. А вот одежда была совсем простой и лишенной украшений – набедренные повязки у мужчин и самые незатейливые платья у женщин. Многие ходили босиком.

«Наверное, мы забрели в какую-нибудь бедную деревушку, где кроме крестьян, никого больше нет» – подумал Фернан.

Но вот толпа расступилась и вперед вышел средних лет мужчина в пестром хлопковом плаще, расшитой узорами юбке и крепких кожаных сандалиях. Он шагнул навстречу испанцам и Фернан сказал:

– Здравствуй. Мы на пути.

Собственное косноязычие приводило его в отчаяние, но знание местного языка было слишком скудным для полноценного разговора. Фернан понадеялся, что собеседник поймет, что испанцы являются путешественниками.

Индеец сообразил, что чужаки изъясняются плохо и задал вопрос как можно проще.

– Откуда ваш путь?

– Оттуда, – незатейливо махнул Себастьян рукой на юг.

– Нам нужна еда, – добавил Фернан.

Индеец сделал испанцам знак идти вслед за ним. В толпе, которая потянулась за чужаками, Фернан увидел несколько человек с копьями. Держались те настороженно, но нападать, похоже, не собирались. Себастьян буквально впивался глазами в любой окружающий предмет, пытаясь понять, что же их ждет. Вскоре он проворчал:

– Да, Фернан, похоже, это самая захолустная деревушка. Даже старейшина одет довольно скромно, без столь любимых дикарями зеленых перьев, нефритовых или золотых украшений. Воинов здесь нет. Бедолаги с копьями держатся уж слишком опасно, да и одеты так же, как и прочие крестьяне. Оружие у них, скорее всего, охотничье.

– В таком маленьком селении наверняка нет постоянного двора, – ответил Гонсалес. – В городе же они были. Помнишь? Готовы ли жители вообще принять гостей?

Пройдя мимо рядов незатейливых хижин, с мазаными глиной стенами и тростниковыми крышами, конкистадоры вышли на небольшую площадь. По сравнению с монументальными постройками в городах смотреть тут было не на что. Несколько довольно длинных домов, видимо, предназначенных для людей побогаче да каменное ступенчатое святилище, возвышающееся примерно на высоту человеческого роста. На самой площади кое-как шла торговля. Впрочем, в эту минуту продавцы и покупатели, забыв о товарах, во все глаза смотрели на диковинных чужаков.

Себастьян, увидав на одном из лотков лепешки с начинкой из овощей, захотел купить парочку. Риос достал из сумки мешочек с какао-бобами, ткнул пальцем в угощение и, кое-как объяснившись с продавцом, отсчитал ему четыре боба.

– Надеюсь, он меня не надул, – проворчал Риос.

Старейшина повел их дальше. Они зашли в большой дом, где их встречал хозяин. Там уже ждал обед и двое слуг, которые сначала поднесли гостям чан с водой для умывания, а затем прислуживали во время еды. Конкистадоры изо всех сил старались есть неспешно. Фернан и Себастьян не хотели показать индейцам, в каком бедственном положении они пребывали последнее время. Это была первая нормальная еда с тех пор, как испанцы сбежали из своего почетного плена. Запеченная утка, кукурузная каша, лепешки, тушеная фасоль, фрукты. И даже напиток из какао-бобов. Совсем не то что жареная змея или сырые яйца!

Убрав посуду, слуги, поклонившись, удалились. Фернан удовлетворенно вздохнул и осмотрел помещение. Просторная комната с земляным полом и белеными глиной стенами, дверной проем занавешен серой тканью. Никаких керамических курильниц или мозаик из перьев, лишь невысокий деревянный стол, да толстые плетеные циновки из тростника.

– Обычная комната, хотя, по местным меркам, наверное, самое роскошное жилье в этой деревне, – заметил Себастьян. – Какао для напитка хозяин гостиницы, надо думать, из личных запасов выделил. А вот и он сам!

Индеец зашел, почтительно наклонившись. Фернан, насколько ему позволило знание языка, поблагодарил за гостеприимство и положил на стол маленькую нефритовую пластинку. Хозяин взял ее, осмотрел со всех сторон, степенно отсчитал два десятка какао-бобов сдачи из небольшого мешочка, затем предложил наслаждаться отдыхом и с поклоном удалился.

– Ну вот и прекрасно! – рассмеялся Себастьян. – Нас поселили, накормили, да еще, того гляди, и обсчитали. Думаю, нефрит стоит побольше того, во что оценил его этот пройдоха. Видать, хозяева постоянных дворов одинаковы по обе стороны океана.

– Наверное, мы заплатили ему вперед за несколько дней проживания, – поделился сообщением Фернан. – Да и вообще, кто поймет расценки в этом мире?! Ладно, отдохнем немного, купим провизии в дорогу, может быть, если повезет, то еще и проводника с собой возьмем. Потом двинемся дальше.

Побродив по деревне, испанцы поняли, что она и в самом деле невелика. С полсотни хижин, где жили крестьяне, работавшие на полях. Воду жители брали из колодцев. Власть здесь представляли старейшина, как определили его статус конкистадоры, да еще старый седой жрец, который окуривал их ароматным дымом из глиняной кадилъницы, после чего ушел. Похоже, это селение было идеальным местом, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Здесь к ним относились с подчеркнутым уважением, но испанцы все же не чувствовали себя в безопасности. Вечером Фернан вызвался дежурить, как и обычно, первым. Он сидел, сжимая в ладони рукоять меча, и чутко вслушивался в звуки окружающего мира. Повсюду царила тишина. Здесь не было того фантастического разнообразия звуков, которые наполняли тропический лес. Гонсалес ломал голову над тем, чего ждать от индейцев. Неужели ему и Себастьяну наконец-то повезло и они нашли безопасное место, где смогут пожить некоторое время, ослабив ту предельную настороженность, которая сопровождала их в последние дни? Хорошо бы... Вокруг ничто не предвещало опасности, но Фернан все же упорно высидел свою вахту, разбудив после полуночи товарища и затем лег спать.

Утром он проснулся от возбужденного шепота Себастьяна:

– Фернан, вставай, дикари нас предали!

Гонсалес, спавший, как всегда, в кирасе и с оружием под рукой, тут же вскочил.

– Я утром выглянул на улицу и первое, что увидел, так это воинов, входящих в селение.

– Много их? – прерывающимся от волнения голосом спросил Фернан.

– С десяток. Да ты сам посмотри.

Фернан подошел к дверному проему и прикинул глазом к небольшой прорехе в занавеске. Действительно, на площади стояло десять новоприбывших индейцев. Они разговаривали со старейшиной. И это были явно настоящие воины. Богато разукрашенные плащи укрывали их тела, над головами покачивались перья, венчающие сложные прически, на бедре у каждого висел деревянный меч с обсидиановыми вкладками. В руках солдаты держали копья и пестрые щиты. Фернан почувствовал, как резко застучало сердце. Он отпрянул от занавески и перевел взгляд на хмурого Себастьяна.

– Старейшина совсем не дурак, – заметил Риос. – Как только мы вошли в деревню, он сразу же послал гонца в город за подкреплением. Хорошо хоть, что я обнаружил их раньше, чем они напали.

«Невероятно! Столько сил потрачено и все впустую. Нас выследили!»

Но за этой панической мыслью в голову Гонсалеса пришли совсем другие.

– Себастьян, но это не могут быть воины из того города, из которого мы сбежали. Мы блуждаем по этим лесам и болотам не одну неделю и преодолели больше ста миль по бездорожью. Они не могли все это время идти за нами по пятам. Но и на зов местного старейшины они бы и на лучших скакунах не успели сюда за одну ночь.

В светлых глазах Риоса мелькнуло замешательство. Потом он медленно кивнул и сказал:

– А ведь и правда. Я как-то сразу не сообразил от удивления. Но что для нас это меняет? Это воины из ближайшего города. Нас явно хотят взять в плен. Ну что, будем прорываться с боем? Если кинемся на них неожиданно...

– То получим по стреле в спину от лучников, которых мы отсюда не видим, – оборвал друга Фернан. – погоди. А вдруг они вообще не за нами явились?! Может, это солдаты, охраняющие сборщиков налогов из ближайшего города. Или какой-нибудь военный патруль. Да мало ли зачем они пришли. Если мы на них без причины нападём, то тогда уж точно без боя не обойтись.

– Очень странное совпадение, – покачал головой Себастьян. – Думаю, они пришли за нами.

В этот момент, отбросив занавеску в сторону, в комнату вошел один из воинов. Колючим, уверенным взглядом черных глаз осмотрев испанцев, он посторонился и что-то коротко сказал. Вслед за ним шагнули еще четверо солдат. И только после них вошел еще один индеец. Богатый наряд, а также отсутствие оружия выдавало в нем сановника.

– Какая-то важная птица, – прошептал Себастьян. – Такой солидный эскорт охраны.

Сановник же уважительно поклонился, впрочем, он ограничился этим и не стал касаться пальцами земли и затем целовать их. Выпрямившись, он сказал:

– Привет вам.

Фернан и Себастьян поздоровались, не спуская настороженных взглядов с вооруженных индейцев.

– Вы странники. Пойдемте с нами. За нами. По дороге.

Видимо, местный старейшина уже предупредил, что чужаки язык знают плохо, потому говорящий пытался формулировать предложения максимально просто.

Испанцы переглянулись. Фернан заметил:

– Так, похоже, весть о нашем прибытии долетела до ближайшего города и там пожелали увидеть нас своими глазами. Наверное, нас зовут на встречу с каким-нибудь вождем.

– Все повторяется. Хорошо хоть, на этот раз по голове не бьют и руки не вяжут.

Конкистадорам не пришлось долго собираться. Надев шлемы и подхватив котомки, они покинули постоялый двор в сопровождении десятка солдат, сановника и еще двух носильщиков, тащивших корзины с едой. Провизия оказалась отнюдь не лишней. Час миновал за часом, далеко за спиной осталась деревня, а небольшой отряд продолжал свое путешествие. Воины шли настороженно, держа копья наготове – они-то уж точно знали всю опасность окрестных лесов. Двое из них выдвинулись вперед и внимательно осматривали земляную дорогу и ближайшие кусты на предмет любой возможной угрозы. Остальные держались возле конкистадоров. Слуги и сановник тоже жались к солдатам. А испанцы обсуждали свое положение.

– Тринадцать человек. Много, конечно, но можно потягаться, – сказал Себастьян.

– Да, но даже если мы их перебьем и продолжим наши странствия, то что при этом выиграем? – ответил Фернан. – Мы ведь вышли к деревушке, потому что у нас закончились припасы, да и отдохнуть нужно было. В корзинах у носильщиков еды не так и много. Если сейчас сбежим, то снова будем блуждать голодные и уставшие.

– Тем и хороша была деревушка, что оттуда мы могли бы уйти в любой момент. Крестьяне вряд ли смогли бы нас остановить, даже если и попытались бы. А сейчас мы идем в город, где

хватает солдат, способных нас пленить. Вот я и ломаю голову – стоит ли нам покорно идти, как баранам на бойню или же попытаться сбежать.

Фернан не знал, что ответить Себастьяну. Сомнения сводили его с ума. Чего следует опасаться больше? Индейцев, которые, вполне возможно, ждут не дождутся двух чужаков, чтобы зарезать их на алтаре? Или же враждебного леса, столь скупого на пищу, из которого они еле вырвались? Да вот еще и солдаты... Почему они так напряжены? Воины, когда-то сопровождавшие испанцев в прогулках по лесу, вели себя не так настороженно. Эти же как будто ждут нападения в любую секунду. Что еще за опасности таят в себе окрестные джунгли?

Посоветовавшись, конкистадоры решили не устраивать сражение и посмотреть, что же будет дальше. К обеду отряд сделал привал. Во время еды Фернан удивился тому, какую дистанцию пришлось преодолеть гонцу, бежавшему в город с вестью о чужаках, а потом войнам, пришедшим, чтобы забрать их с собой. Еще через пару часов быстрой ходьбы испанцы и их эскорт добрались до обширных полей, на которых росла кукуруза. Вот и предместье. Впереди Фернана и Себастьяна ждал очередной индейский город.

13. Город

Ряды хижин постепенно сменились каменными зданиями. Вокруг по своим делам сновали многочисленные индейцы. Почти все они провожали чужаков удивленными взглядами. Многие увязывались вслед за Фернаном и Себастьяном. Горожане засыпали вопросами воинов, которые конвоировали испанцев и что-то возбужденно обсуждали между собой. Толпа, идущая за конкистадорами, неудержимо росла.

– Мы так во дворец вождя приведем за собой полгорода, – заметил Себастьян. – Может, проще ему самому к нам выйти?

Этой не слишком остроумной шуткой он пытался скрыть тревогу. В голову лезли мысли одна мрачнее другой. А что если здесь все племена поддерживают связь между собой? Например, с помощью сигнальных костров. С вершины пирамиды, наверное, ночью можно увидеть пламя, зажженное на другой пирамиде в соседнем городе. И по всей этой земле уже разнеслась весть о том, что двое белолицых чужаков сбежали, устроив настоящую бойню. А за их поимку вожди и жрецы наверняка обещают мешок длинных зеленых перьев – огромное сокровище по местным меркам! Риос продолжал считать индейцев дикарями в вопросах религии и морали. Но отдавал им должное в плане определенного уровня развития наук и ремесел. Он бы не удивился, узнав о такой системе костров.

– Если разговор с вождем приобретет угрожающий характер, то нужно попытаться тут же захватить его в заложники, – предложил Фернан. – Это наш единственный шанс взять ситуацию под контроль и начать диктовать свои условия.

Себастьян, несмотря на всю шаткость их положения, расхохотался и одобрительно хлопнул друга по плечу.

– Да, Фернан, ты прирожденный воин! Вот это будет авантюра. Вождь вряд ли станет опасаться чего-то, находясь в окружении своих подданных. Значит, и говорить будет прямо. Если услышим угрозы про плен, рабство или жертвоприношение, то нужно тут же хвататься за оружие. Думаю, шансы на победу у нас будут.

Гонсалес усмехнулся, но за показной бравадой скрывалась тревога. Он не доверял индейцам и вполне допускал, что вождь обойдется с ними гостеприимно и учтиво, а затем прикажет подсыпать в еду снотворное, а то и яд. А если конфликт сейчас и вспыхнет... Допустим, удастся захватить ценного заложника, но что дальше? Уводить его с собой из города, угрожая убить, если за ними двинется погоня? Не спать ночами, сторожа пленника и вслушиваясь в каждый шорох, пытаясь определить, откуда крадутся солдаты, чтобы освободить своего вождя? В глубине души Фернан понимал, что если разгорится конфликт, то все чего они смогут добиться, так это не попасть в руки дикарей живыми, да еще перебить перед смертью побольше врагов.

Далеко впереди, темнея на фоне ясного неба, над городом возносилась пирамида с ярко-красным храмом на верхней площадке. Над ней курился дым. Гонсалес предпочел бы вообще не приближаться к этому дьявольскому месту. И на этот раз его желание сбылось. Метров за двести до пирамиды стоял дворцовый комплекс, опоясанный каменной оградой выше человеческого роста. У входа дежурил отряд солдат, тут же пропустивший «гостей» и их конвоиров. Зевакам, коих собралось уже больше сотни, путь дальше был заказан. Через минуту испанцы оказались в большом зале дворца.

Десятки индейцев в пестрых плащах, с богатыми украшениями, разрисованных татуировками и сверкающих серьгами, смотрели на чужаков. Похоже, здесь собралась вся аристократия города. Обрамляя центральный проход с двух сторон, стояли невысокие керамические курильницы, источая ароматный дым. Фернан коротко выдохнул, гася внутреннее напряжение, и решительно двинулся сквозь эту завесу, рассекая ее своим телом. Сладковатый запах благо-

воний дурманил голову и застилал глаза. Лица придворных за этой пеленой казались призрачными, как будто он вступил в зал мертвых.

Впереди, на троне, в окружении слуг и воинов, сидел немолодой уже индеец. Крючковатый массивный нос, жесткая линия рта и немигающие черные глаза придавали его лицу суровое и властное выражение. Благодаря богатой одежде, сверкающей разноцветными перьями, массивному ожерелью из золота и нефрита и головному убору в половину человеческого роста вождь выглядел истинно царственным. По бокам от него стояли жрецы, что-то бормоча и подкидывая в курильницы кусочки ароматной смолы.

Испанцы остановились в четырех шагах от трона и поклонились. Ошеломленный вождь смотрел на них во все глаза. Он, что было даже странно, не косил, хотя голова и у него оказалась сильно деформированной и вытянутой вверх. Конкистадоров это не слишком удивило – они уже всякого насмотрелись в этих землях. Индеец же не смог сохранить беспристрастности. Он подался вперед и издал изумленный возглас.

Таких людей он еще не видел. Посол от старейшины селения предупредил, что чужаки выглядят странно, даже описывал их, но все слова меркли перед увиденным. Высокие, с кожей настолько светлой, что, казалось бы, у человека такой даже быть не может. Щеки и подбородки скрыты волосами, особенно густыми у того, что постарше. Да у этого чужака волосы еще и рыжевато-русые, как шерсть койота. Ни у кого из подданных вождя не было такой бороды. У людей, населяющих эти земли, волосы на лице и теле вообще плохо росли. Грудь каждого чужеземца укрывала полированная пластина, отражающая свет не хуже обсидианового зеркала. Такими же гладкими и блестящими выглядели и головные уборы невиданной формы. И на вождя смотрели две пары глаз. Причем, если у старшего они оказались серыми, как кремь, то у молодого и черноволосого они были ярко-голубыми, как драгоценная бирюза!

Справившись с волнением, вождь задал вопрос:

– Кто вы?

Фернан ответил согласно тому, о чем испанцы договорились заранее.

– Мы великие воины. Странствуем по лесам.

Гонсалес досадовал на плохое знание языка. Дай бог, чтобы он сумел объясниться с индейцами. Вождь с трудом сдерживал себя, чтобы не вскочить и не подойти поближе. Хотелось своими руками прикоснуться к блестящим головным уборам чужаков, к их причудливой одежде, убедиться в том, что глаза не обманывают. Но повелителю города не пристало так себя вести.

– Откуда вы идете?

Себастьян, сумевший быстрее сориентироваться даже внутри помещения без окон, махнул рукой на юг:

– Оттуда. Много, много дней.

Вождь начал речь. Испанцы поняли в ней не все, но главное уяснили – от них ждут подтверждения слов о том, что они великие воины. Вот и пришло время для проверки. Через минуту все люди из тронного зала вышли из дворца и двинулись на главную площадь города. Туда уже стянулись сотни жителей. Все хотели увидеть состязание. В итоге, путая слова и помогая себе жестикуляцией, испанцы договорились о двух испытаниях: стрельбе по мишени и поединке.

После того как лучший лучник из индейцев выпустил десяток стрел, лишь восемь из которых воткнулись в торчащую на колу тыкву, пришла очередь Себастьяна.

– Это просто смешно, – сказал он Фернану. – Луки у дикарей самые обычные, из одного куска дерева. Да и слабые, сделаны будто для детей. Сюда бы хороший турецкий лук из древесины, рога и сухожилий, который бьет шагов на триста. Я бы им показал, что такое стрельба. Но и арбалет проявит себя не хуже.

С этими словами Риос подошел к черте, откуда следовало стрелять. Затем усмехнулся и отошел еще на двадцать шагов, увеличив себе дистанцию в полтора раза. Толпа, наблюдавшая за состязанием, ответила удивленным гулом. Арбалет испанца уступал в скорострельности, но бил гораздо дальше, сильнее и точнее. После трех выпущенных болтов измочаленную тыкву пришлось заменить. Себастьян ни разу не промахнулся, опустошив весь колчан и уничтожив тем самым еще четыре мишени. Довольный, под восхищенные крики зрителей, он подошел к тыквам и стал выдергивать из них болты.

– Ну, теперь твоя очередь, – сказал он Фернану. – Удачи, друг мой.

Гонсалесу в голосе Себастьяна послышалось сомнение. Он обвел взглядом окрестности. Бесчисленные толпы горожан, замерших в предвкушении зрелища. Ступенчатая пирамида, на которую их, вполне возможно, потащат, если он не сумеет подтвердить слова о собственном мастерстве. Внимательный главный вождь в окружении слуг, жрецов и воинов, один из которых уже выходил на центр площади.

– Ну, уж если я не совладаю с одним индейцем, значит и в самом деле не стою ничего лучшего, чем погибнуть в этом городе, – ответил он Себастьяну и двинулся навстречу сопернику.

Тот выглядел живописно. Хлопковая стеганка, раскрашенная в красный и черный цвет, защищала его грудь. Голову закрывал шлем из дерева и кожи в виде головы зубастого чудовища, из раскрытой пасти которого виднелось скуластое и горбоносое лицо воина. В правой ладони он сжимал деревянный меч. Оружие сверкало неровными обсидиановыми осколками на кромке и имело устрашающий вид. В левой руке индеец держал пестрый красно-желтый круглый щит.

Фернан атаковал первым. У него было огромное преимущество. Он уже много раз сражался с туземцами и знал их манеру боя. Индеец же никогда раньше не сталкивался с испанцами. Гонсалес напирал, обманывая соперника финтами и пугая ложными замахами. Местный воин считался лучшим бойцом города, но столкнувшись с отработанной техникой европейского фехтовальщика, он уступал во всем. И, спасаясь, отходил шаг за шагом, но все же старался контратаковать. Фернан с легкостью отбивал щитом удары вражеского оружия. Обсидиановые осколки, острые как стекло, но и такие же хрупкие, ломались об стальную выпуклую роделу конкистадора.

Фернан не хотел убивать противника, в котором он не видел врага. К тому же, испанец опасался нанести даже слишком сильную рану. Кто знает, не предъявят ли к нему претензии после боя? Потому он осторожничал, нанося при любой возможности удары плашмя. Так он трижды задел ногу индейца, пару раз плечо и четыре раза попал по шлему. Гонсалес видел, как после этих попаданий лицо противника кривится от боли и досады. А все зрители видели, что чужак мог уже десять раз убить их лучшего воина. В итоге испанец выбрал момент, когда индеец попытается атаковать, метнулся в сторону и хлестнул его плоской частью клинка по открытому колену.

Выдержать такой удар было выше человеческих сил. Индеец неуклюже упал, задохнувшись от боли и выронив свое испорченное об стальную роделу оружие. Он сразу же перекатился на бок, выставив щит, надеясь отбить решающий удар испанца, но Фернан бить не стал. Он отошел в сторону, отлично понимая, что победа на его стороне.

На площади поднялся невообразимый гул, а испанцы с тревогой пытались понять, что выражают своими криками зрители. Что звучит в этих воплях? Преклонение и восхищение? Или же негодование из-за того, что чужаки своим мастерством опозорили и унизили местных жителей? Впрочем, нападать на двух конкистадоров никто не спешил. В итоге от свиты вождя отделился один сановник и почтительно попросил испанцев вернуться с ними во дворец.

Теперь правитель решил продолжить беседу за обедом в небольшом зале. На низком деревянном столе тут же оказалось множество блюд. Жареная и запеченная дичь, домашняя птица, кукурузная каша, тушеная фасоль, вареная тыква, лепешки и фрукты. Хватало и

еды совершенно незнакомой. Понять ее происхождение по внешнему виду было невозможно, потому испанцы поостереглись к ней прикасаться. Но в целом о таком пире они совсем недавно могли только мечтать.

Пробуя одно блюдо за другим, испанцы и индеец обменивались взглядами, изучая друг друга и пытаясь понять, чего же ждать от противоположной стороны. Рассматривая вождя внимательно, Фернан все больше удивлялся. Крючковатый нос выглядел слишком большим. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он искусственно увеличен чем-то вроде глиняной накладки. В ушах сверкали большие нефритовые диски, носовая перегородка была пробита и украшена бирюзовой шпилькой. В левой ноздре сияла серьга из прозрачного камня. По лицу вились сложные узоры татуировки.

Рядом с вождем осталось лишь три советника, зато воинов прибавилось. Сомнений в искусстве чужаков ни у кого не оставалось и правитель, видимо, решил обезопасить себя от внезапного покушения.

– Вы великие воины, – неспешно произнес он. – Куда вы идете?

– Мы странствуем, – осторожно ответил Себастьян и для верности указал рукой на северо-восток. – Туда.

– Мне нужны великие воины, – с нажимом добавил вождь. – Я им рад.

– Насколько я понял, индеец намекает, что нам следует задержаться, – сказал Фернан Себастьяну по-испански. – И, судя по всему, отказываться будет опрометчиво.

– Мы хотим жить здесь, – ответил Риос вождю. – Дни, много дней.

Так испанцы снова оказались в «гостях» у индейцев. На этот раз их, правда, не окружали такими королевскими почестями. Им выделили несколько комнат в одном из дворцов возле главной площади и снабдили четверью слугами, которые готовили пищу, убирали и сопровождали конкистадоров в прогулках по городу. Не обошлось и без подарков. Им преподнесли богатые наряды по местной моде, пышные головные уборы и даже ожерелья из ракушек, бирюзы и нефрита. Чтобы подчеркнуть свою благодарность, а заодно, чтобы поберечь одежду, Фернан и Себастьян часто выходили на улицу в подаренных пестрых плащах и накидках.

Местные воины постоянно приглашали чужаков к себе. В городе был своеобразный военный лагерь, где солдаты тренировались. Они стреляли из лука, метали дротики, бились в ближнем бою с оружием и голыми руками. Зачастую и отдыхали там же, закатывая пиры в окружении музыкантов, жонглеров и обворожительных девушек.

Искусство испанцев вызывало у местных жителей неприкрытое восхищение. Но в еще больший восторг их приводило европейское оружие и доспехи. Стальные мечи и щиты, кирасы и шлемы сверкали на солнце, были немыслимо прочными и казались оружием богов. Арбалет, со своим сложным взводным механизмом и огромной ударной силой, вообще внушал индейцам робость. Себастьян на этот раз уже не настаивал на попытках скрыть боевое мастерство испанцев. Раз уж они заявили о себе, как о великих воинах, то теперь приходилось соответствовать этому званию.

Конкистадоры постоянно ломали головы над тем, зачем вождь предложил им остаться. Был ли это вопрос простого престижа? Или же у правителя имелся свой, скрытый до поры мотив? В любом случае испанцам ясно дали понять, что из города их не выпустят. Так они и жили здесь, делая вид, что всем довольны, усиленно изучая язык и продолжая знакомиться с жизнью индейцев майя.

Примерно через неделю правитель пригласил их в свой дворец. Там проходила встреча посольства из какого-то соседнего города. Пришлые индейцы были просто поражены видом белокожих и бородатых испанцев в европейской одежде, кирасах и шлемах. Они постоянно косились на невиданных чужеземцев, как будто не веря своим глазам и ожидая от них какого-то чуда. О чем там послы пришли договариваться, так и осталось во многом для конкистадоров загадкой из-за плохого знания языка, но кое-что и прояснилось.

Внимательно вслушиваясь в диалог правителя и эмиссаров, Фернан прошептал другу:

– Ты слышал? Вождь представил нас, как своих друзей из далеких земель.

– Да, а еще пару раз заметил, что мы великие воины и таких, как мы, еще очень много. Похоже, правитель пытается запугать посланцев. Он намекает, что есть у него, мол, могучий союзник, так что с ним лучше не ссориться, – ответил Себастьян. – А мы являемся зримым подтверждением этой угрозы.

То ли вид испанцев произвел на пришлых дипломатов неизгладимое впечатление, то ли что-то еще, но переговоры удались. После того, как чужое посольство через три дня покинуло город, вождь явно повеселел. Он устроил шумный праздник, на котором гулял весь город. Не обошлось и без странных ритуалов с молитвами, песнопениями и возжиганием ароматной смолы на вершине самой большой пирамиды. К удивлению конкистадоров ни одного человека в тот день не принесли в жертву. Они пока вообще не видели здесь этих кровавых ритуалов.

Среди слуг выделялся один бойкий и веселый парень. Подросток на несколько лет младше Фернана, он больше всех старался угодить своим новым господам. Особенно же настойчиво и терпеливо он учил испанцев языку. Имя его конкистадоры выговаривали неправильно и, судя по смущению самого юноши и смеху слышавших это индейцев, оговорка получалась нелепая. Потому Себастьян, не тратя времени, нарек парня Луисом. Тот не только не обиделся, но даже возгордился.

Осваивая постепенно речь, испанцы все больше засыпали Луиса вопросами, пытаясь разобраться во всех аспектах жизни индейцев. Вопросы религии интересовали их больше всего, но подходить к ним следовало аккуратно. Не хватало еще неосторожным словом обидеть веру индейцев! А ну как Луис передаст оскорбительные слова про богов местному вождю! Себастьян, опытный человек, неоднократно обжигавшийся в вопросах доверия к людям, в первый же день предупредил Фернана, что в любом слуге нужно видеть в первую очередь соглядатая. Приходилось осторожничать.

Также конкистадоров очень интересовала внешность местных жителей.

– Послушай, Луис, почему у людей голова такая, – с этими словами Себастьян сделал руками жест, как будто давит воображаемую голову между ладоней. – Они болели?

Индеец озадаченно посмотрел на чужаков, которые не понимают таких простых вещей.

– Это же красиво, – начал растолковывать он. – Посмотрите. Вон сын халач уиника.

Испанцы уже знали, что халач уиник – «настоящий мужчина» на языке индейцев, означает главного вождя. Они посмотрели туда, куда показывал Луис. В носилках мимо них проезжал молодой человек со сплюснутой и вытянутой вверх головой, крючковатым носом и в богатых пестрых одеждах. Они уже несколько раз видели сына правителя во дворце.

– О, его голова подобна початку маиса, лучшему из даров бога Ах-Муна! Милость богов накрывает человека столь красивого. Сразу ясно, что это знатный и благородный господин.

Было видно, что Луис с трудом подбирает слова. Он не желал ущемить свою поэтическую речь, лишив ее красочности и размаха, но пытался при этом говорить не слишком сложно. Он же хотел, чтобы чужеземцы, не знающие нормального языка, его поняли! Голова юноши, вытянутая вверх и украшенная на конической макушке плюмажем из зеленых перьев, в самом деле напоминала кукурузный початок.

– А нос? – допытывался Риос. – Зачем его увеличили и сделали крючковатым?

– Это особая глина. Она застывает и хорошо держится, делая человека красивым. Так может украсить себя только сильный вождь или храбрый воин. Такой нос делает лицо свирепым и грозным, как и пристало вождя или воителю. Лицо подобно орлиному клюву!

– Ну хорошо, с носом понятно, но как быть с головой? Это же кость!

Луис задумался. Объяснить все это словами было бы слишком сложно, потому он повел чужеземцев за собой. Подойдя к одному из домов, слуга приятельски поговорил с хозяевами и они провели гостей внутрь. Там испанцы стали свидетелями удивительной и пугающей про-

цедуры. Совсем маленький ребенок, грудничок, лежал в колыбели с головой, закрепленной между двух досок. Конкистадоры не сразу поняли, что этими своеобразными тисками родители пытаются изменить форму черепа своему сыну. Но когда сообразили, то пришли в ужас. Так им открылась причина приплюснутых и деформированных голов местных жителей.

– Боже, как они не умирают в младенчестве?! – выпалил Фернан, оказавшись снова на улице. В эту секунду он окончательно понял, что все индейцы просто сумасшедшие.

– Ну, Фернан, люди вообще-то очень живучие существа, – ответил Себастьян. – Ты бы видел, после каких ранений они иногда выживают. А у маленького ребенка кости еще довольно мягкие. Если телу помешать расти нормально, то оно начнет искажаться и менять форму. Я слышал, на Востоке детей специально калечат, чтобы из них получились уроды для балагана.

– Но это родители сами уродуют своего же ребенка! И так поступают многие! Зачем?!

Луис всю тираду Фернана не понял, но сообразил, что испанец пытается разобраться в причинах таких изменений. Он тут же вступил с объяснениями.

– Наши благородные правители щедры. Они не лишают простых людей права на красоту. Не только вождь, но и обычный человек может украсить своего ребенка. Когда он вырастет, то им будут восхищаться все, кто его увидит.

Фернан сначала утешал себя тем, что неправильно понял объяснение. Потом он посмотрел на слугу как опасно больного, помешанного человека.

– Можно обойтись и без досок, – добавил индеец. – Просто крепко завязать на голове ребенка длинную ткань, пока не подрастет. Сильно замотать голову. Тоже получается красиво.

Красота требовала больших мучений. В этом городе испанцы тоже видели людей с обожженной на макушке кожей, чтобы там не росли волосы. Мужчин, женщин и даже детей с подпиленными зубами остроконечной формы. Татуировки или сережки в разных частях тела были практически у всех. Но и тут имелось имущественное расслоение. Украшения из нефрита, столь драгоценного в глазах индейцев, могли позволить себе лишь вельможи. Также высоко ценились яшма, бирюза, топазы. Золото в этом регионе встречалось редко. А вот костяную сережку можно было увидеть и в ухе бедняка.

– Когда вы пришли в город, в богатых невиданных одеждах, с ожерельями из нефрита, все сразу поняли, что вы большие люди, – рассказывал Луис. – Я удивился, что такие знатные люди идут сами, без слуг и носильщиков. Откуда вы пришли?

Себастьян переглянулся с Фернаном. Вот и началось! Он сразу заподозрил, что слугу приставили специально, чтобы разузнать все о гостях. Риос пустился в долгие объяснения, стараясь максимально запутать индейца. Это удалось, особенно за счет того, что Себастьян делал вид, что говорит на местном языке хуже, чем он его освоил на самом деле.

Чуть позже, оказавшись наедине, Фернан спросил у друга:

– А ты не перегнул палку? Судя по твоим словам, наша родина находится неизмеримо далеко и добираться нужно очень долго. Не думаешь, что теперь индейцы, убедившись в том, что нас здесь некому защитить, просто сделают двух чужаков рабами?

– Тут не предугадаешь, как лучше поступить, – с досадой ответил Себастьян. – Я же не мог сказать, что наша родина рядом. Местные жители хорошо знают окрестные земли и сразу уличат нас во лжи. И захотят узнать правду. Главное, чтобы до них не дошли вести о нашем бегстве из другого города.

Дни проходили, а в жизни испанцев не наступало никаких перемен. Их обеспечивали едой и кровом, окружали слугами, воины регулярно приглашали чужаков к себе для общения и тренировок. Вождь не вызывал их к себе и, казалось, потерял к ним интерес. Однако и отпустить их не хотел. Конкистадоры же жадно впитывали новые знания, которые помогли бы им выжить.

– Расскажи о богах и о создании мира, – попросил однажды Фернан у Луиса.

– Вам еще очень много нужно узнать. По сказаниям мы живем в мире Пятого Солнца, пока милостивы боги. Уже четыре раза мир погибал от страшных бедствий, и исчезали люди, что в нем жили. Поначалу боги сотворили зверей, но те не знали речи и не желали поклоняться создателям. Они не молились и не приносили им даров, за что были изгнаны в леса. Потом боги пытались сделать человека то из глины, то из дерева, но все было тщетно. Люди выходили то дикие, то глупые, то неблагодарные. Прямо как звери.

Испанцы слушали все это, до глубины души поражаясь бестолковости местных верований. Они-то считали, что создание мира и людей происходило совсем иначе.

– Мир ненадежен, – сокрушенно качал головой Луис. – Пройдет какое-то время и он снова погибнет. И закончится эпоха Пятого Солнца. Как в прошлый раз, когда великие воды затопили землю и спаслись лишь боги.

Услышав это, испанцы ошеломленно переглянулись.

– Невероятно, – прошептал Себастьян. – Индейцы сохранили память о потопе. Но как?! У них ведь нет Священного Писания!

Дальнейший рассказ показал, что в религии индейцев вообще многое перекликается с европейскими представлениями. Местные жители думали, что небесный свод держат по углам четыре бога, что показалось испанцам удивительной параллелью с атлантом из греческих мифов. Кроме того, индейцы майя считали, что рай находится на небе, почему-то разделенный на несколько горизонтальных ярусов. Ад же, называемый Шибальба и тоже состоящий из уровней, они помещали под землю. О преисподней Луис заговорил с нескрываемым страхом и только после долгих уговоров.

– Шибальба – это место, где нет спасения от боли, пыток и унижения. Там правят безжалостные владыки, чьи имена я не осмелюсь произнести. Они еще и до смерти мучают людей: насылают болезни и безумие, пугают видениями, лишают покоя. А уж после смерти они получают человека в свою полную власть. Попавшим туда людям дорогу преграждают реки, полные крови, повсюду подстерегают змеи, пауки и скорпионы. Но все это не стоит даже разговора. Настоящие мучения начинаются, когда странник доходит до владык Шибальбы.

Видно было, что Луис все больше мрачнеет по ходу повествования. Страх плескался в глазах молодого индейца, перехватывал горло, ломал голос. И все же слуга, собравшись с духом, продолжал:

– Владыки Шибальбы пытаются умершего пламенем и холодом, помещают в Дом Мрака, где он бродит, испуганный и одинокий, лишенный малейшей надежды. Могут отправить человека в Дом Обсидиана, где при любом неосторожном движении его будут резать острые лезвия. Или же бросить несчастного в Дом Ягуаров, которые станут рвать его на куски. А еще там есть ужасный Дом Летучей Мыши, где правит бог-непопырь, пьющий кровь. Там много летучих мышей, с зубами острее обсидиана, которыми они кусают людей.

– Да, похоже, что дьявол разошелся в этих краях не на шутку, – заметил Фернан. – Да и как иначе? Индейцы, не зная слова божия, лишены даже призрачного шанса избежать ада. Они попадают туда все поголовно и Сатана тешит себя, пытая этих бедняг целую вечность.

– А местные жрецы – первые приспешники дьявола, – ответил Риос. – Именно они морочат туземцам голову, заставляя верить в эту нечисть и обрекая души грешников гореть в аду. Насколько я понял, в эту Шибальбу попасть может любой индеец. Наивный дикарь живет всю жизнь, исполняя свои ритуалы и принося жертвы. Он-то думает, что поступает так, как угодно его богам и не знает, что тешит лишь Сатану. Для него нет спасения и после смерти он, естественно, попадает в ад. Да уж, эту кошмарную религию нужно искоренить любой ценой.

Увидев, что Луис после описания этих ужасов окончательно впал в уныние, понимая, что Шибальба ждет и его, конкистадоры поспешили перевести разговор на другую тему.

– Так как же появились люди, что живут и поныне?

– Боги догадались слепить человека из маисового теста, – слегка воспрянув, ответил Луис. – Это и были правильные люди, что живут и теперь. Теперь понимаете, почему мы так почитаем бога маиса? Мы когда-то были созданы из этого растения. К тому же маис дает нам жизнь, без него мы бы давно погибли от голода.

С этим испанцы были вполне согласны. Огромные кукурузные поля окружали города и селения, обеспечивая индейцев крупой и мукой. Хотя здесь выращивали еще фасоль и бобы, кабачки и тыкву, всевозможные съедобные клубни и томаты, но именно кукуруза являлась основой рациона местных жителей.

Практичный Себастьян направил разговор в наиболее важное русло.

– Первые люди были дики и неблагодарны. А как нужно благодарить богов?

Луис пустился в долгие рассуждения о религии. Выходило, что богам угодны столь сложные и многочисленные ритуалы, что у испанцев скоро головы закружились. Тут были посты и молитвы, танцы и особые театральные представления. Во славу богам индейцы строили храмы на вершинах пирамид, жгли ароматическую смолу, следили за звездами, вели календарь, даже совершали паломничества в особые религиозные центры. Последний факт особенно заинтересовал европейцев. А вдруг все же есть у туземцев карты, по которым они ориентируются?

Чем больше конкистадоры слушали, тем меньше понимали. У богов были разные ипостаси. Восходящее солнце именовалось одним божественным именем, заходящее – другим. Путешествуя по подземному миру ночью, солнце носило третье имя, имело другой облик, вкусы и привычки. Каждый процесс и природное явление, любое ремесло или животное, звезда или растение имело своих богов. Чего стоил только бог татуировки или звездочетов или особый бог игроков в мяч. К тому же один и тот же бог мог отвечать за совсем разные дела. И внезапно оказывалось, что покровитель воинов оберегает еще и купцов. А один из богов, держащих небесный свод, также защищает пчел и пчеловодство.

Все эти сведения лишь укрепили конкистадоров в мысли, что индейцы, живя по этим нелепым и греховным правилам, попадают в ад поголовно. Под конец рассказа испанцы дождались того, что интересовали их больше всего.

– Наиболее же угодная богам жертва – это человеческая кровь. Любой человек может подарить им свою кровь, сделав надрез обсидианом или укол шипом. Богов нужно поить кровью, иначе они ослабеют и даже могут умереть.

С этими словами Луис подвел испанцев к прилавку, на котором лежали товары купца, прибывшего откуда-то издалека. Слуга показал на узкую кость.

– Это шип плоской рыбы. Хорошо подходит для пускания себе крови. Угодно богам.

– Это из хвоста ската, – прокомментировал Себастьян. – С зазубринами. Укол должен быть довольно мучительным.

– Очередное подтверждение того, что здесь дьявол прикидывается богом и морочит индейцам головы, – пробормотал Фернан. – Обманывает их и заставляет самих себя истязать.

Оказалось, что ритуальные кровопускания стали для индейцев прибыльной статьей торговли. Шипы ската и особенно острые рыбы кости купцы несли для этого с морского побережья. Мастера откалывали небольшие пластинки обсидиана специальной формы, удобной как раз для того, чтобы себя порезать. Колючки некоторых растений, длинные и прочные, тоже высоко ценились для самоистязания.

– Но самая великая жертва – это человеческая жизнь. Боги немало потрудились, создавая этот мир и оберегая его от потоков, пожаров, засухи и землетрясений. Многие из них умерли для того, чтобы люди смогли жить. Так разве благодарность человека может быть меньше щедрости богов? Попасть на алтарь под нож – большая честь! Есть большие праздники, когда приносят жертвы, но иногда богов нужно срочно умилостивить, если они гnevаются.

Фернан и Себастьян, услышав это, лишь хмуро переглянулись. А вдруг вождь решит, что именно удивительные чужеземцы станут наиболее угодной жертвой кровожадным богам!

14. Война

Неожиданным, как подкравшийся ягуар, стало для испанцев известие о приближающейся войне. Просто однажды утром им объявили, что вождь собирается вести армию в поход. Разумеется, для двух таких грозных бойцов место в отряде обязательно найдется. И вот через два дня конкистадоры покинули город. Примерно три тысяч солдат составляли внушительную силу. Рядом с ними шли музыканты, неся барабаны и трубы. А еще, конечно же, жрецы, которые прямо на ходу молились богам и размахивали небольшими лампадами, из которых разносился сладкий аромат благовоний. Кроме того, это войско сопровождало две тысячи носильщиков, которые тащили связки стрел и дротиков, корзины с камнями для пращи, а также запасы еды.

Большую часть участников составляли обычные горожане, призванные в ополчение. Без доспехов, в набедренных повязках и самых простецких плащах. Оружием им служили копья с кремневыми наконечниками, луки, а то и просто деревянные дубины. Но несколько сотен бойцов выделялись из общей массы. Это была местная военная аристократия. Ярко раскрашенные хлопковые стеганки защищали их тела, головы украшали деревянные шлемы с высокими плюмажами. Богатые плащи, расшитые перьями, ожерелья и серьги из нефрита, пестрые щиты, мечи с обсидиановыми вставками. Выглядели эти воины живописно.

Испанцы, доказавшие свое право примкнуть к лучшим бойцам, шли в первых рядах. Практически сразу за носилками, в которых восседал вождь. Фернан шагал посреди этого шумного, пестрого людского потока и чувствовал себя ужасно глупо.

– Себастьян, ты не думаешь, что сейчас самое время попытаться сбежать? Мне совсем не хочется ввязываться во внутренние индейские междоусобицы.

– Попытаться можно, да вот только что мы станем делать, если сумеем скрыться? Оружие и доспехи при нас, но ты ведь уже убедился, что здесь главным врагом стоит считать голод и враждебную природу. Их мечом не зарубишь. Всю еду несут носильщики, а ведь они идут позади отряда. Вряд ли мы сумеем прокрасться ночью через спящий лагерь, раздобыть целый мешок провизии и не поднять при этом переполох.

– Так что, ты предлагаешь нам и в самом деле сражаться за индейцев? Мы ведь даже не знаем из-за чего конфликт.

– Какая нам, в сущности, разница? – пожал плечами Риос. – Даже если мы узнаем причину, то что изменится? Вождь пригласил нас в свой город, обеспечил жильем, едой и слугами. Теперь, разумеется, ждет ответной помощи. Я и сам предпочел бы заплатить ему за гостеприимство нефритом и пойти своей дорогой, но у нас выбора нет. К тому же. Подумай, какой авторитет мы завоюем, если поможем победить. Тогда можно попробовать договориться с правителем и попросить у него проводника и еды в дорогу.

– Шутишь? – хмуро спросил Фернан. – Если вождь убедится, что мы действительно хорошие бойцы, то уж точно не захочет нас отпустить. Мне еще одна мысль не дает покоя. А что, если мы идем сражаться с каким-нибудь испанским отрядом, который недавно приплыл с Кубы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.